

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

**КУЛЬТУРНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ПРИ ПОСОЛЬСТВЕ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН
В МОСКВЕ**

**ИРАН:
ИСЛАМ И ВЛАСТЬ**

**Москва
ИВ РАН—Крафт+
2001**

ББК 66.3(07)(5Ирн)
И87

Ответственные редакторы
Н. М. Мамедова и Мехди Санаи

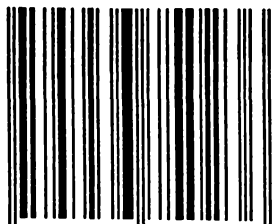
И87 Иран: ислам и власть. — М., Институт востоковедения РАН,
Издательство «Крафт+», 2001. — 280 с.

ISBN 5-89282-185-4 (ИВ РАН)
ISBN 5-93-675-023-X (Крафт+)

Вошедшие в сборник статьи дают представление о сущности уникального для XXI века государственного строя в Иране — об исламской республике, его структуре и содержании, изменениях политики режима и эволюции взглядов исламских и государственных лидеров. Особое внимание уделено событиям последних лет, наиболее важным направлениям внутренней, внешней, социальной, культурной и экономической политики.

ББК 66.3(07)(5Ирн)

ISBN 5-89282-185-4 (ИВ РАН)
ISBN 5-93-675-023-X (Крафт+)

9 785936 750236

© Институт востоковедения РАН, 2001
© Культурное представительство
при посольстве ИРИ в РФ, 2001
© Коллектив авторов, 2001
© Издательство «Крафт+», 2001

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>Мехди Санаи.</i> Политическая мысль в исламском обществе	6
<i>Н. М. Мамедова.</i> Исламское государство: соотношение государственных и идеологических приоритетов	14
<i>С. Б. Дружиловский.</i> К вопросу о характере антишахской революции в Иране (по материалам зарубежной литературы)	23
<i>В. Б. Кляшторина.</i> Происхождение и трансформация лозунга иранской революции «на шарги, на гарби — эслами» (к проблеме национальной идентификации)	31
<i>Г. П. Авдеев.</i> Некоторые концептуальные взгляды аятоллы Талегани на сущность исламской власти	37
<i>Н. М. Мамедова.</i> Тенденции демократизации во внутривполитической жизни Исламской Республики Иран	52
<i>С. М. Раванди-Фадаи.</i> Фракционизм в Иране и роль иранского духовенства в послереволюционной политической жизни страны	64
<i>В. П. Цуканов.</i> О реализации финансовой политики Ирана в условиях нефтяных шоков (за период 60–90-х годов)	75
<i>М. В. Вагин.</i> Президент М. Хатами и его концепции «исламского гражданского общества» и «диалога цивилизаций»	103
<i>К. В. Марков.</i> Сущность «исламского возрождения» в современном мире и процессы эволюции общественно-политической системы Исламской Республики Иран	114
<i>А. З. Арабаджян.</i> О речи имама Хомейни на кладбище Бехеште Захра 1 февраля 1979 г. (к вопросу о характере Иранской революции 1978–1979 гг.)	123
<i>М. С. Каменева.</i> Персидский язык как фактор культурной интеграции	137
<i>О. И. Жигалина.</i> Современная ситуация в Иранском Курдистане	142
<i>Л. М. Кулагина, В. М. Ахмедов.</i> Иран выходит из изоляции	149

<i>А. З. Арабаджян.</i> Сверхдержавы и Исламская Республика Иран (точка зрения)	164
<i>Е. В. Дунаева.</i> Иран и страны Западной Европы: отношения развиваются	167
<i>И. Е. Федорова.</i> Ирано-американские отношения — рубеж веков	177
<i>М. Р. Арунова.</i> РФ — ИРИ. Политический диалог: 1999–2000 гг.	184
<i>Е. А. Орлов.</i> Россия и Иран в XX веке (основные этапы взаимоотношений)	193
<i>З. А. Арабаджян.</i> Давление США на СССР и достижение договоренностей о выводе советских войск из Ирана после II мировой войны	207
<i>В. В. Хуторская.</i> Взаимоотношения Исламской Республики Иран и стран Центральной Азии	220
<i>Л. Саломатшаева.</i> Кораническая основа одного суфийского рубаи Хасана Дехлеви	238
<i>С. Э. Талыбова.</i> «Фигуры речи» и копулятивные сочетания в выступлениях высшего руководства ИРИ	244
<i>С. М. Кудяев.</i> О взглядах некоторых иранских ученых на проблемы экономической политики	252
<i>Ю. А. Аверьянов.</i> Суфизм и политика в творчестве шаха Исмаила I Сефевии (Хатаи)	258
Summary	274
Contents	275

ПРЕДИСЛОВИЕ

В марте 2000 г. в Москве в Институте востоковедения РАН была проведена научная конференция на тему «Иран: ислам и власть», вызвавшая большой научный и практический интерес. Проблема власти в исламе после образования в Иране в 1979 г. исламской республики стала чрезвычайно актуальной, так как политика и практика новой государственной власти Ирана оказала весьма значительное влияние на состояние и перспективы международной политики. После иранской революции, которая ликвидировала монархический строй, имевший в этой стране тысячелетние традиции, и установила своеобразный республиканский строй с атрибутами религиозной власти, прошло более 20 лет. Какова сущность исламского республиканского строя, какие изменения претерпела она в своих различных проявлениях, изменилось ли соотношение государственных и религиозных интересов, соотношение светских и религиозных элементов в структурах власти, в ее политике? Эти и многие другие вопросы стали объектом рассмотрения в выступлениях участников конференции, а прочитанные доклады составили содержание настоящего сборника. В сборник вошли также статьи, казалось бы, не имеющие непосредственного отношения к теме «ислам и власть», однако расширяющие представление о сущности и особенностях исламского правления в Иране.

Некоторые суждения и точки зрения, высказанные авторами, не соответствуют официальным или не разделяются ответственными редакторами сборника. Однако представляется, что различные взгляды на проблемы современного Ирана, отношений Ирана с различными странами могут быть интересны не только с научной точки зрения, но и полезны для официальных кругов России и Ирана.

Статьи публикуются в авторской редакции. Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке Культурного представительства при посольстве Ирана в Москве.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В ИСЛАМСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Политическая мысль — одно из самых главных направлений интеллектуальной жизни мусульман в течение двух последних столетий. Этот вопрос, в первую очередь, следует рассматривать в контексте продолжительной борьбы различных мусульманских народов в течение этих столетий за суверенитет и свободу от западных держав. Эта борьба пока еще не достигла цели и, следовательно, в будущем потребует дальнейшей политизации мышления мусульман.

Стимулирующим эту тенденцию фактором является наличие глобальных экономических, стратегических и политических интересов «западного» мира в традиционных исламских территориях. Но самым главным фактором является то, что между исламом как комплексной программой для урегулирования жизни человека и политикой как необходимым средством для осуществления этой программы существует органическая связь. Стремление к власти, вытекающее из контекста этой связи, стала объектом нападков западных критиков.

Исследовательский взгляд на этот вопрос исключает всякие сомнения в том, что в сердцах и природе мусульман скрывается особая тяга к политике, которая питается духом самого исламского учения. Но во многих случаях эта тяга скрывается за состоянием покорности и политического безразличия. Если атрибутом политики считать умение жить и работать совместно с другими, то из пяти столпов ислама (точхид, намаз, пост, закят и хадж) четыре отражают более предпочтительное отношение ислама к морали, возвышению духа сотрудничества и групповой сплоченности между его последователями. А в джихаде, который некоторые мусульмане считают шестым столпом, скрыто больше потенциала для такого духа.

Если исходить из позиции тех, которые считают стремление к достижению власти атрибутом политики, то следует признаться, что очень трудно найти другое мировоззрение, более политическое, чем ислам. Ислам, считающий саму человеческую природу связанной с его естественными и духовными потребностями, никогда не согласится с отказом от пояснения и комментирования своих стремлений, тем более что он всегда стремится к реализации этих целей. А власть — одно из самых основных средств для достижения этой цели.

Коран требует от мусульман во всем следовать благородному примеру Пророка Мухаммада. Например в суре «Сонмы» в 21-м аяте сказано: «Был вам в посланнике Аллаха пример хороший тем, кто возложил свои надежды на Аллаха...». Следовательно, с учетом того, что основным достижением Пророка было основание правления на основе исламского учения, то мусульмане обязаны следовать ему в этом.

Есть еще более упрощенный фактор в пользу единства ислама и политики как искусства управления. Среди общественных и обязательных обязанностей мусульман самой главной следует считать «поощрение дозволенного и предостережение недозволенного» в мусульманском обществе (т.е. в странах с преобладающим мусульманским населением) и защита ислама. Но выполнение этих обязанностей возможно при наличии власти, которая даже если полностью не привержена исламу, то хотя бы проявляет заинтересованность и благожелательность к его целям.

И наконец, если спор о том, кто должен властвовать и почему мы должны подчиняться правителям, принять за основу политики, то известно, что никакой здравомыслящий мусульманин, пусть даже упрощенно и поверхностно, не может прочесть свою историю без потребности к выяснению этих вопросов и спорам вокруг них в обществе единоверцев. Все перечисленные факторы являются чисто теоретическими и потенциальными элементами, которые говорят в пользу политизации сознания мусульман. Эти даже самые предварительные убеждения, логически требующие, чтобы каждый мусульманин являлся и политическим индивидом.

Общеизвестно, что для реализации этих принципов необходима благоприятная среда, самыми главными элементами которой являются наличие свободы слова, свободы собраний и свободы действий. Большинство мусульман жили и живут при правлении режимов, которые ущемляют эти свободы. Некоторые социологи считают эти выводы второстепенными, видимо, считая, что наличие подобных свобод менее значимо, чем таких признаков демократи-

мократических систем, как развитие торговли и промышленности, становление самостоятельной буржуазии. Но подобное несогласие выдвигает вопросы, которые в большинстве своем не имеют ничего общего с основами исламского религиозного учения.

Мусульмане традиционно редко рассматривают политику отдельно от других наук и связанных с ней познавательных процессов. Такие вопросы, как сущность, разновидность и элементы власти (правления), качества правителя, ограничение его власти и права подданных, всегда были комплексной частью фикха и калама, рассматривались под эгидой и в пределах шариата. И только под влиянием и под давлением военной, политической и культурной экспансии европейцев (начиная со второй половины восемнадцатого века) мусульманские мыслители приступили к сочинению отдельных произведений по специальной политической проблематике.

Одной из примечательных особенностей таких произведений, с точки зрения взаимодействия Ислама и Запада в новейшей истории, является язык этих произведений. Большинство реформаторов сочиняли свои произведения языком исламских наук, то есть с использованием терминологии фикха и ссылкой на аяты Корана и хадисы Пророка, одновременно со ссылкой на другие источники. Но постепенно, по мере того как стал увеличиваться слой прозападной интеллигенции, традиционная терминология стала восприниматься как признак отсталости. Единство и сплоченность исламских мыслителей стали разрушаться.

Такое разрушение единства традиционного общества находило свое отражение в языковом разъединении. И это явилось одним из главных препятствий для проведения необходимых полезных и содержательных дискуссий между мусульманами из различных слоев общества и различных возрастов по социальным и политическим вопросам.

После второй мировой войны все более отчетливо стала проявляться тенденция приверженности мусульман к традиционному направлению. Все больше усиливалось сознание того, что никакая политическая мысль, какой бы обязательной и жизненной она не была, не может направлять их к победоносному движению, если не выяснится, насколько она, с точки зрения формы и содержания, соответствует принципам их религиозных представлений.

В связи с этим значительный теоретический интерес может представить исторический аспект развития политической мысли в исламе. То, что в прошлом политическая мысль была органи-

ческой частью познания и рассматривалась сквозь призму древних исламских наук, не ограничивало ее и не служило поводом для скудности и бесцветности ее содержания. Действительно, исследователь политической мысли в истории ислама в течение шести-семи веков после его возникновения обнаружит комплекс привлекательных позиций, принадлежащих соперничающим между собой идейным школам.

Вслед за кончиной Пророка ислама разгорелись споры среди его последователей на предмет избрания преемника. Поверхностно споры касались лиц и личностей, но внутренней причиной этих споров были те же политические мотивы, привлекающие проницательные и деятельные умы во всех странах и во все времена.

Нам чрезвычайно важны методы и мотивы интерпретации этих споров со стороны современных тем событиям мусульманских авторов. Следует отметить, что эти методы подчинены не только групповым или идеологическим позициям этих авторов, но и интересам тех обществ, к которым принадлежат эти авторы.

Часть мусульман были убеждены, что Пророк сам действительно назначил своего преемника. Этим преемником был его зять и двоюродный брат — Али. Они считали, что данное назначение состоялось в ходе последнего паломничества Пророка в Мекку, 18 месяца зульхиджа, в 11 году хиджры (632 г.), в местности под названием «Гадире хом».

Пророк в этой местности и в этот день в ходе чтения судьбоносной «Хутбы», которая дошла до нас в различных вариантах, изъявил свою волю по этому вопросу; самый распространенный вариант этого высказывания Пророка таков: «Все, для которых я являюсь господином, пусть считают своим господином Али». Эта группа сторонников постепенно стала считаться шиитами (то есть группа сторонников Али). Убеждение шиитов было гораздо шире области следования личностным качествам Али. Они были убеждены, что божественная милость и справедливость по отношению к рабам божьим обязывает не оставлять без внимания вопрос «имамата». Те же соображения, подтверждающие необходимость пророчества, доказывают и необходимость наличия непорочных предводителей (имамов) для руководства (велят) правоверными в отсутствии пророков. Кроме того, следствием принятия учения Мухаммеда (да благословит его Аллах и приветствует) является приверженность к осуществлению этого учения. Только верное и правильное понимание действительных замыслов Корана и Преданий Пророка

могло продвинуть исламское общество в этом направлении. Но подобное понимание являлось компетенцией избранных и приближенных к Пророку лиц. Этими лицами были Али и одиннадцать его потомков мужского пола.

Шииты в ответ на критику сторонников выборности преемников Пророка утверждали, что вопрос руководства обществом мусульман слишком важен, чтобы решался путем выбора со стороны простых, некомпетентных лиц, которые могут избрать на этот пост несправедливого человека. Такой подход противоречит божественным целям, заключающимся в ниспослании Книги и пророчества. Лишь одному Богу известно наличие таких качеств, как знание и непорочность у людей, и только он может ознакомить людей с этими лицами через своих пророков, и тем самым обеспечить победу божественного откровения и своих ниспосланий.

Отсюда выдвигается вопрос о личностях, ибо, по мнению шиитов, только близкие Пророку лица могут обладать подобными качествами; а все эти качества в целом имеются только у Али и его потомков мужского пола.

Данный вопрос у шиитов является своего рода дополнением к другому присущему им постулату, который, вероятно, является важнейшим компонентом в шиитской политической теории, а именно: абсолютная и окончательная необходимость справедливости, как условие для руководства. Это четко изложено в аяте Корана: «Завет мой не распространяется на (тех из них), кто нечестив» (Сура 2, аят 124). Своего рода дополняющим принципом в теории шиитов об имамате является признание роли улемов или моджтехидов в исламском обществе в период отсутствия имамов. Слово «улемы» (мн. ч. «алимов» — ученых) означает исследователь и сведущий, или в специальном понимании — религиозный исследователь. «Моджтехид» — это ученые, которые имеют право как авторитетные богословы выносить заключения по вопросам фикха на основании подлинных источников. Если имамы обязаны руководить обществом мусульман после кончины Пророка, то улемы и моджтехиды должны направлять общество мусульман после «периода имамата», т. е. после скрyтия Имама. Различия между этими двумя категориями лиц, конечно, в том, что улемы не обладают присущим имамам опытом непорочности и другими сверхъестественными их качествами. Другая группа мусульман, которая составляет большинство в мусульманском обществе, придерживается того мнения, что Пророк сознательно и

целенаправленно оставил вопрос о своем преемнике открытым и возложил его решение на своих последователей (на умму), чтобы они сами решили — кто наиболее праведный, благочестивый и достойный для того, чтобы стать преемником Пророка и продолжателем его дела. Эту группу мусульман называют суннитами (или последователями сунны). Данное качество выбрано для того, чтобы подчеркнуть приверженность этой группы принципам, а не личностям. Несомненно, данному представлению способствует и то положение, что у Пророка не было сыновей. Многие из суннитов не отрицают достоверность хадиса, связанного с Гадиром, но проявляют несогласие с выводами шиитов, связанными с этим хадисом, особенно при разъяснении термина «моула» («наш господин»), произнесенного Пророком.

Вместо этого сунниты признают за обществом мусульман право выбора преемника Пророка и политического руководителя и тем самым отвергают заранее предопределенное монопольное право отдельно взятой личности быть преемником или политическим руководителем. Важным моментом этой проблемы является появление вопроса о том, что последователи Пророка могут обладать большими знаниями о мирских вопросах их жизни, нежели он сам. Наверное, Пророк при этом имел ввиду время после своей кончины.

Каковы бы не были цели и намерения Пророка, решение суннитов стало определяющим после собрания мусульман в Сакифе. Ход этого собрания, судя по тому, как о нем говорится в трудах Табари (ум. в 923 г.) и у других мусульманских авторов, вызывает сомнение произвольность (без предварительной подготовки) его прохождения. В действительности же вокруг вопроса об избрании преемника разгорались острые споры. И только на том собрании вопрос назначения преемника был решен.

Абу Бакр, который после избрания на этот пост стал именоваться «преемник Посланника Бога», был одним из выдающихся членов исламского общества и ближайших сподвижников (асхаб) Пророка. Он был старше всех по возрасту среди кандидатов на пост преемника (халифа); раньше Пророк выбрал именно его в качестве спутника при своем вынужденном переселении из Мекки в Медину. Для Пророка это было значимое положение, т. к. даже нашло отражение в Коране (Сура «Покаяние», аят 40). Он отдал свою дочь в жены Пророку и был главным его советником. Все сказанное говорит о том, что сунниты при оценке происшедшего в Сакифе, в целях сохранения основного свойства этого

собрания (т.е. собрания избранных лиц или «людей решения и согласования») при избрании Абу Бакра и трех последующих после него халифов (Омара, Османа и Али, прозванных вместе с Абу Бакром «праведными халифами»), сами внесли в обиход определенную долю политики, связанной с личностями.

Кроме «иджма» (собрание избранных) избрание халифа сопровождалось еще «бай'ат», словарное значение которого — «рукопожатие», а смысл состоит в клятве верности халифу со стороны избирателей и обещания самого халифа перед последователями ислама о том, что он будет править согласно нормам шариата; а общество мусульман обещало подчиняться ему.

Таким образом, ключевыми политическими терминами для шиитов были «имамат», «веляят» (руководство) и «эсма» (непорочность), а для суннитов — «халифат», «иджма» и «бай'ат». Конечно, при этом встречаются и некоторые сходства и принудительная общность точек зрения: сунниты слово «имам» применяли по отношению к халифу, особенно когда подразумевали его духовные обязанности; а шииты признавали «иджма» с условием, что это понятие включало в себя и представление о «непорочности».

Третьим значительным течением раннего ислама была позиция тех, которые отвергали суннитов и шиитов, и назывались «хариджитами». А это подходящее название для лиц, которые стремятся к выходу, отделению, разрозненности. Данная секта появилась двадцать пять лет спустя после кончины Пророка, в результате первого крупного разделения в истории ислама. То есть в то время, когда группа мусульман восстала против Али (да будет мир над ним), который был в тот момент халифом. Он согласился на разрешение спора и противостояния с восставшим Муовийе посредством третейского суда. Хариджиты, которые считали данное восстание открытым противостоянием и конфликтом между божественной правдой и ложью, настойчиво утверждали, что в таких вопросах не должно быть никакого другого вердикта и суда, кроме божественного. То положение, что хариджиты могли для подтверждения своей позиции найти видимое основание из Корана, говорило о поверхностном и предвзятом изучении и понимании Священного писания со стороны этой группы. После того как они захватили часть исламских территорий, они внесли определенную долю умеренности в свой идеализм — наподобие большинства революционных групп, которые после завоевания власти поступают именно таким образом. Но наряду с необдуманном и экстремистским следованием внешним, поверх-

ностным аспектам Корана нельзя не отметить и того, что в их убеждениях существовало и демократическое начало, такое как признание одинакового права для всех мусульман, независимо от племенных привилегий, расы и сословий, право быть избранным в качестве руководителя и избрать его.

Данное убеждение противопоставляло их суннитам, которые считали пост халифа привилегией племени корейш (мекканской аристократии), и шиитам, которые ограничились в этом вопросе только семейством Пророка (Бани Хашим). Совокупность убеждений хариджитов, в т.ч. и о восхвалении действий как критерия веры и применение силы против несогласных, позволяет говорить как об основной сущности свойственного им радикализма, сознательного или бессознательного следования за ними некоторых фундаменталистских групп нового и новейшего периода истории.

Н. М. Мамедова

ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО: СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ

Иран, с точки зрения исследования соотношения государственных и идеологических приоритетов, — уникальный объект исследования. Иран относится к мусульманскому миру, потому что большинство его населения исповедуют ислам. Ислам имеет в Иране конституционный статус государственной религии, в официальном названии страны введено определение ее как исламской республики. Но главное, что позволяет говорить об уникальности, — то, что это название подкреплено конституционно закрепленными атрибутами и структурами государственной власти, которые обеспечивают руководство страны духовенством, а также тем, что исламские нормы организации общества и экономики введены и реализуются как государственные правовые нормы. Главным конституционным принципом, обеспечивающим легитимность исламской власти, власти духовенства, является, безусловно, принцип вела-е факих, на основании которого высшим государственным лицом страны является рахбар-лидер. Если быть корректным, с точки зрения конституционного права, то рахбар осуществляет руководство не государством, а лишь «руководство делами мусульман и иммамат», но перечень его прав и обязанностей, особенно главное командование вооруженными силами, определение общей политики государства, роль последней инстанции в решении споров между тремя ветвями власти, позволяют нам с полным основанием считать пост рахбара высшим государственным постом. Безусловно, исламскими структурами высшей государственной власти являются и Наблюдательный Совет, т. к. половина его членов назначается рахбаром, и Ассамблея по определению государственной целесообразности, т. к. все ее члены (и постоянные и временные) назначаются рахбаром.

© Н. М. Мамедова, 2001

Конституционное право обеспечивало контроль этих клерикальных структур над республиканскими органами государственной власти. А это, в свою очередь, обеспечивало, особенно в первое десятилетие существования режима, преобладание в государственном аппарате духовенства. Даже внутривластная жизнь была сведена сначала к деятельности партии духовенства — не к исламской или исламистской партии, членом которой могли быть и светские деятели, разделявшие программы ПИР, но не имевшие духовного звания (например, исламская партия Н. Эрбакана в Турции), а именно партии духовенства. А затем, после роспуска ПИР в 1988 г., она свелась и вовсе к отсутствию легальной партийной деятельности.

После революции 1979 г. в повседневную жизнь страны стали активно внедряться исламские нормы, и эта тенденция была закреплена также конституционно. По ст. 4 «все гражданские, уголовные, финансовые, экономические, административные, культурные, военные, политические и другие законы и установления должны быть основаны на исламских нормах». И мы с вами вот уже два десятилетия являемся свидетелями того, что этот конституционный принцип не утратил своей значимости. Исламская Республика Иран — это, безусловно, идеологизированное государство, где в качестве государственной идеологии является ислам. Ислам со времени своего появления является религией государственно-социальной, однако в наши дни только Иран является исламским государством, а не просто исламской страной. Поэтому процессы, идущие в Иране, его отношение к внешнему миру вызывают чрезвычайный интерес не только со стороны его соседей, но и исламских стран, и всего мирового сообщества. После распада халифатов, ликвидации последнего из них — Османского, мировое сообщество, казалось бы, развивалось без использования конфессиональных различий. Межгосударственные противоречия, главным образом, базировались на таких идеологических принципах, как националистические, классовые. Признаки возникающего крупного конфессионального выделения — и именно на исламской основе — появились с образованием международных организаций исламских стран, и прежде всего ОИК в 1969 г. Безусловно, что это уже само по себе — отражение центростремительных тенденций внутри исламского мира, некоторая альтернативность остальному мировому сообществу (есть даже своя Исламская Декларация прав человека). А для мирового сообщества небезразлично, какие тенденции в отношении его возобладают — сближение с ним или центробежные? И особенно ост-

рым не мог не стать этот вопрос после исламской революции в Иране. При успешном функционировании исламской формы государственности в Иране она может стать притягательной и для других стран. Безболезненное и взаимовыгодное для мирового сообщества взаимодействие с этими государствами действительно может вылиться в диалог цивилизаций, о котором говорит президент Ирана, в противном случае — в столкновение цивилизаций. Поэтому и столь важен опыт Ирана, особенно опыт его взаимодействия с мировым сообществом.

Опыт Ирана последних двух десятилетий показывает, что его политика и практика меняется, иногда довольно радикально, и эти изменения также обосновываются исламскими нормами, или исламскими понятиями. Мы на наших конференциях и в наших работах достаточно пристальное внимание уделяем эволюции исламского правления в Иране и направленности этой эволюции. Она отмечена по всем векторам — политической, экономической, внешнеполитической, военной, культурной. Конечно, сразу же возникает вопрос: это — результат реформации самого ислама или внешних воздействий? Или — результат потенциальных возможностей ислама, в данном случае иранского направления шиизма, его адаптации к современным условиям? И на все эти вопросы, вероятно, можно дать положительные ответы, если их свести к такому соотношению: интересы государства и ислама как государственной идеологии.

Есть ли противоречие в такой постановке вопроса? Ведь Иран — исламское государство по своему государственному устройству, а в исламе (и в сегодняшнем Иране) понятие справедливой власти адекватно исламской государственной власти. И тем не менее противоречие есть, так как многие из новых направлений в политике не могут быть объяснены иранскому населению только исламскими принципами, все больше начинает использоваться принцип государственной целесообразности, следование национальным традициям. Конечно, все это в высших политических кругах обосновывается тем, что все, что делается на пользу государства, сохраняющим исламскую форму, делается во имя интересов уммы и ислама. Имея в виду это толкование, и как догматически вынужденное, и как несущее определенное зерно истины, мы тем не менее должны пытаться отделить государственные приоритеты от чисто исламских. И мы с полным основанием можем говорить, что главным направлением изменений в Иране становится прагматизм как принцип государственной целесообразности и национальных интересов. Недаром ту часть политической элиты, кото-

рая более адекватно откликается на требования мирового развития, стараясь извлечь из него больше пользы для Ирана, называют в стране прагматиками, как бы отделяя их от тех, кто в большей степени руководствуется идеологическими, или исламскими принципами, трактуемыми в духе первых послереволюционных лет. Так, в новый меджлис 6-го созыва пришло поколение, выросшее на идеях исламской справедливости, связывающих процессы идентификации с исламом, но готовое принять и воспринять достижения вестернизации, но при этом — с условием использования их для повышения уровня самооценки и сохранения своего национального самосознания. Лидеры «Маджмы», пришедшие сейчас снова во власть, не считают изменение прежней политики изменой исламским принципам, хорошо помня, что именно в связи с созданием в свое время «Маджмы» аятолла Хомейни обратился с Братской хартией («Маншуре барадари»), в которой указывал, что врата иджитхада (толкования ислама) открыты для всех, и разные точки зрения на вопросы жизни общества возможны и полезны, если направлены на укрепление исламского государства.

Нужно сказать, что прагматизм всегда отличал иранское духовенство, находившееся у власти, и мы его обнаружим среди самых разных группировок духовенства.

Мне, конечно, наиболее близки вопросы экономического развития Ирана. Поэтому примеры будут из области экономики. Невысокая налоговая планка обеспечивала в первые послереволюционные годы (и обеспечивает сейчас) «мирное сосуществование» религиозных налогов и светского налогообложения. Попытки усилить налоговое бремя нередко приводили к дискуссиям о целесообразности сохранения светского законодательства в условиях исламской государственности. Весьма острой, например, была такая дискуссия в конце 1984 — начале 1985 г., в разгар ирано-иракской войны, когда требовались средства на ведение войны, стали падать цены на нефть, а собираемость налогов не превышала 30% от запланированных, и правительство Мусави представило в меджлис законопроект, предусматривавший повышение налогов. Нужно сказать, что в ходе этой весьма интересной дискуссии обнаружилось разное видение исламской экономики в целом, в частности и таких проблем, как передачи государственных предприятий в частные руки, по правам человека. Но центральное место в ней заняли проблемы налогообложения. Одним из главных аргументов против нового более жесткого налогового закона стал тот, что эта система — не исламская. Уже в

ходе подготовки этого закона, в 1984 г. аятолла Гольпагаени выразил свое недовольство тем, что уплата налогов государству стала многими рассматриваться как альтернатива уплате исламских налогов. (При этом, в свою очередь, так и напрашивается вопрос — что в этом заявлении преобладают — интересы ислама или интересы исламских улемов?) Но Акбар Хашеми-Рафсанджани, который в то время был председателем меджлиса и который в первую очередь исходил из насущных интересов государства, согласился с тем, что уплата исламских налогов необходима, но «наш законопроект является более важным». Несогласных с законопроектом он спросил: «Кто должен платить налоги? Что нам делать? Прекратить войну, закрыть школы, университеты? Не платить налоги — значит и сделать это». Правительственная политика была поддержана тогдашним президентом страны Али Хаменеи. Но и этого оказалось недостаточным, пока не было заявлено о поддержке законопроекта имамом Хомейни. Государственный прагматизм Хомейни отчетливо проявился и в согласии на принятие резолюции ООН, завершившей войну с Ираком, и в том, что без его предварительного одобрения не был бы 1-й пятилетний план, с которого началось реформирование страны.

Убедителен и пример с позицией сторонников «Ходжатийе», которые, являясь сторонниками открытого рынка и крупного капитала, объясняли это исламскими принципами, тем, что до прихода Махди они выступают против любого вмешательства государства в экономику. Весьма показательным отношением к трактовке с позиций ислама самых различных экономических принципов является позиция по отношению к возможности приватизации в 1984—1985 гг. Мохсена Рафикдуста, тогдашнего главы пасдаров, а впоследствии, до сентября 1999 г., — руководителя «Фонда обездоленных». Он, например, заявлял, что «если в какой-либо день приватизация будет хороша для общества и для ислама, мы поддержим ее. А если однажды лучше станет государственная собственность, то мы поддержим ее». Следует обратить внимание — на первом месте — «для общества», и уже на втором — «для ислама».

Одним из главных векторов изменений в Иране стал экономический. Иран пытается повысить свой экономический потенциал, начав уже в 90-е годы активный экономический диалог с остальным миром, осознав, что без мирового технологического опыта и привлечения иностранных инвестиций он не сможет повысить эффективность собственной экономики. Можно выстроить цепочку взаимосвязей: государство должно избавиться от зависимости от продажи сырой нефти, — следовательно, повысить конкуренто-

способность другой своей продукции, а это можно сделать: а) за счет снижения оплаты труда, а она в Иране и так недопустимо низка, б) за счет повышения эффективности производства, — следовательно, нужен импорт технологий и инвестиций, — значит, нужно приближение к правилам мировой экономики. Конечно, повышение эффективности иранской экономики усилит привлекательность иранской государственной модели, и в этом — проявление идеологического вектора. Но главное в экономической либерализации — государственный и общенациональный интерес.

В своей экономической политике иранское правительство пытается использовать многие из рецептов современных экономических теорий, но пока этот процесс идет с большими трудностями. Во многом тормозит этот диалог настороженность мирового рынка, особенно политика санкций США в отношении компаний, сотрудничающих с Ираном. Но главным препятствием активности на иранском рынке и отечественного капитала, и иностранного капитала является, конечно, недостаточность законодательного обеспечения их деятельности, в том числе гарантий их безопасности, нерешенность вопроса о банковской деятельности частного и иностранного капитала, упрощения налогового кодекса, создание одинаковых правовых норм для деятельности государственных, частных компаний и исламских фондов. И эти обе причины осознаются прагматическим крылом духовенства и правительства как самый главный на сегодняшний день государственный интерес.

Столь же отчетливы стали перемены и в политической жизни страны. С приходом к власти М. Хатами реальностью политической жизни Ирана стало создание политических партий. Уже муниципальные выборы, прошедшие в октябре 1999 г. в обстановке острого противостояния, показали позитивность использования партийного строительства для завоевания власти на всех уровнях. После выборов в местные органы власти сразу же началась предвыборная борьба за меджлис 6-го созыва. Стремительными темпами стало расти число партий и различных партийных группировок и общественных движений. «Маджма», или Ассамблея борющихся улемов, как группировка духовенства четко осознала, что в современном иранском обществе необходимо использовать партии, разделяющие взгляды на сохранение существующей исламской государственности, но объединяющие не только и не столько духовенство, но и остальные слои общества. По инициативе лидеров «Маджмы» был создан Фронт 23 мая, или 2 хордада

(день победы на выборах президента М. Хатами), в который вошли свыше 17 партий и организаций, которые и выдвинули общих кандидатов. Более того, в программных заявлениях делался упор на то, что количественное предпочтение должно уделяться светским депутатам. Такое развитие внутрипартийной борьбы несомненно в русле мировых тенденций организации политической жизни. Для Ирана нынешняя ситуация таит, на мой взгляд, и много опасностей. Несмотря на победу блока, возглавляемого «Мошарекят», многочисленность составляющих его партий может привести к нестабильности в меджлисе, достаточно убедителен негативный опыт внутривнутриполитической борьбы в соседней Турции, заканчивавшийся каждый раз военным переворотом. Наиболее устойчивой, как показал исторический опыт, является биполярная политическая система. В перспективе для Ирана предпочтительней, чтобы на его политической сцене остались 2–3 партии «центра», подобные «Мошарекят» и «Каргозаран», имеющие относительно одинаковые взгляды на направленность политического и экономического развития страны. К тому же опыт развития Ирана и в отсутствие светских партий доказал успешность биполярной политической системы в лице группировок духовенства — Организации борющегося духовенства и Ассамблеи борющихся улемов.

Таким образом, нарастание государственного прагматизма очевидно. Но знаковым подтверждением этого должно стать выдвижение на первый план политических общественных (светских) партий, и кардинальное изменение структуры политической и военной элиты в пользу светски-технократических кадров. На сегодняшний день этого не произошло, и именно этот процесс идет наиболее остро. Достаточно напомнить не только о предвыборной (накануне выборов в меджлис 6-го созыва) борьбе, но и ожесточенной политической борьбе после этих выборов.

Изменилась и внешнеполитическая стратегия страны, в которой фактически военный аспект (цель ИРИ) — «экспорт исламской революции» преобразован в культурно-цивилизационный — «диалог цивилизаций».

Конечно, болевыми точками в отношениях Ирана с мировым сообществом остаются поддержка исламистских организаций, определяемых Израилем и США как террористические, и программа создания атомной энергетики, осуществляемой сейчас с помощью России. И хотя Иран отрицает планы создания ядерного оружия, исключать такую возможность нельзя. Иран находится между Израилем, с одной стороны, Индией и Пакистаном — с

другой, располагающими ядерными технологиями или бомбами, но в отличие от Ирана не являющимися участниками ДНЯО. И если де-факто мировая общественность признала право Индии обладать необходимыми средствами сдерживания (Индия рассматривает ядерное оружие как средство минимального сдерживания), то Иран также может рассматривать возможность создать ядерное оружие как вызов начавшемуся в регионе его распространению.

В отмечаемой иранистами эволюции культурной политики (Кляшторина, Каменева), смягчении исламских запретов на культурно-бытовые аспекты, отчетлива тенденция повышения внимания к национально-иранскому наследию. С этой точки зрения мы оцениваем активную деятельность Ирана по распространению персидского языка, доисламского наследия, расширению культурных связей Ирана с сопредельными странами, особенно с бывшими республиками СССР. При этом Иран не делает особой разницы между мусульманскими и христианскими (особенно Армения) странами. Этим мы доказываем и реальность нового содержания термина «экспорт революции». И это правильно. Но мне хотелось бы обратить ваше внимание на такой аспект. Вспомним, что после распада СССР кавказский и среднеазиатский регионы стали объектом соперничества за влияние Ирана и Турции, и это естественно. Однако Турции, поддерживаемой международными инвестициями, удалось добиться экономического превосходства в этом соперничестве. Однако, на мой взгляд, такая ситуация может коренным образом измениться. Конечно, в краткосрочной перспективе влияние на укрепление позиций Ирана может оказать и улучшение отношений Ирана с США. Но главным фактором усиления иранского влияния может стать как раз культурный. Турция в перспективе в качестве своей общности с регионом, помимо исламской общности, может предложить свой тюркский национализм, а Иран — общее древнеиранское культурное единство.

Конечно, в мусульманском ареале средневосточной цивилизации можно выделить два направления: разные ветви ислама и общая иранская культура, которые могут быть разнонаправленны. Но с повышением экономического и этнического статуса главным в перспективе может оказаться именно культурный. Именно он сможет объединить и большинство из стран региона. Возможно, осознанно, возможно, инстинктивно — для сохранения своего влияния и своего идентитета на мировом уровне — Иран и активизирует свое культурное влияние в регионе. Во всяком случае, Иран может стать интегрирующим звеном нового цивилиза-

ционного полюса в среднеазиатском регионе, который мог бы стать одним из центров той многополюсной системы мира, создание которой Иран ставит своей целью. И в этом заключен не столько идеологический, сколько государственный интерес.

Для этого ему, помимо культурного влияния, необходимы и высокий экономический потенциал и сильная государственная власть. При этом сохранение исламского характера самой власти, предполагающего не только нахождение у власти представителей духовенства, но и приоритет исламских ценностей над государственными интересами, не является сколько-нибудь необходимым условием для того, чтобы стать одним из основных государств этого нового полюса силы. Именно государственный прагматизм, понимаемый, прежде всего, как условие создания сильного государства, сделает главным приоритетом государственной политики государственный, национальный интерес (т. е. сохранится тенденция, обнаруживаемая в ходе 20-летнего развития), это повысит политический и экономический потенциал Ирана. Да, это также будет означать укрепление исламской государственности, но уже такой, в которой «исламская» форма утратит свое исламское содержание. Да, тенденция к этому просматривается, но говорить, что государственные приоритеты сейчас окончательно взяли вверх над идеологическими, еще преждевременно. Более того, видимо, именно сейчас иранская государственность, иранское общество как никогда за свои 20 лет подошло к такому состоянию, когда остро встает вопрос о пределах, сроках и даже самой возможности адаптации исламской государственности к наиболее полному отражению общегосударственных интересов. Ведь в нашем стремительно развивающемся мире затягивание сроков адаптации, особенно в условиях самого общества в мире, может оказаться решающим фактором для изменения характера государственного строя.

С. Б. Дружиловский

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ АНТИШАХСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИРАНЕ (по материалам зарубежной литературы)

Несмотря на то, что антишахской революции в Иране исполнился 21 год, среди ученых-иранистов продолжается дискуссия об особенностях и характере этой революции.

Недавно автор этой статьи побывал в США и некоторое время работал в библиотеке Университета в Северной Каролине, где ознакомился с несколькими десятками последних монографий ряда американских и европейских авторов, исследующих феномен иранской революции. Речь идет прежде всего о работах таких авторов, как Парвиз Данешвар, Мансур Моаддел, Сайд Арджоманд, Никки Кедди, Мисах Парса, Асгар Ширази, Ануширван Эхтешами, которые, в свою очередь, часто ссылаются на общетеоретические работы таких своих коллег, как Антони Обершелл, Клифф Энглевуд, Дэвид Зарет, Мерри Филбрук, Чарлз Тилли, и др.

Практически всех из них не устраивает привычное для нас определение «исламская» революция. При этом резонно указывается на то, что объяснить социальную, политическую и экономическую составляющую любой революции, используя исключительно религиозную терминологию, не представляется возможным. Ведь никто не пытается объяснить революционные процессы, происходящие в неисламском мире, аналогичным образом — нет попыток использовать термины христианская, буддистская или какая-либо другая подобная революция, когда речь заходит о вполне светских общественно-политических явлениях. Поэтому все указанные авторы стараются дать свое квалификационное определение антишахской революции в Иране. При этом все предлагаемые определения иранской революции основываются на четырех основных подходах: личностном, организаторском, классовом и идеологическом. Понятно, что сторонники первого на-

правления исследуют роль отдельных личностей в революции, а также то, как недовольство существующими порядками отдельных индивидов постепенно перерастает в массовое революционное движение, вторые настаивают на ведущей роли организаторов и организаций в революции, третьи рассматривают революцию как итог классовой борьбы, вызванной нарушением соотношения между состоянием производительных сил и производственных отношений в Иране в период шахского правления, а четвертые придерживаются мнения об особых возможностях исламской (шиитской) идеологии в деле мобилизации широких народных масс на борьбу с деспотизмом и социальной несправедливостью.

Все эти подходы по-своему интересны, но каждый имеет свои слабые стороны. Так, первой точки зрения придерживается, например, Сайд Арджоманд в своей книге «Чалма для короны», в которой он рассматривает влияние духовенства на социально-политическую жизнь Ирана, начиная с XVIII века и до наших дней. Он приходит к выводу, что революцию породила прежде всего персонифицированная всеобщая ненависть иранцев к своему монарху, требование изгнания которого с трона и из страны превратилось в «единственный общий фактор, объединивший самые различные секторы иранского общества»¹. Это же, с его точки зрения, объясняет рост авторитета Хомейни как антипода монархии и шаха, что позволило ему без труда мобилизовать отдельных недовольных иранцев в массовое движение для достижения своих целей. В своих суждениях С. Арджоманд явно солидарен с такими сторонниками «личностной» концепции в теории революции, как К. Тилли, Дж. Дэвис, А. Токвилл², которые на других примерах и задолго до иранской революции обосновали данную точку зрения. В свою очередь, сторонники «организаторской» концепции резонно говорят, что индивидуальное недовольство процессами, происходящими в обществе, может быть как угодно велико, но оно никогда не выльется в массовый протест, а тем более и в революцию без соответствующей организационной подготовки. То есть должен быть кто-то, кто внесет революционную идею в массы. Для этого надо, чтобы кто-то писал и оплачивал оппозиционные публикации, создавал оппозиционные газеты и журналы, собирал аудитории для оппозиционных выступлений. Все это требует мобилизации значительных ресурсов, что не под силу даже самому гениальному человеку.

Следовательно, нужна политическая организация или организации, которые поддерживали бы идею свержения старой и становления новой политической власти. Эту концепцию разделяют

З. Дэвид, М. Фулбрук, А. Обершелл и ряд других авторов. Так, А. Обершелл считает, что «социальные конфликты возникают в результате структурной организации индивидуумов и отдельных групп в единую систему»³, то есть фактически в революционную организацию. Несмотря на справедливость суждений сторонников «организаторской» теории, за скобками остается вопрос о том, каков социальный статус людей, примыкающих к той или иной революционной организации. В этом смысле закономерна позиция сторонников третьей «классовой» концепции, которая близко смыкается с марксистско-ленинской теорией классовой борьбы в социальной революции. Так, отстаивая эту позицию в одной из своих работ, известная иранистка Н. Кедди пишет: «Наиболее близкое объяснение социально-экономической модели иранской революции дает марксистская формула, при учете тех изменений и модификаций, которые появились недавно. Эта формула, в сущности, сводится к тому, что революция происходит тогда, когда отношения в производстве, — особенно контроль и право собственности в базисных средствах общественного производства, — изменяются быстрее возможностей старых форм политической власти и государственной организации соответствовать новому экономическому порядку. Эта ситуация применима к обеим иранским революциям»⁴.

В то же время первым западным автором, который удачно применил марксистский метод при анализе ситуации в шахском и послереволюционном Иране, стал английский исследователь Ф. Холлидей, монография которого «Иран: диктатура и развитие», вышедшая в Лондоне в 1979 г., сегодня является эталонной для любого западного ираниста. По крайней мере большинство из них в своих работах охотно и часто ссылаются на это исследование.

Первым из западных авторов, подвергнув критике шахский режим в Иране и показав несостоятельность реформ «Белой революции», Холлидей указал на те методологические просчеты, которые, по его мнению, делали его коллеги по перу, игнорируя те негативные моменты, которые привносит ускоренная капиталистическая модернизация в традиционное восточное общество. В частности, он писал: «Не марксистские писатели часто абстрагируются от специфического характера иранской общественной системы и подменяют экономический и социальный анализ анализом политическим, который охватывает отдельные показатели в отрыве от капиталистической сущности развития иранского государства. Те, кто пишет об экономическом и общественном развитии без учета капиталистического характера этих процессов,

прибегают обычно к известным концепциям «модернизации» и «развития». Но проблема состоит в том, что они не определяют, в чьих интересах осуществляются эти процессы или какой класс получает дивиденды от такой «модернизации» и такого «развития»⁵. При этом автор осуждал иранских марксистов, которые «так увлеклись критикой модернизации Ирана, что создается впечатление, что они ратуют за возврат к старым порядкам»⁶.

Главный вывод его работы, который был сделан еще до победы иранской революции, состоял в том, что «за видимостью процветающей экономики и заявлениями о создании «Великой цивилизации» множество серьезных проблем так и остались нерешенными, в то время как новые проблемы были созданы»⁷.

Что же касалось антишахской революции, то Холлидей точно предсказал, что «судьба иранской революции предрешена: с распадом коалиции, свержшей шаха, в Иране проявятся новые политические, социальные и этнические противоречия» и что «борьба между различными политическими силами будет продолжаться в острой форме в течение длительного периода»⁸.

Некоторые авторы пытаются примирить позиции спорящих сторон. Так, обоснование причин иранской революции как с «организаторской», так и с классовой точек зрения дается в работе М. Парса «Социальное происхождение иранской революции». Оценивая причины и характер этой революции, М. Парса пишет следующее: «Иранская революция является характерной для революций XX столетия, которые возникают как результат взаимодействия между высокой степенью государственного вмешательства в экономику и высоким уровнем социальной сплоченности среди дискриминированных общественных групп в странах третьего мира, которые подвержены внешней экономической зависимости и уязвимости. В Иране государственное вмешательство приводило к концентрации и распределению капитала среди крупных, современных предприятий за счет малого традиционного бизнеса и базара, так же как и за счет рабочего класса. Такая политика подрывала государственную законность и демонстрировала то, что она служит индивидуальным, а не общественным интересам. Неуравновешенное развитие нефтяного сектора вело к бюджетным диспропорциям, что в свою очередь приводило к высокой инфляции. Попытки государства по выходу из кризиса всегда, в первую очередь, задевали интересы «базари».

Законодательные послабления 1977 г. ограничили возможности иранского репрессивного аппарата и предоставили «базари» возможность для коллективных действий против государства. Борь-

ба «базари» вскоре стала опосредоваться мечетями, так как государство не оставило никаких других возможностей для их организации. Провозглашенные либеральные реформы предоставили возможность и другим группам, таким как пролетариат и служащие, примкнуть к коллективным действиям против государства. В конце концов сочетание глубокого социального кризиса и неспособности военных взять ситуацию под контроль привело к двоевластию и крушению монархии в феврале 1979 г.»⁹

Сторонником «идеологической» концепции иранской революции является М. Моаддел. В своей книге «Классы, политика и идеология в иранской революции» он полемизирует с авторами многих выше названных концепций и пытается объяснить, почему различные социальные и классовые силы Ирана в конце концов были объединены в революции именно исламской идеологией. При этом он считает, что эта идеология в Иране имеет надклассовый характер. Так, критикуя сторонников «организаторской» и классовой теорий иранской революции, он пишет: «Поскольку движущие силы идеологии объясняются различными теориями исключительно в смысле их психологического воздействия на растерявшихся и недовольных индивидуумов или в смысле обеспечения организованной борьбы за власть, то эти теории имеют тенденцию не замечать автономию идеологии в революционном процессе.

Упрощенный подход к роли идеологии, преобладающий у многих исследователей иранской революции, лежит в основе их неспособности объяснить исторические процессы, которые стали причиной проявления и возвышения шиитской революционной идеологии, обеспечили гармонию и взаимодействие в массах, создали каналы эффективного взаимодействия между массами и их лидерами при отсутствии сильной общенациональной организации и привели к крушению шахского репрессивного аппарата в условиях невооруженной конфронтации с ним, и существенным образом повлияли на процесс послереволюционных преобразований»¹⁰.

Есть еще один подход к определению характера иранской революции. Речь, в частности, идет о позиции таких авторов, как Ануширван Эхтешами, который в своей работе «После Хомейни. Вторая республика в Иране» предлагает рассматривать иранскую революцию не как социальную, а исключительно как политическую, следствием которой является то, что в ряды правящего класса вторгаются новые социальные элементы, которые вытесняют оттуда коррумпированных и бездеятельных представителей, тогда

как социальная революция ведет к полной замене правящего класса. В связи с этим политическая революция, по его мнению, не может серьезно влиять на базисные отношения. В то же время следует сказать, что в этом подходе он не оригинален, поскольку уже упоминавшийся Ф. Холлидей еще в 1979 г. в своей монографии квалифицировал иранскую революцию как политическую, то есть обеспечившую «насильственный переход политической власти от одной части правящего класса к другой»¹¹. Правда, Холлидей при этом не исключал, что данная политическая революция в дальнейшем может привести к революции социальной¹² и даже социалистической¹³.

Накал антишахских страстей в период революции А. Эхтешами объясняет тем, что Иран, пожалуй, единственная (кроме Китая) страна, где на уровне общественного сознания (зафиксированная также в шиитской идеологической доктрине) существует императивная установка на то, что если народом управляет тиран и человек, не преследующий общественные интересы, то он должен быть свергнут. Поэтому концепция Хомейни, с ее принципами социальной справедливости, равенства и независимого развития, легко смогла выступить альтернативой дискредитировавшему себя шахскому курсу на создание общества «Великой цивилизации».

Достаточно убедительно обосновав политический характер иранской революции, Эхтешами, однако, как и большинство его западных коллег, считает, что все усилия, предпринятые участниками этой революции, были тщетны, потому что, с его точки зрения, «примеры многочисленных революционных преобразований, происходящих в мире, не дают хотя бы малейшей возможности для дальнейших поисков некапиталистической альтернативы международному капиталистическому способу производства»¹⁴. Здесь автор явно следует догматике, а не сути общественных и экономических преобразований в Иране в послереволюционный период. Никто из руководителей ИРИ никогда не подвергал сомнению универсальность законов рыночной экономики. Что же касается заявлений о необходимости следования собственным «исламским» путем развития, то это не противоречит пониманию того, что капитализм, как способ общественного производства многовариантен и далеко не всегда эффективен и динамичен. Порой можно усмотреть больше отличий, чем сходства в моделях капиталистического развития в США и Швейцарии, ФРГ и Кении, России и Японии. Почему же Иран должен быть исключением и не иметь права выбора собственной модели развития? А если

это так, то на такой выбор неизбежно будут влиять особенности национального характера населения, религия, традиции, а также географические, природные, климатические условия и много других факторов, совокупность которых можно назвать «исламским» или иранским путем развития. Причем в данном случае речь идет не только о внутреннем развитии этой страны. Влияние иранской революции на мировую политику и экономику также трудно переоценить. Большинство западных авторов игнорируют тот факт, что иранская революция, возможно, впервые в новейшей истории развивающихся стран открыто бросила вызов тому, что называется американским образом жизни и мировым экономическим порядком в западном его понимании, то есть неокOLONIALИЗМУ.

Если бы не иранская революция, теоретически вообще можно бы ставить точку на перспективе борьбы народов Востока за свою экономическую независимость, так как в XX столетии практически все попытки в этом направлении были связаны с поддержкой таких явлений со стороны СССР. С распадом СССР вопрос можно было бы считать закрытым и признать торжество мировых экономических отношений неокOLONIALЬНОГО типа, если бы не иранская революция.

Действительно, в 70-е годы XX века на Востоке произошло по крайней мере 8 национальных революций, в результате которых к власти пришли режимы, заявившие об отказе следовать западному диктату и желании проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику в интересах своих народов. Речь идет об Анголе, Эфиопии, Гренаде, Мозамбике, Никарагуа, Афганистане, Южном Йемене и Иране. Все эти революции, за исключением иранской, ориентировались на помощь и поддержку СССР и получали ее. Руководство ИРИ сразу же заявило, что для него одинаково неприемлемы как американская, так и советская политика и при этом сделало недвусмысленный акцент на независимость и самостоятельность политического и экономического курсов своей страны.

Таким образом, если бы не вовремя подоспевшая к периоду застоя и распада СССР иранская революция, то вообще можно было бы считать, что стремление развивающихся стран к самостоятельности и экономической независимости инспирировалось исключительно СССР и в его интересах и сойдет на нет вместе с уходом последнего с политической арены. Если этого сегодня не произошло, то во многом именно благодаря феномену иранской революции.

В целом, давая позитивную оценку результатам работы западных исследователей по вопросу о характере иранской революции, автор склонен согласиться с формулировкой, что это была революция политическая с необходимым добавлением, что она была также и антинеоколониальная.

- ¹ *Arjomand, Said*. A. «The Turban for the Crown», Oxford, 1988, p. 189.
- ² *Tilly, C.* «Revolutions and Collective Violence» in Handbook of Political Science, vol. 3, 1975. ; *Davies, J. C.* «Towards a Theory of Revolution», American Sociological Review, vol. 27, № 1, 1962.; *Tocqueville, A.* «The European Revolution and Correspondence with Gobineau», New York, 1959.
- ³ *Obershall Anthony.* «Social Conflicts and Social Movement», Englewood Cliffs, N. Y.: Prentice-Hall, 1973, p. 33.
- ⁴ *Keddie, Nikki R.* «The Iranian Revolution in Comparative Perspective», American Historical Review, № 3 (June 1983), p. 591.
- ⁵ *Holliday, F.* «Iran: Dictatorship and Development», London, 1979, p.39.
- ⁶ *Ibid.*, p. 40.
- ⁷ *Ibid.*, p. 285.
- ⁸ *Ibid.*, p. 310, 313.
- ⁹ *Parsa, Misagh.* «Social Origins of the Iranian Revolution», New York, 1989, p. 29–30.
- ¹⁰ *Moaddel, Mansoor.* «Class, Politics and Ideology in the Iranian Revolution». Columbia Universite Press, 1993, p. 15–16.
- ¹¹ *Holliday, F.* ... p. 314.
- ¹² *Ibid.*
- ¹³ *Ibid.*, p. 321.
- ¹⁴ *Ehteshami, Anaushirvan.* «After Khomeini. The Iranian Second Republic». London, 1995, p. 221.

В. Б. Кляшторина

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛОЗУНГА ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«на шарги, на гарби — эслами»

(к проблеме национальной идентификации)

Эволюция современной общественной мысли и культуры Ирана свидетельствует о том, что на протяжении второй половины XX века проблемы культурного наследия, этнической и религиозной самобытности заняли приоритетное место в разработке направления развития страны и определения ее судеб как в регионе, так и в мире. Поскольку бурный процесс национальной идентификации, сопровождающий глобализацию экономики в общемировом масштабе, охватил сегодня большинство стран Востока и Запада, изучение иранского опыта представляет немаловажный интерес для понимания культурно-политических процессов и стран региона, а также и России. Мы постараемся проследить этот опыт на трансформации и истории лозунга иранской революции «не восточная, не западная, но исламская», который олицетворял собой официальное направление всей внутренней и внешней политики ИРИ на протяжении последних 20 лет.

В 80-е годы, когда все области жизни страны и прежде всего культурные и политические подверглись кардинальному воздействию исламизации, основные мероприятия и собственно «культурной революции» (энгелабе фарханги) и «культурного возрождения» (эхъяе фарханги) осуществлялись властями под лозунгами «не восточная, не западная, но исламская». Это был курс, проводимый во всех областях жизни, включая экономику. Об этом много писалось в наших работах, посвященных ИРИ. За 20 лет жизни государственная культурно-политическая доктрина пережила существенную трансформацию, повлияв на внутреннее развитие страны и на осмысление ее места в мировом пространстве. Иранские ученые, политические и общественные деятели сумели доказать, что

возврат ИРИ к исламским ценностям не означал отказа от остальных позитивных гуманистических традиций национальной культуры и культурного наследия человечества.

С начала 90-х годов культурная компонента становится активной частью политики ИРИ, в те же годы оформляется культурно-политическая доктрина страны в регионе. Основные постулаты ее — объединяющая роль языка фарси и культурного наследия Ирана (доисламского и исламского) в истории и сегодняшнем положении таких стран, как Индия, Пакистан, Турция, Афганистан, независимые государства Центральной Азии и Китай.

Если к середине 90-х годов эта культурная политика динамично осуществлялась в стране, способствуя преодолению региональной изоляции и расширению сферы регионального сотрудничества, то к концу 90-х годов Иран совершает новый рывок в трактовке своего культурного наследия. Сегодня иранская общественная мысль изучает проблемы национальной культуры с позиции активного соучастия в общемировых процессах (о чем свидетельствуют работы иранских ученых и действия политиков, и государственных деятелей). Имеются в виду работы Эхсана Яршатера, который считает, что возможно региональное возрождение обществ Среднего Востока на базе общих культурных традиций. Этот ученый выдвинул культурную компоненту развития восточных обществ в качестве основной при определении современных процессов в мире. Основа концепции Э. Яршатера — это принцип взаимодействия молодых и угасающих близких цивилизаций, при котором верх одерживает более сильная культурная традиция, определяющая вектор развития данной общности на будущее. Таким образом, ученый создал оригинальную, работающую базу диалогов культур и возможность их неконфронтационного развития. Призыв к мирному течению политических региональных проблем через диалог культур прозвучал в выступлениях президента Хатами и решениях Тегеранского саммита ОИК.

Тем самым был продемонстрирован конструктивный подход к трактовке межцивилизационного культурного диалога в мире и отвергнута концепция конфронтационности регионов на этно-национальной основе. Региональные политики, лидеры страны и ученые показали, что видят в межцивилизационном диалоге культур активный инструмент взаимодействия стран и народов в будущем.

В целом иранская общественная мысль (в частности трактовка культурного наследия и роли ислама) пережила на протяжении 80–90-х годов разительную трансформацию. Иранские ученые под-

твердили мысль о том, что страны, обладающие длительной и непрерывной традицией, демонстрируют высокую степень готовности к интеграции и способность решать глобальные проблемы через культурный диалог¹.

Трансформация лозунга «не восточная, не западная, но исламская» может быть прослежена на его истории. Лозунг «на шарги, на гарби — эслами», который являлся всеобъемлющим и кратким выражением культурной доктрины ИРИ на протяжении 20 лет существования исламской республики, сегодня претерпевает трансформацию, наблюдаемую и во внешней политике, и в системе образования, и в области книгоиздания, и в сфере идеологии.

Все эти изменения могут быть осмыслены более четко, если мы обратимся к общенациональным культурологическим дискуссиям Ирана 60–70-х годов XX века. Именно в тот период ведущие иранские философы и писатели обсуждали на страницах журналов и книг проблему вхождения страны в мировое, экономическое и культурное пространство. Каково должно быть восприятие в Иране современного западного искусства, философии и системы научных взглядов? Какой путь избрать в стране в процессе модернизации? Видные культурные деятели страны — писатель Але Ахмад и философ Сеид Хосейн Наср настаивали на реставрации исламских религиозно-этических традиций, в которых они видели гарантию устойчивости и жизнеспособности иранского общества. Другие деятели, такие как публицист Мохаммад Али Эслами Нодушан, отстаивали роль иранской культуры (в том числе доисламской) как фактора социальной консолидации страны и взаимосвязанности общемировых современных процессов. Он писал: «Культура гибко связала воедино нашу практическую деятельность и религиозную мысль, пытаясь в то же время определить и собственный неповторимый путь и облик... Когда я восстанавливаю в своем сознании наше культурное прошлое, я вижу, как в звездной ночи шествует величественный караван. Этот караван отбрасывает длинные тени, его поступь сливается в ритмичную мелодию, сотканную из стука копыт, звона колокольцев, голосов людей. Образ этого каравана по мере приближения к нашему времени представляется все более размытым и, находясь рядом с нами, словно бы ускользает от нас...»²

Какой быть иранской культуре? Как должно развиваться культурное взаимодействие с Западом? Какова должна быть политика страны в условиях усиливающейся зависимости от Запада? Именно на этих вопросах сконцентрировались широкие культуроло-

гические дискуссии, которые проходили в Иране 70-х годов и в которых особый резонанс нашла работа известного ученого и литератора Абдолхосейна Зарринкуба «Ни восточная, ни западная — но общечеловеческая» (Тегеран, 1977 год). Книга представляла собой сборник статей по истории, литературе, религии Ирана. В каждом из рассматриваемых культурных явлений автор выявлял его общечеловеческую, гуманитарную значимость и одновременно ту роль, которую сыграло данное произведение в истории Ирана своего времени. Вот что писал А. Зарринкуб о роли суфийской поэзии и философии в жизни иранцев в далеком прошлом, когда страна переживала периоды острейшего кризиса. Именно суфийская поэзия, считал он, давала иранцам опыт адаптации к условиям кризиса и открывала им высший духовный смысл жизни и новый уровень ее осмысления.

Отвечая на вопрос: как выжить в стране в условиях усиливающейся зависимости от внешнего мира А. Зарринкуб адресует читателя к истории, религии и мистической поэзии Ирана. «В эпоху монгольского нашествия и крестовых походов, когда мир переполнили страдания физические и духовные, из уст иранских мудрецов-мистиков прозвучало человеческое послание, вселившее надежду в измученные людские души. Во времена, когда, казалось, в мире уже не осталось вечных истин, мистики помогли человеку углубиться в самого себя и обнаружить там новые миры... Наши мудрецы, поэты, наши творцы всегда знали, в чем их призвание на культурном поприще. Надо делать именно то, что всегда делалось в нашей культуре в аналогичных ситуациях и что превратило ее в независимую, животворную и созвучную всем нам культуру — «ни восточную, ни западную, но общечеловеческую»³. Именно эта последняя фраза стала и названием полемической книги А. Зарринкуба, которая приобрела широкий резонанс среди иранцев, ибо в ней предлагалось все лучшее в традиционном наследии считать вкладом в общемировое достояние человечества. Именно эта формула А. Зарринкуба впоследствии после утверждения в стране исламской формы правления послужила калькой для формулировки нового лозунга власти — «ни восточная, ни западная, но исламская» («на шарги, на гарби — эслами»). Данная краткая формулировка была универсальной в стране в течении последних пятнадцати—двадцати лет. И лишь по мере осознания необходимости изменения столь жестких ориентиров жизни иранское общество постепенно стало выдвигать и осуществлять более многозначные принципы культурного наследия —

не только исламского и не только шиитского, но касающегося всей истории Ирана.

С начала 90-х годов первоначальный лозунг «культурной революции» («энглабе фарханги») и «культурного возрождения» («эхи-яйе фарханги») начинает переживать трансформацию изнутри, не меняя своего внешнего облика. С 1994 года в культурную доктрину ИРИ кроме тезиса исламского курса включается положение о приоритете персидского языка как «второго языка Корана», тезисы об особой роли в культуре страны и региона классической поэзии на фарси, суфийской философии и особой роли исламских памятников культуры.

Сегодня мы можем констатировать все расширяющееся и внутри страны и на международной арене внимание к культурологической проблематике. Как в политике, так и в области сугубо научно-просветительской тезис о всемирно значимой роли иранского культурного наследия обрел широкий резонанс. С середины 90-х годов культурная компонента становится активной частью политики ИРИ в регионе, определяя облик и основные положения культурно-политической доктрины страны в регионе. Основные постулаты этой доктрины — объединяющая роль языка фарси, классической поэзии на фарси, суфийской поэзии, текста Корана на фарси в исторических судьбах и сегодняшних контактах таких стран, как Индия, Пакистан, Афганистан, независимые государства Центральной Азии и СНГ⁴.

В последние несколько лет мы являемся свидетелями того, что сами иранцы, как политические деятели, так и ученые, прилагают немалые и небезуспешные усилия к трактовке и осмыслению своего классического наследия в рамках общемирового диалога культур (см. сн. 1). Делаются попытки проследить и непосредственное воздействие тех или иных литературных имен и памятников на формирование отдельных западных литератур⁵.

Иранские ученые и общественные деятели свидетельствуют сегодня, что обращение ИРИ к исламским ценностям не означает отказа от всех иных собственных позитивных гуманистических традиций и от общего культурного наследия человечества. Именно поэтому снова столь актуально сегодня в иранской общественной мысли звучание лозунга А. Зарринкуба о судьбах иранской культуры — «ни восточной, ни западной, — но общечеловеческой». Так, на Международном Конгрессе «Имам Хомейни и духовное возрождение» (Москва, 9–10 марта 2000 года) в одном из выступлений прозвучала формула завета имама Хомейни, обращенная к поэзии сегодняшнего Ирана, к его литературе: «Имам

завещал нам возврат к самим себе, к нашей мистической поэзии. И на вопрос, какой должна быть литература Ирана и литература всего мира, ответ имама звучит так: «Она должна быть ни восточной, ни западной, — но общечеловеческой». Активное участие иранских лидеров страны, политологов и ученых в общемировом цивилизационном диалоге культур на протяжении 1995—2000 годов также свидетельствует о том, что Иран расширяет сферу своего культурного и политического воздействия в мировом сообществе и отходит от сугубо конфессионального подхода как в политике, так и в культуре. Соответственно изменяются и государственные идеологические клише и лозунги. Именно такую трансформацию переживает и лозунг ИРИ «ни восточная, ни западная, но исламская». Возникнув на почве культурологических дискуссий 70-х годов о судьбах иранской культуры и судьбах модернизации страны («ни восточная, ни западная, — но общечеловеческая»), сегодня этот лозунг снова вернулся на круги своя, означая возврат страны в русло общемировых исторических процессов.

-
-
- ¹ Подробно об этом см.: В. Б. Кляшторина. Иран в мировом диалоге культур. В сб. «Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее». М., 1999, с. 25.
 - ² М. А. Эслами Нодушан «Фарханг ва шебхе фарханг» (Культура и псевдокультура). Тегеран, 1975, с. 73. Подробно об этом см. В. Б. Кляшторина. Иран 60—80-х годов. От культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей. М., 1990, с. 67—112.
 - ³ А. Зарринкуб. «На шарги, на гарби — энсани» («Ни восточная, ни западная, — но общечеловеческая»). Тегеран, 1977, с. 39.
 - ⁴ В. Б. Кляшторина. Культурно-политическая доктрина ИРИ в регионе. В сб. «Исламская Республика Иран в 90-е годы». М., 1998, с. 120.
 - ⁵ Показательна в этом плане вышедшая в Тегеране в 1999 году книга «Аз Саади та Арагон» («От Саади до Арагона»), в которой прослеживаются параллели и движение образов у персидских классиков и современной французской поэзии XX века.

НЕКОТОРЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ АЯТОЛЛЫ ТАЛЕГАНИ НА СУЩНОСТЬ ИСЛАМСКОЙ ВЛАСТИ

Аятолла Махмуд Талегани вошел в новейшую историю Ирана как один из основателей Исламской Республики Иран и последовательных борцов против шахского режима династии Пехлеви. Он принадлежал к числу тех несгибаемых исламских революционеров, выступивших против господства в стране иностранного капитала, прежде всего американского, которые прошли через пытки и тяготы пребывания в тюремных застенках шахской охраны САВАК и до конца остались верными исламскому пути развития Ирана. В течение долгой, полной драматических взлетов и падений жизни Талегани остался верен идее построения в Иране теократического государства, опирающегося на принципы мусульманской нравственности и справедливости, и внес заметный вклад в теоретическую разработку основ исламского государства.

Помимо обширных исследований в области теософии и исламской догматики, Талегани принимал непосредственное участие в практическом руководстве революционной борьбой иранского народа. Он возглавлял революционное движение в Иране в самые ответственные моменты его развития, когда лидер революции имам Хомейни находился в вынужденной эмиграции во Франции. После падения шахского режима и перехода власти в руки шиитского духовенства Талегани по предложению имама Хомейни стал во главе Исламского Революционного Совета (ИРС) и участвовал в становлении и формировании в Иране органов исполнительной и представительной власти.

Этот высший орган вновь созданной революционной власти Талегани рассматривал как прообраз демократической власти будущего республиканского строя, основанного на свободном от авторитарных принципов управления государством. У Талегани

ни, упоенного небывалым размахом антишахского движения народа, были завышенные требования к работе ИРС, которые со временем, по мере того как политическая власть постепенно и неуклонно переходила в руки имама Хомейни, сменились трезвым взглядом на расстановку сил в обществе. Осознав, что ИРС выполнил свою историческую миссию, направив революционную энергию масс в русло исламского преобразования государства, Талегани отошел от участия в его работе, предоставив имаму Хомейни единолично управлять его работой.

Как и всякая революция, опиравшаяся на многомиллионную поддержку масс, исламская революция в Иране 1978–1979 гг. пошла своим уникальным историческим путем, отвергая и опрокидывая многие из тех религиозных постулатов на сущность исламской власти, которые в изобилии существовали накануне и в ходе самой иранской революции. Не были исключением в этом отношении и многие теоретические разработки аятоллы Талегани: не все из того, что предлагал Талегани осуществить на практике и с чем он связывал будущее исламской революции, оказалось востребованным. Как показала жизнь современного Ирана, многие предложения Талегани были отвергнуты по принципиальным соображениям, как не отвечающие главному курсу строительства исламского государства на принципах «велайят-е факих», провозглашенных имамом Хомейни.

С именем имама Хомейни связаны все основные вехи в религиозной и политической деятельности аятоллы Талегани. Достигнув высших богословских высот в толковании исламского вероучения и став одним из великих аятолл и авторитетных религиозных моджахедов Ирана, Талегани никогда не покушался на безоговорочный авторитет имама Хомейни среди улемов, а когда последний после известных событий в Куме в 1963 г. возглавил антишахскую борьбу, то Талегани на все оставшиеся годы стал его ближайшим сподвижником и соратником по революционной борьбе.

Разногласия между великими аятоллами по тем или иным вопросам исламской теологии и практики исламского движения являются естественными и вполне согласовываются с духовным статусом «марджа-а таглид». Талегани никогда ни устно, ни печатно не выступал против Хомейни, а тем более не вступал в конфронтацию с ним, что было глубоко чуждо самой религиозной природе Талегани, никогда не допускавшим противоречия между проповедуемыми взглядами и реальными поступками. Встав с молодых лет в ряды непримиримых врагов шахской власти, Талегани рано осознал простую мысль, что только в единстве борцов про-

тив шахской диктатуры, в объединении представителей разных политических направлений, начиная от исламиста Наваба Сафави и кончая иранскими марксистами, можно добиться успехов в неравной борьбе. Этому правилу Талегани следовал в самые ответственные и драматические моменты борьбы иранского духовенства за власть после своего освобождения из тюрьмы в конце 1978 г., когда раскол среди духовенства по вопросам стратегии и тактики вооруженной борьбы мог нанести непоправимый урон всей многолетней революционной борьбе иранского народа против шахской деспотии и хозяйничанья в стране американских советников. Без преувеличения можно сказать, что успеху победы исламской революции 1978–1979 гг. во многом способствовало единство в высшем звене руководства революции, во главе которого стояли Хомейни, находившийся в изгнании во Франции, и Талегани, непосредственно руководивший массовыми действиями в Тегеране по нейтрализации сторонников шахской власти и переходу ее в руки восставшего народа. Идеей единства иранской нации пронизаны слова Талегани, сказанные местным корреспондентам в первые дни после освобождения из тюрьмы: «Я призываю все национальные силы, основную часть которых составляют мусульмане шииты, к единству и сотрудничеству для того, чтобы нейтрализовать происки чужеземных элементов и колониализма»¹.

Деятельность Талегани в Исламском Революционном Совете (ИРС), как, впрочем, и работа самого Совета, держалась в тайне от общественности. Завесу пытались приподнять журналисты во время интервью Талегани неделю спустя после победы революции, полагая, что он наверняка должен быть членом этого Совета. На вопрос, почему до сих пор не объявлен состав ИРС, Талегани, в частности, сказал: «Революционный Совет был создан, чтобы руководить борьбой до возвращения аятоллы Хомейни на родину. В задачу Совета входит обязанность подбора деятелей в состав правительства, которое могло бы взять управление (государством) в свои руки после падения режима. После возвращения аятоллы Хомейни некоторые члены Совета были введены в состав временного правительства. После свержения режима я из-за плохого самочувствия не принимал участия в работе Совета и поэтому не в курсе событий его работы последних дней»².

Высказывания Талегани по основным вопросам государственного строительства в соответствии с принципами ислама свидетельствуют о наличии противоречий с теорией исламского государства, выдвинутой имамом Хомейни.

В отличие от теории Хомейни «веляят-е факих», предполагающей руководство мусульманской общиной со стороны наиболее

достойного знатока Корана и шариата, Талегани полагал, что в основу политической структуры будущей исламской республики должны быть положены принципы плюрализма, как наиболее полно отвечающие специфике многоукладного общества Ирана. Основой исламской демократии Талегани считал свободу всех граждан республики. Он писал: «Все люди со всеми своими общественными и экономическими потребностями прежде всего нуждаются в свободе. Понятие свободы настолько важно для человека, что он готов поступиться ради нее своими материальными благами. Особенность, которая присуща исламскому обществу, заключается в том, что одно лицо не может полностью господствовать над другими, потому что ему такого права не дано. Даже лицу, которого мы считаем выше других, т. е. имаму. Таким же образом право (политического) господства (в обществе) не имеют ни партия, ни группа (людей). Господство не имеет ничего общего с руководством. В исламском обществе одно лицо имеет право руководить, но не имеет права господствовать. Поэтому в исламском обществе не было и нет правящей партии»³.

Талегани, как и другие моджахеды, пришедшие к руководству иранской революцией, не отделяли ислам от политики. Однако Талегани в этом вопросе делал оговорку относительно того, что истинной политикой могут заниматься только те, кто правильно познал суть исламского вероучения и не способен на лицемерие и двурушничество. Он призывал не останавливаться в изучении идеологии ислама, а заниматься поисками ответов на запутанные вопросы текущей жизни, преодолевая сомнения в истинности своей точки зрения, пока человек не достигнет твердости в своих убеждениях.

В основе идеи строительства исламского государства Талегани лежала интеграционная сущность ислама, которая должна объединить людей не на основе классового единства общества, а на основе единства веры в ислам. Подобная идеологическая предпосылка соответствовала всей концепции Талегани, которую он подводил под теоретический фундамент будущего устройства государства на принципах ислама. Эта концепция противопоставлялась Талегани общественно-государственным системам западных и восточных государств, в основе которых лежит принцип партийного управления делами государства. Он полагал, что свобода, основанная на вере абсолютного большинства граждан в принципы ислама, позволила бы «само собой объединить в одно сообщество всех людей без организационных пут и условностей». В вопросах исламской демократии Талегани исходил из предпосылки

первоочередной роли народа в решении государственных дел. «Правительство должно двигаться вперед, следуя курсом народа, — говорил Талегани, — а духовенство придет на помощь народу со своим учением».

По убеждению Талегани, исламская революция в Иране не возможна без руководства со стороны вождя — «рахбара», который способен религиозным авторитетом и благочестивыми поступками в защиту интересов простого народа сплотить воедино нацию перед лицом общего врага, каким был для большинства населения страны шахский режим. И если понятие «рахбар» подразумевало политическое руководство событиями, включая и создание исламских институтов власти, то лидер исламского движения должен одновременно быть и высшим религиозным авторитетом — «марджа-а таглид». Только совмещая в едином лице эти два понятия, можно обеспечить безоговорочный авторитет среди иранских мусульман. По мнению Талегани, этим высоким требованиям всецело отвечал имам Хомейни. Сразу же после освобождения из тюрьмы Талегани заявил журналистам: «Со времен учебы в медресе я был близок к нему (Хомейни). Мы все хорошо знали его взгляды и его благородное прошлое. Аятолла Хомейни еще с тех пор обладал особой святостью, был и остается самым блестящим религиозным деятелем. Я призываю все национальные силы, основную часть которых составляют мусульмане-шииты, к единству и сотрудничеству для того, чтобы нейтрализовать происки чужеземных элементов и колониализма. Необходимо помнить о единстве и солидарности, об устранении прошлых ошибок»⁴.

Опираясь на историю недавнего прошлого Ирана, когда справедливая борьба иранского народа за национализацию нефтяной промышленности закончилась поражением демократических сил страны во главе с д-ром Моссадыком, Талегани хорошо понимал причину поражения Национального фронта, во главе которого находились представители национальной буржуазии, не связанные с простым народом духовным родством. Именно отсутствие религиозного единства между руководством НФ и народными массами не позволило одержать победу над шахским режимом в начале 50-х гг., когда она казалось бы была совсем близка, и история современного Ирана могла бы пойти совершенно по другому пути. Но потребовалось еще 45 лет, чтобы история борьбы иранского народа за независимость и свободу страны повторилась, но только на другом витке спирали и с совершенно другим руководителем. Это давало Талегани моральное право

во время выступления на площади Бахарестан большое внимание уделить руководителю революции имаму Хомейни: «Руководство революции и личность самого вождя настолько безупречны, что заслуживают полного (нашего) доверия. Найдется мало людей, которые смогли бы найти лучшего руководителя, чем аятолла Хомейни»⁵.

Залог успеха в борьбе против режима шаха и в построении исламского государства Талегани видел в единстве верующих с лидером революции. Естественно, что наиболее эффективным путем это единство можно было достичь, используя широкие возможности мечетей, путем организации по всей стране массовых религиозных собраний — пятничных намазов. Сам Талегани во время первой пятничной молитвы на территории Тегеранского университета заявил верующим: «Все наши братья в городах, деревнях, за пределами страны должны стать в ряды молящихся во время пятничных намазов, как к этому призывает имам Хомейни»⁶.

Разрабатывая различные аспекты государственного устройства на принципах ислама, Талегани большое внимание уделял экономическим вопросам, в частности положению крестьян. Вне всякого сомнения, что теоретические взгляды Талегани на роль крестьянства в исламском обществе находились под влиянием традиционных взаимоотношений крестьян и помещиков, которые он наблюдал в своей родной деревне Гелиярд. Он хорошо знал быт иранской деревни и до конца сохранил связи со своим родным селом. Нельзя не видеть определенной наивности экономических взглядов Талегани, полагавшего, что взаимоотношения между производителем и собственником земли можно строить на свободе выбора и возможности справедливого распределения доходов в соответствии с исламскими понятиями справедливости.

Рассматривая взгляды Талегани на экономические проблемы иранской деревни, нельзя не обратить внимания на утверждение Талегани о том, что близость сельского труженика к природе, являющейся для него естественной мастерской, в которой он производит продукты питания и зарабатывает себе и окружающим его людям на жизнь, порождает специфику всего уклада жизни на селе, отличную от жизни города. Если вмешательство в трудовые взаимоотношения в городе между рабочими и работодателями объективно необходимо, чтобы обеспечить рост производства и регулировать распределение доходов, то, считал Талегани, «в отношении крестьян подобное вмешательство является ошибочным и вредным, поскольку крестьяне в своей среде существова-

ния питают к природе и продуктам своего труда такие же чувства любви и привязанности, какие имеют дети к груди и подолу матери»⁷. На основании этого утверждения Талегани приходил к убеждению, что государство не вправе вводить какие-то ограничения в продолжительность рабочего дня для иранского крестьянина. Опираясь на догматы Корана и шариата, Талегани призывал в сложных и запутанных ситуациях обращаться за помощью к улемам и моджахедам, чтобы найти справедливое решение разногласий по экономическим вопросам.

Заслуживают внимания взгляды Талегани на вопросы землепользования и регулирующую роль государственных институтов, а также роль «хакима» — главы религиозной общины.

Исходя из примата божественной собственности на землю, Талегани утверждал, что человек не может быть собственником земли и его недр. Личное пользование землей каждого члена «уммы» должно происходить без ущерба коллективным интересам. Накопление богатств в руках одного человека должно носить относительный характер, и если оно достигает пределов, значительно превышающих естественные расходы владельца земли и членов его семьи, то такое богатство, независимо от уплаты религиозных налогов «хомс» и «закят», может по решению главы религиозной общины «хакима» быть конфисковано в пользу общины. Талегани выступал против концентрации капитала в руках отдельных групп и лиц, указывая, что неограниченная торговля или неограниченная собственность ведут к общественному насилию. «Хаким» в исламском государстве, по Талегани, является главным лицом, олицетворяющим идеи исламской справедливости. Подобные права Талегани переносит и на личную власть верховного правителя, который выбирается из числа духовенства. Его власть простирается гораздо шире конституционных прав правительства и отдельных граждан, полагая, что право руководителя исламского государства на экспроприацию сильнее имущественного права. Взгляды Талегани на роль духовного лидера в исламском государстве во многом совпадают с концепциями теории Хомейни о «велейат-е факих». Выступая за учреждение государственного контроля за деятельностью людей, Талегани в то же время требовал соблюдать и обеспечивать на практике «личную свободу действий индивида».

Однако Талегани был гораздо демократичнее в своих взглядах на структуру политической власти в исламском государстве, чем имам Хомейни. Если для Хомейни было важно установить абсолютное господство «факиха» ради догматов ислама, то Талегани

окончательное право в решении вопросов верховной власти оставлял за «коллективным разумом», под которым он понимал прежде всего народ, призванный контролировать правителя, чтобы тот не использовал власть во вред общественным интересам и не превратил ее в деспотическую и абсолютистскую.

Оставаясь на протяжении всей своей жизни убежденным исламским теологом, Талегани внимательно изучал научные труды представителей других социально-экономических школ и течений, включая роль других мировых религий в организации человеческого сообщества: буддизма, христианства, иудаизма. Для Талегани была неприемлемой западная капиталистическая система, которую он расценивал как колониальную и бесчеловечную, со свойственными ей экспансией и грабежами природных ресурсов чужих стран, что он наблюдал на примере своего родного Ирана на протяжении всей своей долгой жизни. Негативные черты капитализма и колониализма усугублялись, по его мнению, тем, что порождали соперничество между западными странами в захвате рынков дешевого природного сырья и человеческих ресурсов, подавляли конкурентов в сбыте своих товаров, усиливая эксплуатацию и угнетение зависимых народов.

Знакомство Талегани с обществоведческой литературой, в основном буржуазного направления, привело его к пониманию законов общественно-исторического развития социал-реформистского толка.

Талегани разделял мир на два лагеря: капиталистический и коммунистический с присущими этим системам особыми экономическими и общественными строями. Политические партии, по его представлению, образуются по двум направлениям: при отсутствии поддержки со стороны большинства народа, т. е. партия революционного типа, и партия конституционного направления. В первом случае идеологию партии не разделяет большинство людей данного общества и ей, чтобы прийти к власти, необходима революция. Во втором случае партия выдвигает программу общественного переустройства с учетом национальных особенностей, культурных традиций своего народа, а также общественных, политических, экономических требований большинства нации. Действия этой партии не наносят ущерба национальным интересам своей страны, она не прибегает к насилию и нарушению общепринятого порядка. Такая партия не ставит перед собой цели революционным путем преобразовать общество. Главная ее задача защитить интересы большинства населения, опираясь на его поддержку. К такой партии он относил Движение за свободу Ирана.

В глобальном противостоянии двух идеологий социализма и капитализма Талегани отдавал предпочтение социалистическим идеям. Он ценил экономические труды Маркса и считал, что в социалистических принципах организации человеческого общества гораздо глубже заложены принципы социальной справедливости, что делает это учение более привлекательным для простых людей. Однако он отвергал теорию Маркса о классовой борьбе и диктатуре пролетариата, полагая, что она принижает роль человеческой личности и не учитывает божественную сущность его души. Из всех мировых религий только ислам способен бросить вызов материалистической концепции построения человеческого общества, основанной на теории взаимоотношения производства и производственных отношений, поскольку другие верования, по мнению Талегани, утратили свою ведущую роль в духовном сознании народов. Он писал: «Или человека необходимо рассматривать с коммунистических и материалистических принципов, как экономическую силу, лишенную свободы действия, духовности, благородства, нравственного совершенства, и тогда человечество должно навсегда быть связанным с классовой борьбой и диктатурой пролетариата, лишиться свободы мысли и действия, или же отдаться во власть божественным законам ислама, сохранив свободу личности».

Для Талегани, как и других религиозно-политических деятелей иранской революции, вопрос государственного строительства на принципах ислама представлял большой практический интерес. В отличие от ряда иранских богословов, считавших народ пассивной массой, следующей за призывами религиозных вождей, а определение общественного устройства исламского государства прерогативой шиитских улемов, Талегани отводил народу в строительстве новых форм государственного устройства активную роль. Поскольку государство призвано защищать интересы каждого его члена, независимо от социального и общественного положения, Талегани полагал первостепенное внимание уделять тем государственным структурам власти, которые обеспечивают в первую очередь функционирование коллективных основ общества, поскольку вне коллектива не могут удовлетворяться материальные и духовные потребности человека. Как ортодоксальный мусульманин, Талегани считал лучшей формой человеческого объединения мусульманскую общину «умму», которая формирует нравственные и общественные идеалы независимо от расовых и национальных предрассудков. Конечную цель человеческого общества Талегани видел в создании таких условий для человека, в которых принципы «нравственности, свободного ра-

зума и человеческих ценностей» были бы основополагающими на всех этапах человеческой жизни.

Выступая в целом с позиций защиты ислама и поддержки идеи создания в Иране исламской республики, Талегани, однако, дал понять, что он является сторонником участия всех политических партий и группировок, включая и левые, в решении задач демократизации общественно-политической жизни Ирана. Последовательно защищая принципы демократии в интересах всего народа, Талегани выступал против концентрации власти в руках одного лица или группировки, полагая, что такая политика неизбежно ведет к деспотии и нарушению канонов ислама. Для Талегани одинаково было неприемлемо политическое и идеологическое господство не только одной какой-то партии, но и небольшого числа лиц из духовенства, что вполне по понятным причинам без всякого энтузиазма воспринималось имамом Хомейни и его ближайшим окружением. «Исламская республика, — говорил Талегани, — опирается на принципы морали, человечности и свободы в интересах всех людей, а не в интересах небольшой кучки или группы, из которых состоит правительство, или даже выше него — духовных и идеологических руководителей»⁸.

Лейтмотивом своей теории «исламской экономики» Талегани избрал антикапиталистическую и антимонополистическую направленность, предпочитая коллективистские формы производства индивидуальным, общественную выгоду — частной. Перенося правовую основу шариата на социально-общественные отношения послереволюционного Ирана, Талегани считал производственные отношения не заслуживающими внимания, делая основной упор на ограничение частной собственности. Талегани до конца не сумел да и не мог понять в силу своей эрудиции действия современных законов общественного производства, развитие которого невозможно без укрупнения отдельных структур и отраслей экономической структуры общества, внедрения новейших технологий и научно-технических открытий. Выступая за сохранение в иранской экономике мелких предприятий и кустарных цехов, он невольно поощрял протекционизм мелкомасштабного производства, который, если бы он осуществился в иранской экономике, привел бы к замедлению промышленного и сельскохозяйственного производства в стране. В действительности, как об этом свидетельствуют итоги 20-летнего существования ИРИ, страна добилась больших успехов в экономическом развитии благодаря внедрению в производство современных методов управления и новейших технологий.

Свои религиозные и общественно-философские убеждения Талегани соотносил не только конкретно к условиям иранской действительности, характерной чертой которой был отказ от тысячелетней истории шахского правления, но и активно выносил далеко за пределы национальных границ Ирана. Для него был важен вопрос о возможности достичь человечеством единства цели в планетарном масштабе, несмотря на идейно-политические, религиозные, национальные и культурные противоречия между различными этносами. В своих рассуждениях Талегани руководствуется кораническими заповедями, в которых говорится о том, что создатель призывает людей изучать человеческие характеры и лучше понимать друг друга, что, по утверждению Талегани, при надлежащем устройстве общественных дел человечество в ходе исторического развития может достичь более высокого уровня единства, чем на предыдущем этапе⁹.

Талегани считал, что общественный порядок в государстве нарушается в связи с тем, что людей разъединяет разное понимание таких основополагающих понятий, как родина, нация, богатство, честь и т. д. Чем сильнее и фанатичнее вера человека в свои идеалы, тем с большей самоотверженностью он их защищает, не останавливаясь ни перед какими жертвами, что подтвердила иранская революция, когда перед шахскими войсками выступали многотысячные толпы безоружных людей. И только идея «тоухида» (единобожие) может выступать в строительстве исламского государства в качестве интегрирующего начала в сближении людей и общественной системы, уравнивая всех в возможности следовать к единому идеалу общественной справедливости, к которым призывали пророки ислама.

По мнению Талегани, которое разделяли и другие высшие шиитские авторитеты, такие как Хомейни, Мотаххари, Бехешти, и др., исламская власть должна полностью соответствовать в своих поступках миссии исламских пророков в освобождении людей от сковывающих их жизнь дурных привычек и инстинктов, привязанности к богатству и роскоши, т. е. от всего того, что человек вынес из своего животного прошлого. Именно пророки в соответствии с их «божественными миссиями» с помощью многочисленных последователей ислама вселяли в души и сознание людей революционное брожение и вечную неудовлетворенность несовершенством земных дел, которая ведет к революциям и восстаниям. Осознав цель, пишет Талегани, «каждый поднимается на борьбу, не опираясь на другого»¹⁰. Таким образом, сила общественно-политической борьбы с правящим режимом зависит от

степени идейной убежденности каждого участника революции. Успех всенародной борьбы обеспечивается порывом революционных масс, а не указаниями вождя, который, по утверждению Талегани, занимает подчиненное место по отношению к революционным массам. Воистину несчастьем для отсталых народов является постоянное ожидание, что вождь, будь он хорошим, средним или плохим, должен вести (вперед), а народ беспрекословно следовать за ним. Каждый человек должен следовать самостоятельно, ощущать внутреннюю потребность борьбы, стать на свои собственные ноги, и если народ потеряет своего вождя, то он сам будет следовать по избранному пути»¹¹.

В конце мая 1979 г., когда общественное напряжение, вызванное арестом детей Талегани и его отъездом из Тегерана, постепенно улеглось, Талегани выступил перед представителями шиитского духовенства Ирана и учащимися духовных заведений с программной речью, которую он произнес в теологическом центре Кума «Медресе-е Файзие». В этой речи Талегани сформулировал свое отношение к будущему иранской революции, которое он связывал с необходимостью создания советов. Идея народовластия в приемлемой для иранских условий форме была предметом постоянных раздумий Талегани. В Куме, где в это время обожновался имам Хомейни, он обменялся мнением относительно создания в Иране советов, начиная с сельского и кончая высшим Советом — новых форм народовластия, призванных закрепить за народом право активно защищать свои интересы на всех уровнях государственной власти. Идея Талегани создать в Иране советы, в основе которых будут лежать идеи ислама и шариата, получила в начале одобрение и поддержку со стороны имама Хомейни.

Предлагая свою идею лидеру иранской революции, Талегани хотел в новых условиях осуществить на практике один из основных догматов шиизма — марджа-а таглид. Оставляя верховную власть в масштабах страны за имамом Хомейни, Талегани предполагал наделить коллективные органы в виде сельских и городских советов правом авторитетного обсуждения в пределах своей компетенции всех вопросов, относящихся к работе исполнительной власти. Воля народа, считал Талегани, выраженная через работу советов, должна быть основополагающей в решении государственных задач. Воле советов не должен противостоять ни один орган государственной власти, будь то правительство или отдельное лицо. Последнее обстоятельство весьма примечательно для мировоззренческих взглядов Талегани на природу исламской власти: ссылаясь на авторитет Корана, ведущую роль в решении глобальных проблем

государственного строительства, право окончательного выбора пути развития общества Талегани оставлял за народом¹².

Заручившись поддержкой Хомейни на осуществление проекта создания в масштабах страны советов, Талегани совместно со своей канцелярией приступил к разработке статуса и организационных принципов их формирования, которые должны были быть сформулированы в итоговом документе как Закон о советах. С этой целью Талегани решил привлечь к работе авторитетных богословов и знатоков шариатского права: Абдула Керима Лахаиджи, Шабастари, Тахера Ахмададзе, Али Асгара Джавади, д-ра Насера Кагузияна и д-ра Хабибуллу Пеймана.

Насколько серьезно Талегани подходил к делу, свидетельствует тот факт, что в своих личных письмах к вышеупомянутым деятелям Талегани поставил перед ними задачу научного анализа общественно-политического положения иранского общества после победы иранской революции. По замыслу Талегани, подобная аналитическая работа логически должна, опираясь на догмы ислама, подвести авторов к необходимости создания в настоящих условиях разноуровневых советов. Следует отметить, что еще до завершения комиссией работы над созданием проекта Закона о советах Талегани, получив известие из города Нагде о возникших беспорядках, в своем специальном заявлении к жителям этого города предложил провести выборы в местный совет, который мог бы решить возникшие разногласия между населением и властью.

По убеждению Талегани, необходимость создания советов в послереволюционном Иране исходила из требований исламских догматов, которые устанавливают взаимную ответственность лидера общины и ее членов за происходящие в ней события. Подобная трактовка Талегани исламской догматики не могла не вызвать сочувственной поддержки со стороны революционно настроенной молодежи и интеллигенции, которые пришли в революцию с целью полного обновления общественно-политической жизни страны и желая освободиться от потерявших свою жизнеспособность старых структур шахской власти. Создание советов могло объективно способствовать углублению революционных преобразований, демократизации общественной жизни, вовлечению в нее новых представителей из различных социальных слоев населения, распространению процесса демократизации на область межнациональных отношений. «Сто раз я говорил о том, что проблема советов относится к числу важнейших вопросов ислама. Пусть народ не полагается только на вождя... До сих пор в совете экспертов ведутся дискуссии по этому вопросу Корана,

каким образом его осуществить: нужно ли, возможно ли, или нельзя. Этот вопрос один из главных в исламе»¹³.

22 мая 1979 г. в резиденции имама Хомейни в Куме состоялось совещание высшего религиозно-политического руководства страны, на котором рассматривался проект Закона о советах, подготовленный группой исламистов во главе с аятоллой Талегани. Документ после длительного обсуждения не получил поддержки со стороны большинства присутствовавших на этом совещании руководителей республики. Было решено отложить работу над этим законом и сосредоточить все усилия на разработке положений новой конституции.

В роли главного оппонента предложенного Талегани проекта Закона о советах выступил министр внутренних дел Лахиджи, который заявил, что осуществление на практике этого закона в настоящих условиях невозможно, поскольку в стране существует сильная оппозиция новой власти в лице остатков еще не разгромленных сторонников шахского режима. Передача функций исполнительной власти в органы народного самоуправления только ослабит центральное руководство и нанесет непоправимый вред укреплению исламской власти в центре и на местах. Ему вторили представители торгового капитала и частного бизнеса, которые опасались, что создание советов дезорганизует работу частных банков и негативно скажется на положении дел в экономике страны.

Потерпела крах и первая попытка создать совет в городе Сенендедже: избранный демократическим путем городской совет был вскоре лишен мандата, а затем и совсем распущен по указанию центральной власти из Тегерана.

Талегани был вынужден подчиниться такому решению высших должностных лиц страны, хотя глубоко переживал свое, как он считал, поражение, поскольку с этой идеей Талегани связывал дальнейший путь развития Ирана по исламскому демократическому пути. И тот факт, что ни сам имам Хомейни, ни его окружение не одобрили инициативу Талегани, было воспринято им как свидетельство внутреннего концептуального разногласия между двумя основными лидерами исламской революции, которое, как покажут последующие события, постепенно отодвинут Талегани с Олимпа политической жизни и превратят его в добровольного отшельника. До конца своей жизни Талегани остался верен идее создания в новом Иране советов как эффективной формы народовластия на принципах ислама и шариата и призывал народ проявить в этом вопросе такое же единство, какое он проявил во время самоотверженной борьбы против шахского режима. Обращаясь к многочисленной толпе верующих во время своей

последней пятничной молитвы 8 сентября 1979 г., Талегани сказал: «Вопрос создания советов является одним из основных вопросов ислама. Даже пророк говорил: “Советуйтесь с народом, рассматривайте его как личность”. Помните, что на народ возложена ответственность. Не полагайтесь только на вождя»¹⁴.

По случаю смерти Талегани имам Хомейни опубликовал послание, в котором, в частности, говорилось: «Великий мученик за веру, горячо любимый брат Его Преосвященство ходжат-оль ислам-оль — муслимин Талегани ушел от нас и присоединился к вечности, к сонму своих предков. Для него это счастье и спокойствие, а для меня и моей общины это печаль и скорбь. Талегани провел свою жизнь в священной борьбе, толковании Корана и в наставлении верующих. Он был одним из тех, у кого жизнь чередовалась тюремными заключениями и страданиями, но он никогда не охладевал душой к священной борьбе. Я не ожидал, что останусь живым и буду одного за другим терять своих любимых и дорогих друзей. Талегани был для ислама тем же, что и Абузар. Его речи походили на саблю Малека Аштара — такие же разящие и острые. Смерть Талегани была преждевременной, а жизнь его была исполнена благости. Да благословит Господь этого великого человека, который стоял во главе тех, кто вел аскетическую, целомудренную жизнь, следуя заветам ислама»¹⁵.

¹ Кейхан, 3.11.78.

² Кейхан, 15.02.78.

³ *Афрасийаби Бахрами* — Дехган Сейид. Талегани ва тарих. Чапхане «Нагш-е джахан», чап-е доввом, 1360, Б/м., с. 17.

⁴ Кейхан, 31.10.79.

⁵ Кейхан, 22.06.79.

⁶ Кейхан, 26.07.78.

⁷ *Афрасийаби Бахрами*... с. 28.

⁸ Там же, с. 419–420.

⁹ *Талегани аятолла*. Эслам ва малекийат. Нашер «Шеркат-е сэхамийе-е энте-шар», чап-е чехарам, Техран, 1344, с. 24.

¹⁰ Там же, с. 31.

¹¹ *Талегани аятолла*. Таалим ва тарбийт-е эслам. Б/м, б/д, с. 16.

¹² *Талегани аятолла*. Дарсха аз коран. «Энтешарат-е нас», 1353, Б/м, с. 18.

¹³ *Афрасийаби Бахрами*... с. 46.

¹⁴ *Талегани Махмуд*. Айанде-йе башарийат аз назарее мактаб-е ма. «Энтешарат-е хекмат», Кум, б/д, с. 34.

¹⁵ *Аз азади та шахадат*. Аснад-е джомбеш-е эслами (Гесмат-е 1, джелд-е 2). Энте-шарат-е «Абузар», чап-е доввом, 1359, Б/м., с. 14.

Н. М. Мамедова

ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Заметное нарастание тенденций к демократизации внутривнутриполитической жизни Ирана ассоциируется с приходом к власти Мохаммада Хатами. Наиболее яркими проявлениями этого процесса стали выборы в местные органы власти, и особенно в меджлис 6-го созыва, которые состоялись 18 февраля 2000 г. Меджлис (иранский парламент) является высшим законодательным органом страны, в этом году в него избиралось 290 депутатов (число депутатов увеличивается через десять лет в связи с ростом населения, в меджлис первого созыва в 1980 г. избиралось 270 депутатов).

На 290 мест в меджлисе претендовали 6083 кандидата, прошедших через утверждение Наблюдательным Советом. К выборам в прошлый меджлис было допущено 3231 кандидат, в меджлис 4-го созыва — 2066¹. И это несомненное свидетельство активизации политической жизни, ослабление контроля за «благонадежностью» кандидатов. Увеличилось число женщин, прошедших регистрацию. Из общего числа кандидатов в нынешний меджлис (из 6083) 513 — женщины. (Для сравнения: в меджлис 4-го созыва баллотировалось 320 женщин, 1-го созыва — 167².)

Меджлис, согласно Конституции ИРИ (1979 г.), является однопалатным, хотя законы, принятые меджлисом, должны пройти обязательное одобрение Наблюдательного Совета, состоящего из 12 членов, 6 из которых (юристов) проверяют соответствие законов Конституции, а 6 улемов (высших богословов), назначаемых рахбаром, — соответствие нормам ислама. (Персидское название Наблюдательного Совета — Шоурае негяхбан-э ганун ага-си — дословно переводится как совет по соблюдению Конституции.) В какой-то степени Наблюдательный Совет можно рассматривать и в качестве высшей палаты меджлиса. Еще при жизни

Хомейни, когда противоречия между меджлисом и Наблюдательным Советом достигли критического уровня, грозящего ослаблением и даже разрушением самой структуры исламского строя, был создан еще один высший законодательный орган, состоящий из высших религиозных и государственных деятелей — так называемый Совет по целесообразности (Совет по принятию решений, наиболее целесообразных для строя, — Маджма-йе таххисе маслахате незам), который стал выступать своеобразным третейским судьей между меджлисом и Наблюдательным Советом и который после внесения в 1989 г. поправок в Конституцию обрел конституционный статус. Это в определенной мере снизило влияние Наблюдательного Совета в законотворческом процессе и соответственно повысило роль самого меджлиса. И тем не менее роль Наблюдательного Совета остается все еще значительной не только из-за участия в законотворчестве, но и из-за участия в процессе выборов в меджлис. Именно Наблюдательный Совет выполняет функцию избирательной комиссии, отбирая кандидатов для участия в выборах.

В выборах 2000 г. принимали участие лица, достигшие 17 лет, хотя еще в прошлом году возрастной ценз составлял 16 лет. Иранское общество расценило это решение, принятое меджлисом накануне выборов, как попытку уменьшить долю молодежного электората.

Дело в том, что Иран в настоящее время представляет собой одну из самых молодых стран мира, где 70% населения моложе 30 лет и 43% — моложе 20 лет³. Большую часть электората стала составлять молодежь, которая поддерживает сторонников нынешнего президента страны — Мохаммада Хатами. Именно молодежный электорат обеспечил победу самому Хатами на президентских выборах и победу сторонникам Хатами на муниципальных выборах в конце прошлого года.

Для избрания в меджлис кандидату не только нужно набрать большинство голосов в своем избирательном округе, но и набрать их не менее 25%. В противном случае будет проводиться повторное голосование (второй тур), которое состоится в апреле с. г. 25%-ный барьер не преодолели 18 февраля 65 депутатов.

Выборы в меджлис, да и сама предвыборная борьба, обнажившая расхождение и в группировках, и между отдельными политическими и религиозными лидерами, имели чрезвычайно большое значение для развития политического процесса в Иране. Дело в том, что два с половиной года назад, накануне президентских выборов 1997 г. политическая элита, которая и до этого находи-

лась в состоянии постоянного раскола на два лагеря, в значительной степени склонялась к более жесткой линии в противовес сторонникам реформ тогдашнего президента Рафсанджани. В этот период сторонники экономических либеральных реформ, технократы правительства Рафсанджани создали организацию «Группу 6-ти» или «Горухе каргозаране сазендеги» (служителей созидания), которая в настоящее время известна как партия «Каргозаран». Ни один из кандидатов на пост президента, выдвинутых этой группой, не прошел через Наблюдательный Совет, и сторонники Рафсанджани в качестве своего кандидата поддержали Мохаммада Хатами, хотя последний примыкал к Ассамблее борющихся улемов (Маджма-йе руханияуне мобарез-Military Clerics) — той фракции духовенства, которая выступала оппонентом правительства Рафсанджани по многим вопросам политической и экономической жизни Ирана. Правда, Рафсанджани к концу пребывания своего второго срока на посту президента фактически противопоставил себя и другой мощной группировке духовенства — Организации борющегося духовенства, лидером которой являлся спикер парламента 5 созыва Али Акбар Натег Нури. Именно его прочили в президенты, а большинство Наблюдательного Совета и Совета по целесообразности составляли в это время сторонники Организации борющегося духовенства (Джаме-йе руханият-е мобарез — Militant Clergy).

Взаимоотношения этих организаций духовенства до недавнего времени и составляли сущность внутривнутриполитического процесса в Иране и внутривнутриполитической борьбы, особенно после роспуска в 1987 г. Партии исламской республики. Часть высшего духовенства вышла в 1988 г. из Организации борющегося духовенства и создала Ассамблею борющихся улемов⁴. Названия и в персидском и английском написании, хотя и созвучны, но отражают и различие. (В русском языке правильным бы было дословное написание «борющихся священников» и «борющегося духовенства», но слово «священник» не применяется для названия представителя исламского духовенства, поэтому в российской литературе организацию, созданную в 1988 г., чтобы подчеркнуть ее отличие от «Организации борющегося духовенства», называли иногда «Ассамблеей воинствующего духовенства», или Ассамблеей борющегося духовенства». Представляется, что более адекватным персидскому смыслу является Ассамблея борющихся улемов.) Члены этих группировок духовенства и составляют не только религиозную, но и политическую элиту страны, занимая ведущие посты в государстве.

М. Хатами, конечно, понимал, что своим избранием он в значительной мере был обязан не только поддержавшей его «Маджма-е руханийюн (Ассамблее)», но и сторонникам Рафсанджани, поэтому свои взаимоотношения с 5-м меджлисом (в 1997—1999 гг.) он вынужден был строить, учитывая этот фактор, как и то, что большинство меджлиса составляли сторонники Организации борющегося духовенства (Джамэ-йе руханият). Несмотря на это, курс М. Хатами на демократизацию иранского общества, в т. ч. путем создания партий и политических организаций, расширения свобод прессы, был поддержан не только правительством, но отчасти и меджлисом. Особую активность проявили сторонники Хатами, создав пропрезидентские партии и группировки. Муниципальные выборы, прошедшие в октябре 1999 г. в обстановке острого противостояния, укрепили позиции Хатами и показали позитивность использования партийного строительства для завоевания власти на всех уровнях. После выборов в местные органы власти сразу же началась предвыборная борьба за меджлис 6-го созыва. Стремительными темпами стало расти число партий и различных партийных группировок и общественных движений.

«Маджма», или Ассамблея борющихся улемов, как группировка духовенства четко осознала, что в современном иранском обществе необходимо использовать партии, разделяющие взгляды на сохранение существующей исламской государственности, но объединяющие не только и не столько духовенство, но и остальные слои общества. По инициативе лидеров «Маджмы» был создан Фронт 23 мая, или 2 хордада (день победы на выборах президента М. Хатами), в который вошли свыше 17 партий и организаций, которые и выдвинули общих кандидатов. Более того, в программных заявлениях делался упор на то, что количественное предпочтение должно уделяться светским депутатам.

Главным политическим ядром этого блока стала партия, образованная братом президента Мохаммадом Резой Хатами — «Исламский иранский фронт участия» (Islamic Iran Participation Front), именуемая чаще всего в иранской прессе сокращенно «Мошарекят» (соучастие). Партия издает свою газету «Мошарекят».

Главный предвыборный лозунг Фронта 23 мая и партии «Мошарекят» — «Иран для всех иранцев» — оказался весьма привлекательным и действенным в значительной степени из-за того, что не связывал лояльность с исламской идеологией. В предвыборной борьбе широко использовались музыкальные средства агитации, т. е. все то, что запрещалось и изгонялось из быта иранцев в первые послереволюционные годы. В значительной мере «Мо-

шарекят» ориентируется на молодежь, особенно студенчество, женщин, интеллигенцию.

Второй крупной партией являлась Организация моджахедов исламской революции, возглавляемая Бехзадом Набави — бывшим министром тяжелой промышленности (в правительстве М. Х. Мусави). Входит в коалицию и партия труда во главе с Абольказемом Сархадизаде. Кандидатом от объединенных сил стал и секретарь одной из влиятельнейших партий — Последователей курса имама Хомейни (Хатте имам — Imam's Line) — сейид Хади Хаменеи, брат рахбара Али Хаменеи. Эта партия создана на базе группировки студентов — последователей линии имама Хомейни, которая «прославилась» тем, что во главе со своим лидером — ходжат-оль-эсламом Мусави-Хоэниха (и Хабибуллою Пейманом, который не прошел регистрацию Наблюдательным Советом в качестве кандидата на выборы в меджлис 6 созыва) захватила в заложники сотрудников американского посольства в 1979 г.

О том, как сложно в Иране делить лидеров на «правых» и «левых», свидетельствует как раз политическая позиция Мусави-Хоэниха в последние два года. Если Х. Пейман сейчас известен как крайне националистический лидер, то Мусави-Хоэниха занимает пропрезидентскую позицию. Он выступает за предоставление больших свобод, за нормализацию отношений с зарубежными странами, за реализацию принципа «диалога цивилизаций», выдвинутого Мохаммадом Хатами. Именно он как главный редактор газеты «Салам» (орган «Маджмы») подвергся критике консервативного духовенства за ряд статей, опубликованных в этой газете летом 1999 г. И именно закрытие этой газеты вызвало взрыв возмущения студенчества и явилось пусковым моментом бурных событий лета прошлого года, которые многими были расценены как новая революция.

Кандидатам — сторонникам Хатами противостояла Организация борющегося духовенства как традиционный оппонент Ассамблеи борющихся улемов.

Неожиданным, но, пожалуй, лишь на первый взгляд, оказалось противостояние с «Каргозаран», которую вместе с Рафсанджани пропрезидентские газеты зачислили в консерваторы, и эта же формулировка прошла по западным СМИ. При этом сама партия «Каргозаран» в число своих кандидатов включила многих из кандидатов, выдвинутых «Мошарекят» и ее сторонниками.

Трудно назвать консерваторами таких деятелей, как Рафсанджани, открывшего путь к экономической либерализации и заявившим в конце своего президентства о необходимости расшире-

ния экономических свобод, как членов партии Каргозаран, превративших программу реформ в жизнь. Определение их как консервативного крыла отражает, что они более «правые» в европейском понимании политического спектра, а «Мошарекят» — более левые. Да и сама иранская пресса, если и классифицирует направленность газет как органов политических группировок, определяет газеты и лидеров, связанных с линией «Маджмы» и «Мошарекят», — левыми, модернистскими или реформистскими. Членов Организации борющегося духовенства и особенно партии «Ансаре Хесболла» в иранской печати называют сторонниками жесткой линии.

В противостоянии с «Каргозаран», особенно накануне выборов, возможно из-за дистанцирования Рафсанджани от событий, связанных с арестом Абдоллы Нури, закрытия «Салам» во главе с М. Хоэниха (пропрезидентской ориентации), жесткого противопоставления на западе Хатами и Рафсанджани, в период президентства которого были введены санкции США⁵, сторонники Хатами стали набирать ощутимый перевес. И выборы это убедительно доказали.

Из 30 мест по Тегерану 29 завоевали сторонники Хатами, и лишь 30-е место с небольшим перевесом голосов (25,58%) досталось Рафсанджани, который официально сейчас в прессе подается как независимый кандидат, но в предвыборных программах партии «Каргозаран» был заявлен ее кандидатом и в общественном мнении тесно связан с партией «Каргозаран». Несмотря на то, что эта партия поддержала многих из кандидатов «Мошарекят»⁶, ее сторонники потерпели явное поражение. Не прошла в меджлис и кандидатура дочери Рафсанджани-Фаэзе Хашеми, одной из лидеров «Каргозаран». Влияние этой партии стало падать из-за разногласий между лидерами этой партии. Кроме того, освобождение из заключения бывшего мэра Тегерана Голам Хосейн Карбасчи было достигнуто в результате его прошения на имя рахбара, это снизило его популярность как генерального секретаря «Каргозаран». Предвыборная программа «Каргозаран» (из 11 пунктов)⁷ в принципе ничем не отличалась от программных заявлений «Мошарекят», но в отличие от последней не содержала кратких, но привлекательных лозунгов. А лозунг «Иран для всех иранцев», не отрицая необходимости экономических рыночных реформ, как бы делал упор на то, что эти реформы должны совершаться в интересах большинства иранцев, а не только «новых» предпринимательских слоев.

В результате выборов в меджлис было избрано 225 депутатов, выборы остальных 65-ти, не преодолевших 25% барьер, состоятся в апреле.

По данным иранской прессы расстановка политических сил в новом меджлисе такова:

Реформисты, или сторонники блока 23 мая	— 148
Консерваторы	— 35
Независимые	— 37
Представители религиозных меньшинств (зороастрийцы, иудеи, христиане)	— 5

Наиболее убедительна победа сторонников Хатами в Тегеране (29 из 30), Исфагане (5 из 5), Мешхеде (5 из 5), Ширазе (из 4 — 3, один будет выбираться во 2-м туре), Бендер-Аббасе (из 3 — двое официальные кандидаты Фронта, один — независимый кандидат, но известен как приверженец президентской ориентации).

Для иранцев немаловажное значение имели не только общие результаты выборов, но и количество проголосовавших за каждого из кандидатов коалиции — Фронта 23 мая. И для «Маджма» и для ее партии «Мошарекят» этот показатель явился дополнительным показателем укрепления их политических позиций⁸. Так, по Тегерану самой большой процент поддержки получил лидер партии «Мошарекят» — Мохаммад Реза Хатами. Он набрал 61,2% голосов (1-е место). За Джамиле Кадивар, одну из активных деятелей Мошарекят (жену министра культуры), проф.Тегеранского университета, издателя газеты «Негар», проголосовало 47% (2-е место). Третье место в рейтинге поддержки у Али Реза Нури — брата бывшего министра внутренних дел Абдоллы Нури, осужденного судом для духовенства на 5 лет.

Убедительную победу одержали такие кандидаты от «Маджмы», как Меджид Ансари, один из политических лидеров Ирана, член Наблюдательного Совета, депутат меджлиса 5 созыва, занимавшегося проблемами парламентской фракционной борьбы, который получил поддержку 40% избирателей (7-е место), Махди Кярруби, бывший в 80-х — начале 90-х годов спикером меджлиса, — 30,5 % (25-е место).

Высокий рейтинг поддержки получили кандидаты от партии Организации моджахедов исламского Ирана Мохсен Армин (4-е место) и ее лидер, ставший пресс-атташе всей коалиции, Бехзад Набави (8-е место).

5-е место — у Сейида Хади Хоссейна Хаменеи, брата Али Хаменеи, генерального секретаря партии Сторонников линии имама, который, как написала газета «Фатх» накануне выборов, за-

явил, что «Хомейни не обладает иммунитетом против критики и что каждый должен отвечать за принятые решения и за дела в прошлом».

1. Результаты выборов многими экспертами, особенно на Западе, были расценены почти как крушение исламской государственности. Во многом это мнение базировалось исходя из изменений, происходящих в стране в последний год, и характера предвыборной кампании. Действительно, данная предвыборная кампания была весьма специфической, резко отличаясь от всех предыдущих, имевших место за весь период существования Исламской республики Иран. По использованию предвыборных технологий она напоминала кампании, проводимые в большинстве стран мира, были задействованы все средства массовой пропаганды, особенно печать и телевидение. Иран давно не сталкивался с такой полемичностью в прессе, представлявшей интересы различных общественных групп. Все это сопровождалось закрытием газет, судебными разбирательствами, возникновением новых изданий, зачастую менявших лишь название, но сохранявших штат и политическую направленность закрытых газет. Повсеместно стали проводиться рок-концерты в поддержку тех или иных сил, о чем нельзя было и подумать даже год-два тому назад. Стала даже меняться мода, становясь более свободной. Ускорился процесс распространения английского языка, особенно после разрешения пользования Интернетом.

Конечно, победа «реформистов» на выборах в высший законодательный орган усилит демократические потенции, заложенные в государственной структуре Ирана как структуре республиканской. Изменить исламский характер этой структуры можно: а) либо изменив структуру государственных органов, т. е. изъяв из Конституции статьи о веляйте факих (или рахбаре), ограничив роль Наблюдательного Совета, изменив структуру судебной власти и вооруженных сил, б) либо выхолостить из исламской формы власти ее исламское содержание. К первому пути, как представляется, не готово ни реформаторское крыло лидеров, ни само общество.

Как показывает опыт развития Ирана, избранная им государственная и политическая модель способна на эволюцию, готова к ответам на вызовы времени. Второй путь, видимо, более реален, однако сколько-нибудь резкого снижения исламского фактора не произойдет. В меджлис пришло поколение, выросшее на идеях исламской справедливости, связывающих процессы идентификации с исламом, готовое принять и воспринять достижения вестернизации, но с условием использования их для повышения

уровня самооценки, сохранения своего национального самосознания. Лидеры «Маджмы», пришедшие сейчас снова во власть, не считают изменение прежней политики изменой исламским принципам, хорошо помня, что именно в связи с созданием в свое время «Маджмы» аятолла Хомейни обратился с Братской хартией («Маншуре барадаари»), в которой указывал, что врата иджтихада (толкования ислама) открыты для всех, и разные точки зрения на вопросы жизни общества возможны и полезны, если направлены на укрепление исламского государства.

2. Представляется, что сейчас делать выводы о расстановке политических сил даже в законодательном органе, лишь исходя из соотношении депутатов — кандидатов от Фронта и остальных, было бы преждевременным. Само создание коалиционного блока партий — это скорее предвыборный ход, нежели действительный союз единомышленников. Многие из общих кандидатов имеют различные взгляды по важнейшим проблемам политической и экономической жизни. Очень сильными остаются позиции консервативных фракций в вооруженных силах, особенно в Корпусе стражей исламской революции. Активно действуют сторонники партии Хезболла — наиболее экстремистское движение в исламе. Уже после выборов, 12 марта с. г. в центре Тегерана был тяжело ранен один из идеологов и лидеров «Мошарекят» Сайед Ходжарийан. С. Ходжарийан возглавляет одну из популярных реформистских газет «Собхе эмруз», которая в последнее время вела расследование обстоятельств серии политических убийств в конце 1998 г. Редакции газеты неоднократно угрожали, и в день покушения на Ходжарийана, который в предыдущие дни занимался вопросами формирования парламентской фракции, редакция газеты была разгромлена и подожжена.

Поэтому вполне возможна ситуация раскола меджлиса на фракции, способная затормозить законотворческий процесс. Поэтому уже 10 марта «Мошарекят» начала работу по созданию реформистской фракции меджлиса. В работе организационного собрания приняло участие около 200 выбранных членов меджлиса и кандидатов на 2-й тур голосования. Показательно, что к ним присоединились 20 независимых кандидатов⁹.

3. Можно предположить, что в период работы 6-го меджлиса основной водораздел борьбы пройдет как между «новыми реформистами» и «консерваторами», так и между «новыми реформистами» и «старыми реформистами» — сторонниками Рафсанджани, занимающими сейчас центристский спектр.

Вполне прогнозируемо увеличение влияния «Каргозаран» или любой партии, которая будет занимать такие же центристские (в политическом аспекте) и более правые (в экономическом) позиции. Но это может произойти лишь в среднесрочной перспективе. Сейчас же, получив большинство в меджлисе, реформисты всячески стараются дистанцироваться от «Каргозаран» и Рафсанджани. Если накануне выборов реформистами допускалась поддержка кандидатуры Рафсанджани на пост спикера меджлиса, то уже после объявления результатов голосования эта возможность отвергается или, по крайней мере, ставится под большое сомнение.

Основное принципиальное отличие в этих двух направлениях — это то, что сторонники Рафсанджани, перед которыми остро стояла задача послевоенного восстановления страны, выживания населения и сохранения строя, сделали ставку на экономическую либерализацию. Сторонники Хатами, получив из рук Рафсанджани экономику, достигшую по многим параметрам не только довоенного, а дореволюционного уровня, главным считают общественную либерализацию, включающую не только политическую составляющую, но и образ жизни. К числу компонентов, определяющих образ жизни, относится и свобода передвижений по всему миру, пользования информационными сетями, возможность получения образования за рубежом и т. п. Конечно, это наиболее привлекательно сейчас для молодого населения Ирана. При этом новые реформаторы, представляющие более левые экономические взгляды, много говорят о социальной справедливости, социальных гарантиях, справедливо ориентированной экономике, ликвидации безработицы и т. п.

М. Хатами многое удалось сделать для демократизации политической жизни. В меньшей степени — в области экономического развития. Конечно, кризисное состояние, в котором оказалась иранская экономика в годы нахождения у власти правительства М. Хатами, объясняется в значительной мере падением цен на нефть в 1998 — первой половине 1999 г. и влиянием «азиатского» кризиса. Но и само правительство, в сущности, не смогло предложить обществу сколько-нибудь эффективной программы выхода из кризиса. Не принято экономических законов, касающихся налогообложения, защиты частных и иностранных инвестиций, гарантий инвестиций и их возврата и т. п. Одной из причин отсутствия необходимых законов являлись и острые разногласия в меджлисе. Не был принят в окончательном варианте даже III пятилетний план на 2000–2005 гг., этот основной экономический закон

страны. Все эти задачи сознательно были отложены до начала работы меджлиса 6-го созыва.

Логика экономического развития Ирана, страны с открытой экономикой, внешняя торговля которой составляет более трети валового внутреннего продукта, с капиталоемкими ведущими отраслями промышленности — нефтяной, нефтехимической, металлургией, энергетикой, требующих обновления основного капитала, притока огромных инвестиций, а следовательно, привлечения иностранных инвесторов и технологий, будет требовать продолжения начатых правительством Рафсанджани реформ. Но среди кандидатов, предложенных Фронтом 23 мая, преобладают те, кто занимал ведущие посты в период 80-х годов, когда правительство ориентировалось на построение жестко-централизованной экономики. Так, Бехзад Набави, называемый «старым партизаном», в правительстве Мир Хосейна Мусави был министром тяжелой промышленности. Он являлся сторонником всемерного укрепления государственного сектора, расширения введения системы фиксированных государственных цен, жесткого внешнеэкономического контроля.

Поэтому борьба в новом меджлисе по вопросам экономической политики во многом будет зависеть от позиций нейтральных депутатов, от создания новых фракций, ориентированных на курс «Каргозаран», но свободных от влияния лидеров «Каргозаран».

4. Как может отразиться победа сторонников Хатами на отношениях с Россией и США? Дальнейшее развитие демократических тенденций во внутривнутриполитической жизни Ирана безусловно может ускорить его сближение с США. Иран заинтересован в экономических связях с США, так как опыт развития в условиях эмбарго и санкций со стороны Соединенных Штатов наглядно показал уязвимость иранской экономики от этих санкций и отсутствие других внешнеэкономических субъектов, способных полностью восполнить отсутствие США на иранском рынке. Россия даже сейчас, в период разрыва отношений Ирана с США, не смогла сколько-нибудь серьезно закрепить свои экономические позиции в Иране. Исключение составляет лишь атомная энергетика, но можно предположить, что в случае установления полноценных отношений с США Иран может пожертвовать и этим проектом, который он в последнее время, как представляется, все больше склонен рассматривать как средство давления на США.

Россия, безусловно, сохранит (при нынешнем уровне отношений с США) по-прежнему свою приоритетность для Ирана во внешнеполитической политике. Россия для Ирана действительно

важный политический союзник в отношениях Ирана со странами Центральноазиатского региона, Закавказья, Турции, Индии и Пакистана. Россия, особенно по мере увеличения ее экономического потенциала, — выгодный экономический партнер для Ирана, в первую очередь как поставщик необходимых технологий. С Россией Иран связывает и реализацию многих масштабных транспортных проектов, энергетических проектов, включающих транзитные. Для нового меджлиса и, возможно, нового правительства изменения в отношениях наших стран вряд ли возможны. Безусловно, ситуация может измениться в случае установления отношений Ирана с США. Политическая роль России может значительно уменьшиться, но экономическая составляющая наших отношений может получить больший вес. Приток американских инвестиций сможет повысить качество и конкурентоспособность иранских товаров, которые представляют больший интерес для российского рынка, нежели сейчас. Иранская заинтересованность в обширном российском рынке, взрастившем капиталы турецких, китайских и прочих азиатских компаний, еще более возрастет.

Россия должна быть готова к тому, что политически более однородный меджлис сможет уже в ближайшие годы ускорить процесс экономического законотворчества, она должна проявить инициативу в обеспечении более оптимальных законодательных основ для защиты интересов российских компаний на иранском рынке, в обеспечении политических и экономических интересов России в региональных и межрегиональных проектах, осуществляемых на территории или с участием Ирана.

¹ Iran News, 16.02.2000.

² Iran News, 16.02.2000.

³ Там же.

⁴ Iran after the Revolution. Crisis of an Islamic state. I. B. Tauris. London — New York, 1996., p. 89.

⁵ Европейский суд во второй половине марта выразил намерение устроить суд над А. А. Рафсанджани.

⁶ Предвыборная программа партии «Каргозаран» (хезбе каргозаране сазендеги-е Иран) и ее кандидаты (на перс. яз.). Тегран, 2000.

⁷ Там же.

⁸ IranMania News, 1.03.2000. <http://www.iranmania.com>

⁹ Iran News, 16.03.2000.

С. М. Раванди-Фадаи

ФРАКЦИОНИЗМ В ИРАНЕ И РОЛЬ ИРАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ

В политической науке не существует точного определения понятия фракции и фракционизма. Фракционизм может предполагать как объединение в рамках одной политической партии, так и объединение людей в условиях гражданского конфликта. Кроме того, он может подразумевать и лоббирование в рамках конкретного политического режима (системы).

Мы, как и большинство исследователей, склоняемся к первому определению. Именно такое понятие получило распространение в развитых странах с многолетним опытом многопартийной системы. Это же касается фракционизма не только в рамках политических партий, но и научных и прочих общественных кругов. Эта же точка зрения разделяется и д-ром Сейед Борзином, автором работы «Политические фракции в Иране» (1999 г.)

Общеизвестно, что влияние фракционизма на политическую ситуацию может быть двояким. С одной стороны, он может послужить причиной ослабления режима, с другой — способен породить новые институты и образования, способные стабилизировать ситуацию и стать действенными факторами в деле становления общественного порядка. Правительство может обладать различными видами авторитетов, в частности — авторитетом революционным, авторитетом религиозным, демократическим или научным. В любом случае, если этот авторитет утрачивается, правительство оказывается не в состоянии реализовывать свои программы и утрачивает власть.

По мнению С. Борзина, можно проследить прямую связь между фракционизмом и авторитетом правительства. Фракции способны как служить фактором прироста авторитета, так и причи-

ной его падения. Все зависит от того, какие формы принимает фракционизм. Если он носит характер «ущемления», то есть стратегической целью каждой политической группировки является ущемление интересов другой, то такое разделение способно стать причиной ослабления авторитета режима. Если одна фракция уничтожает другую, то, следовательно, это уничтожение общественного института приводит к уничтожению целого столпа общества, а следовательно, к уничтожению одного из столпов, на котором держится авторитет режима. С другой стороны, если некая фракция оказывается не в состоянии уничтожить соперника, то возникает патовая ситуация, когда противостоящие силы оказываются накрепко связанными друг с другом и вычеркнуты из общественной активности. Каким же образом растет авторитет правительства, если разделение на фракции носит обратный характер? Если фракции не стремятся к взаимному уничтожению, то их видимое противостояние взглядов на деле выражается в стремлении наиболее полно отразить волю народа и направить свои усилия в созидательное русло, что, естественно, прибавляет авторитет самой системе. В этой связи чрезвычайно актуальным представляется вывод С. Борзина, что это — здоровая конкуренция, которая не подтачивает, а, напротив, укрепляет общественные столпы и авторитет государства.

Безусловно, наличие различных фракций в общественной жизни лишает какую-либо из фракций монополии на принятие политических решений, не позволяя ни одной из них полностью захватить инициативу в свои руки, пренебрегая интересами остальных. С тактической точки зрения, едва одна из фракций пожелает стать монополистом, как и другие тут же объединяются в союз с целью помешать ей сделать это. Такие объединения могут носить официальный характер, однако в большинстве случаев они неофициальны и образуются сами по себе естественным путем. Иранские реалии дают нам возможность проследить несколько примеров.

На четвертых парламентских выборах (1992 г.) и в пятом туре президентских выборов (1993 г.) столкнулись фракции «маслахат андишон» и «тондрухе» (умеренные и жесткие) по вопросу прекращения войны с Ираком. Мы знаем, что стратегия радикалов «открыть дорогу на Кербалу с целью продвижения к Иерусалиму», невзирая на возможные народные жертвы, в конце концов не была одобрена¹.

Четвертые парламентские выборы и пятые президентские состоялись уже после окончания ирано-иракской войны. К тому времени сторонники жесткого курса занимали большинство мест

в парламенте. Председателем парламента был ходжат-оль-ислам Карруби, председателем Кабинета Министров — Мир Хоссейн Мусави. Оппозиция парламенту и правительству образовала новый альянс. Этот союз включал в себя фракции правой и центристской ориентации, имел своей стратегией восстановление разоренных за годы войны земель, а также более центристскую ориентацию во внешней политике. В 1989 году с одобрения имама Хомейни, всегда выступавшего за сохранение баланса сил, им удалось уменьшить влияние «крайних», занять большинство мест в парламенте и путем изменения Конституции ликвидировать пост премьер-министра, усилить власть президента. Председателем парламента стал Акбар Натег Нури, а президентом — Акбар Хашеми-Рафсанджани (уже после смерти аятоллы Хомейни).

На шестых президентских выборах этот союз претерпел некоторые изменения. В этих выборах принимали участие представители различных фракций, представлявшие свои программы в сферах экономики и культуры. Акбар Хашеми-Рафсанджани был переизбран на второй срок. Правое крыло проявило активность, забрав значительное число мест в правительстве при молчаливом согласии центристов, однако левые силы встали в резкую оппозицию. Кабинет Рафсанджани склонился в сторону правого крыла, что привело к новому раскладу политических сил между фракциями.

На этом примере можно видеть различные типы союзов. Однако эти союзы непостоянны и неустойчивы. Когда фракционизм является главной регулирующей политической системой, всегда возникают различные непродолжительные союзы между фракциями.

В Иране до 1998 г. фактически не было политических партий. В условиях, когда в стране не существует политических партий, но существуют политические фракции, верховные лидеры государства несут ответственность по установлению взаимоотношений между ними, то есть, другими словами, берут на свои плечи роль, обычно выполняемую политическими партиями, заполняя собой эти пустующие места.

Особенно важным становится позиция верховного лидера по отношению к фракциям. Он, являясь верховным арбитром между фракциями, ответственен за принятие взвешенных решений по спорным вопросам. Особенно тяжелой и ответственной была эта роль во время имама Хомейни, когда политическая борьба между фракциями достигла пика своего обострения. В это время создавалась почва для цивилизованной политической борьбы. В настоящее время аятолла Хаменеи как верховный лидер страны продолжает исполнять обязанности верховного третейского судьи, при-

лагая все усилия к установлению сбалансированных взаимоотношений между силами. Конечно, нельзя исключить вероятность того, что и верховный лидер может пойти на поводу собственных политических пристрастий, оказывая поддержку и предпочтение одной фракции перед другими. Но эта вероятность скорее гипотетическая.

Попытаемся дать анализ основных фракций, определивших политическую жизнь страны в 80–90-е годы. К середине 90-х гг. сложилось четыре основных фракции. Историю их формирования можно подразделить на восемь стадий. Данный анализ прослеживает процесс формирования фракций до момента избрания М. Хатами в 1997 году.

Первая стадия, или формирование фракции «либералов»². Первой фракцией, оформившейся в Исламской Республике, была либеральная, под руководством Мехди Базаргана. Эта фракция дала жизнь первому послереволюционному правительству и продержалась у власти в течении девяти месяцев. До середины 1981 г. эта фракция действовала официально, занимая места в парламенте, впоследствии же ее деятельность стала тесно связана с организацией «моджахедин-е халк», и фракция, став активным участником гражданских конфликтов, перешла на полулегальный характер работы. К середине 1991 года, когда образовалось более свободное поле для парламентских выборов, в верховный законодательный орган на пятых парламентских выборах были проведены несколько активистов — либералов, членов партии М. Базаргана «Движение за свободу Ирана».

Вторая стадия, или оформление партии «Хезболлах». Хезболлах является одной из старейших политических сил иранского режима, пришедших к власти в результате исламской революции. Партия стремилась завладеть рычагами управления государством с целью экспорта исламской революции и обеспечения гарантий стабильности нового режима после свержения власти Пехлеви. Данная фракция стояла в оппозиции либералам.

Третья стадия связана с укреплением Хезболлах. Позиции фракции Хезболлах окрепли в результате противостояния, которое образовалось в результате союза тогдашнего президента Абульхасана Банисадра с движением Моджахедин-е Халк. Имя «Хезболлах» звучало первым среди уличных религиозных группировок, вступавших в противоборство с этими оппозиционными силами. Крыло Хезболлах и крыло Банисадра — Моджахедин-е халк вступили друг с другом в непримиримую схватку, приведшую к кровавым столкновениям. Крыло Хезболлах оказалось в числе побе-

дителей, приобретя официальный характер и упрочив свои позиции в правительстве на уровне кабинета министров.

Четвертая стадия — оформление правой и центристской фракций. В 1984 г. усилилось противостояние политических сил по экономическим и международным вопросам. В ходе этого противостояния Хезболлах под руководством Мир Хусейна Мусави удалось сохранить свое положение лидера, однако в то же время были посеяны зерна для зарождения двух новых фракций. Фракция, стоявшая в оппозиции Хезболлах по вопросам экономики, впоследствии получила наименование «правой» (в то время правые по экономическим вопросам стояли в оппозиции ко всем ветвям власти). Фракция, стоявшая в оппозиции Хезболлах по вопросам международной политики, в дальнейшем получила название прагматиков или просто центристов. Эта фракция стояла в оппозиции к некоторым радикалам в области внешней политики, считая ее стратегически проигрышной в условиях войны с Ираком. Две фракции — правых и центристов — оказались отрезанными от участия в исполнительной власти и образовали политический союз.

Пятая стадия, или укрепление центристов. К 1988 году война практически подошла к концу, и были забыты стратегические планы Ирана по выходу через Кербалу на Иерусалим. В этих условиях фракция Хезболлах, преследовавшая вышеупомянутые цели во внешней политике, выпустила власть из своих рук. Взамен получила силу фракция прагматиков, строившая свою стратегию на двух началах — возрождение экономики и взвешенный подход к внешней политике. Наиболее выдающейся личностью в этой фракции был Али Акбар Хахеми-Рафсанджани, ставший президентом страны в 1989 году. В то время третий парламент считался базой крайних сторонников Хезболлах, однако на четвертых парламентских выборах (апрель 1992 г.) крайние были выведены из парламента, освободив дорогу более умеренным движениям. Кабинет был сформирован из правых и центристов, которые были едины в своем противостоянии Хезболлах, отодвинув на второй план собственные внутренние разногласия.

Шестая стадия, или укрепление правых. Позиция правого крыла, безусловно, укрепилась на четвертых парламентских выборах. Это крыло выступило под лозунгом защиты интересов Лидера и президента в противовес более крайним течениям, с которыми оно вело борьбу. Однако по прошествии двух лет, с развитием собственных планов, эта фракция расходится с центристами, прежде всего — по экономическим вопросам, которые в свое время привели к власти союз этих двух партий. Уже в четвертом парла-

менте правые имели большинство мест, а на пятых выборах 1996 г. они снова завоевали большинство.

Седьмая стадия, или оформление левой фракции. Момент оформления левой фракции относится к 1994 году. По сути, эту фракцию можно считать преемником и продолжателем дела Хезболлах. Развитие их политических взглядов, придание им новой трактовки привели к необходимости образования новой и совершенно независимой фракции. Левое крыло было первым, вставшим в оппозицию правым и центристам, однако постепенно их позиции с центристами сблизились, и на пятых парламентских выборах (апрель 1996 г.), а также на седьмых президентских выборах (1997 г.) они выступили союзниками центристов против правых (а также против фракции Хезболлах, которая на этих выборах защищала интересы правых).

Восьмая стадия, или возвращение в большую политику либеральной фракции. С середины 1995 г., когда началась предвыборная кампания в пятый парламент, либеральная фракция постепенно вошла в большую политику. Как следствие печального опыта репрессий со стороны Хезболлах и правых, либералы были лишены возможности образования влиятельного союза на выборах. Однако их идеи оказали глубокое влияние на все организационные структуры иранского режима. В этот момент все группы, выступавшие в поддержку политических свобод, выступали под либеральными лозунгами. На президентских выборах 1997 г. это крыло открыто заявило, что будет принимать в них самое активное участие.

Для характеристики той или иной фракции необходимо прежде всего знать ответы на следующие вопросы, которые мы будем использовать в нашем последующем анализе политических фракций, действующих в Исламской Республике:

- политическая идея,
- история,
- общественно-социальная структура,
- лидеры,
- организационная структура,
- методы работы,
- внутренняя политика,
- внешняя политика,
- экономическая политика.

ФРАКЦИЯ ХЕЗБОЛЛАХ. Как мы уже отмечали, Хезболлах является одной из старейших фракций в Исламской Республике. Ее программа оформилась под влиянием радикальных идей, по-

лучивших широкое распространение после второй мировой войны. Во-первых, это были настроения в атмосфере восхищения историей ислама, и в особенности раннего шиизма. Во-вторых, это были настроения, связанные с классовой борьбой, сопротивлением империализму, и эти идеи были скорее коммунистическими, чем религиозными, хотя во фракции Хезболлах они приобрели соответствующую окраску. Тем не менее неправильно было понимать, что деятельность Хезболлах носила исключительно традиционалистский, консервативный характер. Напротив, они с удовольствием впитывали в себя все новые взгляды и подходы. Особое влияние на них оказали взгляды доктора Али Шариати — одного из ведущих идеологов исламской революции. С точки зрения борьбы с империализмом на фоне обновления религиозных взглядов, Хезболлах была самой близкой по убеждениям фракцией к Шариати. Движущей силой этой фракции были представители низших слоев населения и некоторые из числа среднего класса. Из этой же среды происходили и ее пропагандисты. С точки зрения внутренней политики, хезболлаховцы выступают резкими противниками политического диалога с оппонентами, в особенности — либерального толка. Во внешней политике их позиция — антиколониальная и антиимпериалистическая, отличающаяся также крайним радикализмом и революционностью взглядов. По этой причине они и считают представителей прагматически настроенного крыла изменниками и отступниками от религиозных идеалов. Приверженцы Хезболлах являются сторонниками экспорта исламской революции во все страны мира, выдвигая лозунг «Война до победного конца». Они выступают за возвращение оккупированных Израилем арабских земель, а также за борьбу с политикой Запада, в особенности — Соединенных Штатов. С точки зрения экономики, хотя Хезболлах и признает необходимость наличия как государственного, так и частного сектора, оказывает тем не менее поддержку государственному сектору, другими словами, целью этой фракции является достижение максимального государственного контроля над экономикой. Аналогично они выступают и против западного капитализма в лучших традициях левых, и после становления правительства Рафсанджани, они, будучи в оппозиции, тем не менее поддержали основы государственной экономической доктрины. В середине 1991 г. активисты Хезболлах принимали деятельное участие в работе организаций из числа «Общества защиты ценностей Исламской Революции» и «Ансаре Хезболлах». Утренние газеты «Сейхан» и «Джомхурийе эелами» стали считаться неофициальными органами Хезболлах (отражающими его политическую позицию).

ФРАКЦИЯ ЦЕНТРИСТОВ. Данная фракция, именуемая также «прагматиками», опирается на поддержку широких слоев интеллигенции, деятелей культуры и искусства, а также прогрессивного духовенства.

В политической сфере для фракции характерен наиболее взвешенный подход ко всем вопросам, и эта взвешенность может выступать в качестве основной ее характеристики.

В отношении внутренней политики положение фракции несколько специфично. Ее особенность состоит в том, что во многом она опирается на государственную бюрократию, представители которой также немалым числом вошли в ее состав.

В области экономики возрождение и укрепление таковой было их основным лозунгом, чем и обусловлено их деятельное участие в составлении и развитии государственных пятилетних планов. Фракция выступает за ограничение сферы государственного сектора и, напротив, укрепление и всестороннее развитие частного сектора. Во внешней политике фракция выступала за планомерное укрепление отношений с иностранными державами при условии сохранения собственного авторитета.

По мнению д-ра С. Барзина, в отношении западных стран стратегия центристов была нацелена прежде всего на страны, образовавшие тройственный союз во второй мировой войне (Германия, Италия, Япония), но с последующим выходом на другие европейские страны. В результате к 1991 году Иран в союзе с рядом европейских государств и даже с Россией сумел организовать действенное противостояние экономической блокаде со стороны Соединенных Штатов.

ФРАКЦИЯ «ПРАВЫХ». Основной идеей правых было сохранение традиционного шиитского мышления, и до 1978 года они выступали за объединение политики и религии, считая государство основным оплотом идеалов Четырнадцати Безгрешных³ и, в частности, Имама нашего времени. С приходом нового режима после исламской революции образ мышления этой фракции отошел от чисто религиозного, что было связано прежде всего с теми проблемами, которые создавал для правых новый правительственный кабинет. Постепенно правые захватывают места в парламенте (выдвигая на эти места консервативное духовенство). Идея ожидания прихода скрытого имама сама по себе не могла служить средством к достижению силы. Теперь представителями фракции также владела идея реализации собственных идей посредством захвата всех возможных политических рычагов. Они являлись строгими

приверженцами идеи построения государства по шариатскому принципу, в котором управление основывалось бы, прежде всего, на мнении факихов и богословских авторитетов.

На внутривластной арене поборники абсолютного авторитета духовенства выступали за ограничение свободы мнений в среде гражданского населения, а также не видели особой необходимости в расширении сферы политических свобод.

Правое крыло, считая традиционное религиозное мышление (доктрину) достаточным для построения государства, не видело необходимости в реформах. Они постоянно боролись с попытками обновления взглядов и введения элементов западной цивилизации. С другой стороны, традиционное искусство правые считали наиболее прочной опорой иранского общественного устройства и прилагали все усилия к ее сохранению и распространению традиционных культурных ценностей.

В сфере экономики правые выступили сторонниками традиционных рыночных отношений. Поддерживая частный сектор, они отдавали предпочтение базару и наиболее традиционным сферам, что также отражает консервативность их позиции. Вспомним, что именно «базари» (мелкие лавочки) были в числе основных союзников консервативного духовенства в противостоянии режиму Пехлеви.

Во внешней политике правые также следовали взглядам, отражающим резкое неприятие иностранной культуры, что в конечном итоге сказалось отрицательно на общественной поддержке. С другой стороны, их симпатии к рыночной экономике не могли оказать положительного влияния на установление двусторонних отношений с зарубежными государствами. Одним из наиболее примечательных их достижений являются успехи в развитии отношений с Саудовской Аравией в начале 1991 г., когда королю Фахду даже предложили посетить Иран с ответным визитом.

В составе Третьего парламента правые были в меньшинстве, однако в четвертом парламенте им удалось завоевать большинство в 130 мест. Тем не менее на пятых парламентских выборах они были вынуждены до 100 мест уступить центристам. Наиболее примечательными фигурами во фракции правых являются ходжат-оль-ислам Акбар Натег Нури, Асадулла Падамчиан, Муртаза Набави, Мохаммад Джавад Лариджани, «Организация борющаяся с духовенством» и «моталефехайе элами» (исламские союзы).

ФРАКЦИЯ ЛЕВЫХ. Оформление этой фракции относится к концу 80-х — началу 90-х годов, поэтому ее смело можно назвать самой молодой. Идеология этой фракции, отличающая ее в ряду

прочих, подразумевает строгое следование конституции и обязательное расширение сферы политических прав и свобод населения.

С точки зрения внутривнутриполитической стратегии, сами левые выделяют в ней для себя три основных направления. Во-первых, это — противостояние правым с их консерватизмом. Во-вторых, это — противостояние Хезболлах за их неофициальный союз с правыми. И, наконец, отличая себя от центристов, левые в то же время готовы пойти на сближение с ними в том, что касается расширения сферы гражданских прав и свобод, что, как следствие, послужило причиной обвинений в политическом либерализме в адрес левых, выдвинутых со стороны Хезболлах.

За десятилетний период идеология левых претерпела значительную трансформацию, особенно после президентских выборов в 1997 г. В экономической области левые в начальный период своей деятельности являлись горячими сторонниками укрепления роли государственного сектора, вплоть до полного огосударствления экономики.

Во внешней политике взгляды левых претерпели за последние 10 лет разительные перемены. В противоположность своей позиции на внутривнутриполитической арене они считали, в период своего оформления во фракции, иностранные режимы захватническими, а Америку — основным врагом Исламской Республики. Например, когда наметилось улучшение отношений с Саудовской Аравией, и министр иностранных дел Ирана посетил эту страну с официальным визитом (стали поговаривать и об ответном визите короля Фахда в Иран), фракция левых резко выступила против этого. Газета «Садам» вместе с детальным анализом ситуации поместила на первой странице фотографию нескольких десятков студентов Тегеранского университета, принявших участие в демонстрации.

Одной из основных организаций левого крыла является «Ассамблея борющегося духовенства», которая в 1989 г. приобретает официальный характер. Неофициально, органом, отражающим точку зрения левых, считается газета «Салам». В период президентских выборов 1997 г. фракция поддержала М. Хатами и его программу, которая предусматривала расширение внешнеэкономических и внешнеполитических связей, в т. ч. и с западными странами.

Хотелось бы обратить внимание на отношение к проблеме фракционизма аятоллы Хомейни. Лидер Революции в своем ответе на вопрос о данной проблеме пишет⁴: «Книги ведущих мусульманских богословов полны разногласия по вопросам государственного режима, культуры, политики, экономики и религии. Они спорят даже по тем вопросам, по которым полагалось бы иметь

единое мнение (иджма), более того, даже по тем вопросам, где единое мнение требуется однозначно, мы порой слышим слова против, например в разногласиях ахбаритов и усилитов. Ранее эти проблемы и не выходили за рамки академических исследований... Благодаря исламской революции высказывания богословов и религиозных авторитетов присутствуют сегодня в теле- и радиопередачах, на страницах газет. И совершенно очевидно, что если между индивидуумами и фракциями существует разница во взглядах, то она имеет под собой чисто политическую подоплеку, хотя порой и носит видимость богословской проблемы, и, поскольку все они едины в основах, я по этой же причине поддерживаю их всех. Они готовы к самопожертвованию во имя ислама и Корана, их сердца горячо бьются во имя страны и народа, и каждый из них ставит своей целью и имеет твердой убежденностью благо ислама и помощь мусульманам. Большинство как тех, так и других желает, чтобы их страна была независимой, и те и другие желают, чтобы в ней были благородные труженики, крестьяне, служащие, торговцы — праведные и религиозные, перед которыми открывались бы горизонты чистой и мирной жизни, и те и другие желают устранить коррупцию и воровство из структур власти, и те и другие желают, чтобы экономика Ирана стала чистой исламской экономикой, будучи примером для мирового рынка, как те, так и другие желают, чтобы в сфере науки и искусства сложилась такая обстановка, которая привлекла бы в Иран массы студентов и исследователей. И те и другие желают, чтобы ислам стал великой мировой силой. В чем же тогда, собственно, различие? А различие, собственно, в том, что и те и другие выражают собственное мнение и делают свою точку зрения доступной всем»⁵.

¹ Сейид Борзини. Политические фракции в Иране. Тегеран, 1999.

² Терминология дана по книге: Сейид Борзин. Дженах бандийе сийасийе дар Иран. Техран, 1999.

³ См. статью Арабаджяна в сб. «Ближний Восток и современность». М., 1999, № 8.

⁴ «Энтехабат ва маджлес аз негахэ эмам Хомейни». Техран, 1992.

⁵ «Сахифефе-йе Нур». Т. 21, с. 46.

О РЕАЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА В УСЛОВИЯХ НЕФТЯНЫХ ШОКОВ (ЗА ПЕРИОД 60–90-х ГОДОВ)

Важная особенность осуществления финансовой политики в Иране заключается в необходимости считаться с объемом поступлений от экспорта нефти, которые существенным образом влияют на формирование совокупного спроса и производство ВВП в стране. Поскольку финансовые средства, питающие экономический рост, черпаются из внешнего источника, то государство не в состоянии осуществлять контроль за объемами нефтяных доходов, который в полной мере учитывал бы потребности развития экономики и отвечал задачам внутренней экономической политики государства. Кроме того, непредсказуемость в поведении ценовой ситуации на мировом рынке нефти превращает инвестиционную основу воспроизводства в неопределенный фактор, когда резкие изменения в стоимостном объеме нефтяного экспорта становятся для иранской экономики настоящими шоками. Неконтролируемость и непредсказуемость притока нефтедолларов приводят к тому, что государственное регулирование на среднесрочную перспективу (в пределах пятилетних планов развития) лишается необходимой стабильности. После каждого «нефтяного шока» меры государственной экономической политики в бюджетной, кредитно-денежной и внешнеторговой областях сосредотачиваются уже либо на проблеме использования незапланированного излишка нефтедолларов, либо на том, как нейтрализовать отрицательные последствия непредвиденного дефицита валютных средств.

В зависимости от «спокойного» или «неспокойного» поведения доходов от экспорта нефти период 1963–1968¹ гг. содержит 9 от-

¹ Для удобства восприятия дат, особенно в таблицах, вместо их иранского написания через косую черту (например, 1998/99 г.) мы указываем даты в более привычном виде – одной цифрой (например, 1998 г.).

личающихся друг от друга подпериодов (см. таблицу 1). Два из них относятся к 1963–1973 гг., когда в стране после завершения программы стабилизации были относительно успешно выполнены 3-й и 4-й планы программы экономического развития. На последующем отрезке времени выделяются шоковые фазы: 1) 1974–1977 гг. как период положительного (для стран экспортеров нефти) шока, который характеризовался стремительным расширением экспортных доходов от нефти (с 4,9 млрд долл. в 1973 г. до 20,8 млрд долл. в 1977 г.), после решения стран ОПЕК увеличить цену продаваемой нефти; 2) 1980–1981 гг., когда под влиянием мирового экономического спада свертывается спрос на сырую нефть и понижаются цены на этот энергоноситель, что в Иране приводит к сокращению нефтяного экспорта до 12,5 млрд долл. в 1981 г.; 3) в 1986–1988 гг. поступления от экспорта нефти снова переживают отрицательный шок, в результате которого выручка от продажи нефти понижается с 13,8 млрд долл. в 1985 г. до 9,7 млрд в 1988 г.; 4) отрицательный нефтяной шок в 1997–1998 гг., сопровождаемый падением доходов от нефти с 19,3 млрд долл. в 1996 г. до 9,9 млрд в 1998 г. В промежутках (их 3) между указанными периодами динамика экспорта нефти характеризовалась более или менее плавными изменениями. Следует обратить внимание, что 3 из 4-х шоковых периодов пришлось на время после «исламской революции», причем все шоки были отрицательными.

По данным таблицы 1 можно заключить, что доля ВВП, присваиваемая государством через бюджетную систему, колеблется в довольно широких пределах. Так, в 1974–1977 гг. доходная часть бюджета аккумулировала 39,3%, в 1986–1988 гг. — 11%, а в 1997–1998 гг. — 21,3% ВВП. Подобные колебания, однако, не влияют на структуру бюджетных доходов в том смысле, что на протяжении 36 лет поступления от нефтяного сектора остаются преобладающим источником наполнения бюджета: в 1963–1967 гг. удельный вес нефтяных доходов составлял 48,9%, а в 1997–1998 гг. — 51,5%. Шоковые периоды изменяют относительные показатели структуры бюджета, понижая долю поступлений от экспорта нефти на стадии отрицательных шоков и повышая ее, когда шок положительный. После стабилизации темпов притока экспортных поступлений удельный вес нефтяных доходов в «спокойный» период оказывается либо ниже, либо выше, чем на предшествующей шоковой стадии. Например, по окончании периода 2-го шока (1980–1981 гг.) доля доходов от экспорта нефти в бюджетных доходах почти не изменилась по сравнению с фазой шока (61,7% и 58,1% соответственно), а после 3-го шока (1986–1988 гг.) по-

высилась с 33,4 до 64,2% в 1989–1996 гг., в последующие годы (1997–1998 гг.) снова наблюдается понижение удельного веса нефтяного экспорта в бюджетных доходах (до 51,5%). Приведенные данные в рамках принятой в Иране системы бюджетных расчетов отражают значимость нефтяных доходов без искажений. Однако надо иметь в виду, что Иран получает нефтяные доходы в долларах, а в бюджет они переводятся в риалах. Поэтому здесь важен курс, на базе которого Центральный банк Ирана зачисляет доходы от нефти на счет Казначейства. В то время как налоги поступают в Казначейство по текущим ценам, нефтедоллары пересчитываются в риалы по постоянному официальному курсу доллара (начиная с 60-х годов и до 1993 г. этот курс составлял 70 риалов за один доллар, а после 25-кратной девальвации риала в 1993 г. используется курс 1750 риалов за 1 доллар). Фиксированный курс доллара заметно преуменьшает бюджетную роль нефтяных доходов и, кроме того, подобная практика чревата экономическими осложнениями, когда после девальвации возникает проблема покрытия разницы между новым и прежним обменными курсами по валютным обязательствам страны, появившимся до момента девальвации.

В отличие от экспорта нефти налоги не обеспечивают для правительства сколь-нибудь заметного аккумулирования средств в масштабе ВВП. Через взимание налогов государство присваивало в 1963–1967 гг. 5,9% ВВП, в 1997–1998 гг. объем налогов составил 5,7%. Эти цифры свидетельствуют о крайне ограниченных возможностях правительства (лучше сказать, об отсутствии таковых) использовать налогообложение в качестве инструмента перераспределения дохода и воздействия на экономическую конъюнктуру. За исключением периода 3-го шока (1986–1988 гг.), когда из-за резкого падения нефтяных доходов налоги составили более половины бюджетных поступлений, удельный вес налогов в бюджете не превышал 34%.

Данные таблицы 1 показывают, что с конца периода первого нефтяного шока (1974–1977 гг.) тенденция бюджетных доходов и поступлений от экспорта нефти в соотношении их с ВВП до 1989 г. была понижительной. Причинами подобной динамики стали: 1) отрицательные нефтяные шоки; 2) заниженный курс «бюджетного» доллара; 3) экономические издержки «исламской революции» (с 1978 г.); 4) война с Ираком (1980–1988 гг.). Положение с получением риалового эквивалента нефтедолларов улучшилось в период 1989–1996 гг. после девальвации риала в 1993 г., однако неблагоприятная тенденция в притоке налоговых поступлений со-

хранилась до 1997 г. вследствие введенных в 1995 г. мер по ограничению импорта. В 1997—1998 гг. нефтяные доходы снова понизились, и хотя благодаря росту мировых цен на нефть процесс снижения приостановился уже в 1999 г., иранская экономика вряд ли избежит циклических последствий предшествующего падения выручки от экспорта нефти.

Расходная часть иранского бюджета (см. таблицу 2) складывается из затрат на обеспечение традиционных функций государства (административное управление, охрана правопорядка, содержание и оснащение вооруженных сил, развитие социальной инфраструктуры) и ассигнований на экономическое развитие. Затраты первого вида в бюджетной статистике называются «бюджетом текущих расходов», а второй вид затрат классифицируется как «бюджет развития». Оба бюджета имеют одинаковые статьи расхода и различаются только объемами ассигнований по соответствующим направлениям. Данные таблицы 2 показывают, что за исключением периода положительного нефтяного шока (1974—1977 гг.) бюджет исполнялся с хроническим дефицитом. Размеры дефицита имели колебания от 3,4 (1997—1997 гг.) до 44,2% (1986—1988 гг.) по отношению к расходам и от 0,8 до 12,2% по отношению к ВВП. Поскольку в расходной части бюджета доминируют расходы на текущие нужды, будет правомерным заключить, что дефицит бюджета связан прежде всего с финансированием текущего бюджета. Изменения в структуре бюджетных расходов выявляют весьма примечательную особенность бюджетного финансирования в Иране: даже в периоды отрицательных нефтяных шоков, когда расходы по отношению к ВВП падали, удельный вес текущего бюджета не только не сокращался, но даже увеличивался. Относительное снижение бюджетных расходов достигалось при этом за счет уменьшения ассигнований на развитие. Например, в период 2-го нефтяного шока (1980—1981 гг.) доля текущего бюджета в бюджетных расходах была на 4 процентных пункта выше, чем в предшествующий период, а на стадии 3-го шока (1986—1988 гг.) соответствующая разница составила 6,5 процентных пунктов (см. таблицу 2).

Если определять причины дефицита исходя из состояния доходов, следует снова упомянуть отмеченные выше факторы, которые обуславливали неблагоприятную тенденцию в бюджетных поступлениях начиная с 1978 г., если же отталкиваться от расходов, то к причинам дефицита можно отнести: 1) осознанное проведение политики дефицитного финансирования экономического роста; 2) необходимость в покрытии чрезвычайных расходов,

вызванных войной с Ираком; 3) объективные трудности в определении оптимальных направлений для расходования бюджетных средств в периоды, когда нефтяные доходы высоки; 4) просчеты в обеспечении согласованности между бюджетной, денежной и валютной политикой.

Явные признаки дефицитного финансирования безусловно присутствовали в экономическом регулировании, которое применялось в монархическом Иране. Следует отметить, что в периоды реализации 3-го (1963–1967 гг.) и 4-го (1968–1973 гг.) пятилетних планов развития страны кейнсианский рецепт заполнять денежной массой разрыв между сбережением и накоплением подтвердил себя с положительной стороны: в условиях бюджетного дефицита среднегодовые темпы прироста реального ВВП за указанные периоды составили 8,2 и 16,9% соответственно.

После падения монархии (1979 г.) и до начала ирано-иракской войны в Иране предпринимались попытки разработать модель так называемой «тоухидной экономики» («экономики божественной гармонии»), которая бы базировалась на принципах чисто исламских, не встречающихся ни в западных экономических школах, ни в моделях полного огосударствления экономики. «Тоухидная» концепция независимо от собственных достоинств и недостатков так и не была отражена в программных документах. Ирано-иракская война, длившаяся с 1980 по 1988 г., продиктовала свои законы управления экономикой, вынудив государство взять под свой полный контроль производство, транспорт, торговлю, ценообразование и ввести прямое распределение важнейших продуктов питания.

Естественно, в военные годы дефицит бюджета перестает служить критерием эффективности управления экономикой со стороны государства. Однако именно в этот период в расходовании бюджетных средств появляется закономерность, которая и сейчас характерна для бюджетной политики в Иране. В периоды высоких доходов от нефти правительство определяет объемы и направления бюджетных ассигнований без учета возможного снижения экспортных поступлений. Поскольку финансирование должно быть постоянным, выделение бюджетных средств при сокращении доходов не приостанавливается, а продолжается за счет банковских кредитов. Существование такой закономерности менее всего связано с уровнем компетентности в государственном регулировании. Причину, очевидно, следует искать в отраслевой «разреженности» иранской экономики, которая не позволяет найти для нефти замену, равносильную по своему воздействию на про-

цесс экономического развития. Ограниченный набор производственных факторов вкуче с их слабой подвижностью приводят к парадоксу, когда предпосылка дефицитности закладывается в бюджет именно в годы с благополучными финансами.

Таблица 3¹ показывает, что самая значительная часть бюджетных средств стала направляться исламским режимом на социальное развитие, включая все ступени образования, профессионально-техническую подготовку, культуру, искусство, здравоохранение и социальное обеспечение. Несмотря на перепады в поступлении доходов от нефти удельный вес расходов на социальные нужды имел устойчивую тенденцию к росту и поднялся с 29,8% в 1978–1979 гг. до 54,3% в 1997–1998 гг. В этих затратах можно усмотреть претензию режима осуществлять особый «исламский» подход к целям экономического развития, но в равной мере допустимо говорить о стремлении государства следовать мировой тенденции расширения вложений в человеческий капитал, ориентируясь на интересы долговременного экономического роста². Некоторое недоумение могут вызвать данные об оборонных расходах, которые показывают снижение относительно ВВП и бюджета в целом даже в военное время. Однако в абсолютном выражении цифры выглядят вполне достоверно: при пересчете риаловых ассигнований на оборону в доллары по «бюджетному» курсу (1 доллар равен 70 риалам) за период с марта 1980 по март 1988 г. получается сумма в 44,8 млрд долл. или 5,6 млрд долл. в год³. Финансирование экономического развития не было стабильным (см. таблицу 3) из-за колебаний в нефтяных доходах. В шахский период в отраслевой структуре бюджетных ассигнований на экономику на первом месте находились такие капиталоемкие отрасли, как транспорт и связь, водное хозяйство и энергетика (см. таблицу 4). В связи с проведением аграрной реформы заметными по своему удельному весу были также капиталовложения в сельское хозяйство. В обрабатывающую промышленность направлялось меньше средств, чем в аграрный сектор, однако в отраслевой структуре промышленности осуществлялись сдвиги, укреплявшие внутреннюю основу воспроизводства и усиливавшие межотраслевые связи. Условия военного времени вынудили исламский режим со-

¹ Статистические источники приводят данные по статьям бюджетных расходов начиная с 1971 г.

² См.: 5, с. 337; 6, с. 305.

³ Оборонные ассигнования составили (в млрд. риалов): 1980 г. — 375,0; 1981 г. — 325,8; 1982 г. — 334,5; 1983 г. — 330,1; 1984 г. — 360,1; 1985 г. — 480,2; 1986 г. — 470,2; 1987 г. — 460,7. См.: 1, с. 39.

средоточить бюджетные ассигнования на транспортной и топливно-энергетической отраслях. Судя по данным таблицы 4, восстановление и расширение потенциала этих стратегических секторов продолжали оставаться приоритетными задачами и в мирное время. Так, в 1989—1996 гг. удельный вес инфраструктурных отраслей (транспорт и связь, водное хозяйство и энергетика) составлял 40,3%, а в 1997—1998 гг. — 55,3% всех бюджетных ассигнований на экономическое развитие, что свидетельствует об отсутствии сколь-нибудь серьезных различий в отраслевой направленности экономических расходов государства в шахский и послереволюционный периоды.

Анализ структурных колебаний в доходной и расходной частях бюджета позволяет констатировать, что после 1978 г. политика стимулирования совокупного спроса была связана с бюджетным дефицитом даже в периоды, когда ситуация на мировых рынках нефти благоприятствовала притоку нефтяных доходов. Поскольку финансовый рынок в Иране находится на начальной стадии развития, государство не имеет возможности для погашения дефицита заимствовать средства у частного сектора. Тегеранская фондовая биржа, деятельность которой была возобновлена в 1990 г., не играет большой роли ни в аккумулировании сбережений, ни в мобилизации денежного капитала¹, и главным источником финансирования дефицита являются банковские кредиты. Согласно данным таблицы 4, внутренний долг начал стремительно увеличиваться сразу после 1978 г., достигнув пикового уровня в период 1986—1988 гг. (59,5% от ВВП). В 1997—1998 гг. отношение долга к ВВП снизилось до 30,5%, однако данный уровень намного превышает принятый в международной финансовой практике показатель «нормального» долга — 8—10% от ВВП.

За 10 лет развития экономики в мирных условиях структура банковской задолженности заметно изменилась в пользу государственных компаний и коммерческих организаций. Этот структурный сдвиг по времени совпал с проведением рыночной реформы в Иране, когда по решению правительства были либерализованы цены на продукцию частного сектора, а цены на продукцию и услуги государственных предприятий остались замороженными на прежнем уровне, что прежде всего касалось тарифов на воду, электроэнергию, нефтепродукты и газ. Экономический смысл фиксированных тарифов состоял в намерении активизировать деятель-

¹ Объем биржевых сделок в 1998 г. составлял 3,8% денежной массы (агрегат M1) и 0,95% от ВВП в текущих ценах. Наш расчет по данным 2, с. 511, 519, 836.

ность частного сектора, обеспечивая для него пониженные издержки производства. Одновременно преследовалась цель повысить норму сбережений за счет экономии населения на потребительских расходах. В условиях роста общего уровня цен государственные предприятия оказались вынужденными даже для возмещения текущих затрат обращаться в банки за кредитами, увеличивая тем самым задолженность госсектора перед банковской системой. Рост государственного долга вследствие давления на денежную массу и цены привел к тому, что положительный эффект от фиксированных цен в госсекторе почти полностью был нейтрализован.

Взаимодействие по цепочке «нефтяные доходы — бюджетные платежи — внутренний долг — денежная масса в обращении — цены — ВВП» прослеживается в таблице 5 достаточно отчетливо. Однако связь между названными показателями не проявляет себя. Нефтяные доходы, равно как и государственный долг, воздействуют на объем денежной массы не прямо, а через так называемую денежную базу¹, источником формирования которой служат чистые международные активы Центрального банка (золото, валюта, специальные права заимствования на счете в МВФ) и нетто-задолженность госсектора (правительство и компании) перед Центральным банком. Рост или уменьшение объема названных агрегатов непосредственно отражается в изменении количества денег, выпущенных в обращение (они влияют на денежную массу), а также в изменении резервов коммерческих банков в Центральном банке. Поскольку резервы коммерческих банков генерируют большее количество депозитных денег, чем собственный объем резервов, то денежная масса по сравнению с ростом денежной базы увеличивается в большей пропорции. При прочих равных условиях рост нефтяных доходов мог бы привести к сокращению нетто-долга правительства перед ЦБ, но, с другой стороны, улучшение торгового баланса вызывало бы прирост объема международных резервов ЦБ. В итоге на денежную базу действовали бы противоположные силы, и поэтому нефтяные доходы оста-

¹ На стадии использования денежная база складывается из количества денег в обращении и резервов (обязательных и избыточных) коммерческих банков в Центральном банке. Согласно современной теории денег, объем денежной массы мультипликативно зависит от размера денежной базы и определяется как произведение денежной массы и коэффициента мультипликации. Чем выше норма обязательных резервов и больше удельный вес денег на руках у населения в денежной массе, тем меньше величина коэффициента мультипликации. Подробнее см. 8, с. 192—195.

лись бы нейтральными по отношению к объему денежной массы. Реальная действительность представляет иную картину.

По данным таблицы 5, взрывное расширение денежной массы приходится на период первого нефтяного шока (1974–1977 гг.). На этом отрезке времени нетто-долг госсектора Центральному банку рос намного медленнее, чем поступления от экспорта нефти (коэффициент отставания равен 0,75). Соотношение между темпами роста нетто-международных активов Центрального банка и нефтяных доходов было несколько больше единицы (1,03), а расходы на импорт, наоборот, немного отставали от притока нефтяных поступлений (коэффициент отставания равен 0,96). Денежная база расширялась пропорционально росту нефтяных доходов, а объем денег в обращении (агрегат М1)¹ увеличивался в среднем на 40,5% в год. Расширение спроса, которое произошло в результате перекачки через госбюджет нефтедолларов, многократно возросших от экспорта нефти, привело одновременно к росту реального ВВП (11,4% в год) и к заметному подъему розничных цен на потребительские товары (16,7% в год). Нефтяной шок выявил, что структура иранской экономики не в состоянии сделать совокупное предложение достаточно эластичным, чтобы следовать за растущим спросом. Начавшаяся в стране инфляция по преимуществу была обусловлена именно внутренними экономическими причинами, а не ростом цен на товары зарубежного происхождения. Этот факт подтверждается тем, что в период 1974–1977 гг. оптовые цены на товары внутреннего производства росли в среднем на 14,0% в год, а прирост цен на импортированные товары составил 8,7% (см. таблицу 5).

В период с 1978 г. по 1989 г. экономическое развитие страны осуществлялось в экстраординарных условиях, вызванных борьбой против шахского режима, возникновением исламской республики и затяжными военными действиями по отражению агрессии со стороны Ирака. Воздействие этих факторов на экономику можно считать шоковым, поскольку под их влиянием существенно изменилась структура взаимодействия макропеременных в сфере производства и использования ВВП, в бюджетной и кредитно-денежной областях, не говоря уже о переходе к предельно централизованному регулированию экономики административными методами. На этом этапе дефицит бюджета становится хроническим, а в 1978–1979 гг. экономика впервые переживает стадию

¹ Денежная масса в агрегате М1 включает деньги на руках у населения и бес-срочные вклады в коммерческих банках.

стагфляции. (Для стагфляции или инфляции застоя характерным является сочетание падения производства с ростом цен на внутреннем рынке.) В Иране механизм стагфляции чаще всего запускается в периоды резкого падения нефтяных доходов, когда, с одной стороны, из-за нехватки валюты снижается импорт и ВВП, а с другой стороны, усиливается инфляционная накачка денег в экономику для покрытия бюджетного дефицита. Поэтому в 1980—1981 и 1986—1988 гг. стагфляция повторилась в уже более резкой форме: отрицательные темпы прироста реального ВВП составили соответственно 6,7 и 7,3% при одновременном росте цен на товары внутреннего производства на 27,6 и 23,9% в среднем за год в указанные периоды. Коэффициенты опережения (K1 и K2), приведенные в таблице 5, показывают, что после революции денежная база устойчиво расширялась не столько под влиянием притока нефтедолларов, сколько благодаря наращиванию внутреннего долга.

В отличие от денежно-кредитной сферы состояние внешних экономических связей страны, особенно внешней торговли, зависит от экспорта нефти напрямую. Нефть сохраняет доминирующее положение в иранском экспорте (в период 1963—1988 гг. удельный вес выручки от экспорта нефти в общей сумме экспорта колебался от 77,0 до 98,6%). В случае ухудшения внешнеторгового баланса у правительства фактически нет иного способа сокращать дефицит, кроме прямого ограничения импорта, что, конечно, возможно до известных пределов. Использование валютного курса для улучшения баланса оказывается малоэффективным, поскольку в условиях дефицита валюты спрос на нее практически не реагирует на обменный курс¹. Кроме того, жесткая привязанность валютных доходов к экспорту нефти делает предложение валюты неэластичным по отношению к валютному курсу. Иначе говоря, фактический и стоимостной объемы нефтяного экспорта не зависят от цены доллара на свободном валютном рынке Ирана.

Неэластичность предложения и спроса на валюту к обменному курсу означает, что сам уровень обменного курса является высокоэластичным к изменениям в объеме предложения и спроса. Поэтому даже незначительные колебания в этих переменных приводят к скачкообразному изменению курса доллара на свободном рынке. До революции разница между официальным и рыночным

¹ Например, в 1986 г. по сравнению с предыдущим годом нефтяные доходы сократились с 13,8 до 5,6 млрд долл., курс продажи валюты частным импортерам был повышен с 90,0 до 217,5 риалов за доллар, однако платежи по счету текущих операций составили 11,3 млрд долл. (см. 9, с. 46).

курсами доллара была незначительной. В 1977 г. цена доллара на свободном рынке была выше официального курса всего на 13,3%, однако уже в 1978 г. разница составила 126,3%. С 1985 г. правительство стало использовать систему множественных курсов, и официальный паритетный курс 70 риалов за 1 доллар был дополнен официальным рыночным курсом 200 риалов за 1 доллар. Наряду с официальным валютным рынком действовал и неофициальный (свободный) рынок, цена доллара на котором к концу военного периода (1988 г.) была в 4 раза выше официальной рыночной цены доллара и в 14 раз¹ превосходила паритетный курс. Неимоверно завышенный курс риала, стимулируя импорт, подавлял экспорт и оказывал крайне неблагоприятное воздействие на внешнеторговый баланс. В период с 1980 по 1988 г. (за исключением 1982 г. и 1984 г.) иранская внешняя торговля имела значительный дефицит, который вследствие экономической блокады и отказа исламского режима от привлечения финансовых средств из-за рубежа покрывался в основном из валютных резервов.

Переход экономики к развитию в мирных условиях потребовал от планирующих органов страны решения целого ряда сложных проблем. В их числе стояли: восстановление производства, пострадавшего в военное время, устранение или снижение дефицита госбюджета, оздоровление внешней торговли, обуздание инфляции и ослабление централизованного управления экономикой. С учетом этих задач Первый пятилетний план развития экономики (1989/90—1993/94 гг.), разработанный еще до окончания войны, в 1990 г. был дополнен программой «структурного сбалансирования», которая стала осуществляться в рамках количественных ориентиров Первого плана. Реализация новой программы началась с области валютного и внешнеторгового регулирования. В 1990 г. был введен единый конкурентный курс для продажи валюты импортерам по цене 1000 риалов за 1 доллар, импортеры получили разрешение приобретать валюту в неограниченном количестве, а экспортеры — продавать валютную выручку на свободном рынке. Цена доллара на свободном рынке почти приблизилась к конкурентному курсу, что побудило правительство понизить конкурентный курс сначала до 800 риалов, а затем до 600 риалов в надежде на такую же ответную реакцию со стороны свободного рынка. Для привлечения сбережений населения

¹ Наш расчет по данным 9, с. 46. Можно только представить, какую благоприятную почву для валютных спекуляций и злоупотреблений в использовании валюты госсектором принесла с собой система множественных курсов.

банки стали открывать срочные депозитные счета на 2,3 и 5 лет, выплачивая по ним более высокий процент, чем по сберегательным вкладам. Был ослаблен контроль за лимитированием банковских кредитов, полностью либерализована процентная ставка по кредитованию торговли и сферы услуг, отпущены цены на внутреннем рынке¹.

Однако в ходе проведения политики «структурного сбалансирования» правительству не удалось сделать главного — снизить свои расходы настолько, чтобы избавиться от бюджетного дефицита. Кроме того, правительство переоценило свои финансовые возможности в поддержании курса риала путем реализации нефтетолларов по конкурентному курсу, не прибегая к девальвации. Либерализация внешней торговли привела к скачкообразному росту импорта и усилила дефицит в балансе внешних платежей². Поскольку подавляющая часть импорта осуществлялась под краткосрочные (1–1,5 года) экспортные кредиты со стороны иностранных партнеров, резко возрос приток краткосрочных капиталов, но одновременно увеличилась краткосрочная внешняя задолженность, составлявшая к 1993 г. 17,6 млрд долл.³ Перебои с внешними платежами, начавшиеся уже в 1992 г., постепенно вылились в настоящий кризис внешней задолженности, когда Центральный банк Ирана оказался вынужден принять меры реструктуризации краткосрочного долга в средне- и долгосрочную задолженность. В мае 1993 г. была проведена девальвация риала, в результате которой официальный курс доллара, объявленный плавающим, поднялся с 70 до 1750 риалов. От девальвации ожидалось обычные последствия: стимулирование нефтяного экспорта, улучшение торгового баланса, пополнение доходной части бюджета в риаловом исчислении. Однако кризис внешней задолженности подавил все возможные положительные результаты установления для риала нового обменного курса. Выше мы упоминали проблему создания резерва, необходимого для покрытия разницы между новым и прежним курсами доллара. Практически такой резерв представляет собой валюту, которая продается импортерам по курсу 70 риалов для платежей по обязательствам, возникшим до введения плавающего курса, а в риаловом экви-

¹ См.: 10, с. 148–152.

² Величина отрицательного сальдо по счету текущих операций в 1991, 1992, 1993 гг. составила соответственно 9,45; 6,50; 4,21 млрд долл. Платежный баланс в 1991, 1992 гг. имел дефицит 2,10; 0,17 млрд долл., а в 1993 г. был сведен с положительным сальдо 230 млн долл. (см.: 2, с. 856).

³ См.: 4, с. 8.

валенте эта операция выглядит как списание курсовой разницы с резервного счета в Центральном банке. Правительство и Центральный банк не сумели верно определить требуемый объем резервного счета, который спустя непродолжительное время стал дефицитным и начал финансироваться Центральным банком как предоставление кредитов госсектору с записью долга в риалах по новому курсу. С другой стороны, поскольку до конверсии краткосрочного внешнего долга подавляющая часть нефтяных доходов шла на погашение соответствующих обязательств, обычные бюджетные платежи также покрывались за счет банковского кредитования.

Названные процессы привели к тому, что в течение последних двух лет (1992—1993 гг.) Первого плана привели к замедлению прироста реального ВВП и капиталовложений в основной капитал, усилению инфляции, поглотившей экспортный эффект от снижения обменного курса риала, росту государственного долга Центральному банку и разбуханию денежной массы в обращении. Полностью вышел из-под контроля свободный валютный рынок, цена доллара на котором в начале 1995 г. поднялась до 4530 риалов¹. Кризис внешних платежей дополнился кризисом валютного курса, питавшим рост цен непосредственно и косвенно путем нагнетания так называемых инфляционных ожиданий.

При данной ситуации правительство приходит к выводу, что вывести экономику из кризиса, сохраняя политику «структурной стабилизации», не представляется осуществимым. В 1995 г. одновременно с началом реализации Второго пятилетнего плана развития страны (1995—1999 гг.) правительство объявило о переходе к «политике стабилизации». В рамках этой политики были установлены жесткие правила по квотированной продаже валюты государственным и частным импортерам, введен «экспортный курс» доллара (3000 риалов) для покупки экспортной выручки Центральным банком и продажи ее частным импортерам, завершена конверсия краткосрочной внешней задолженности². Меры стабилизационной политики позволили сбалансировать бюджет, сбить темпы инфляции с 49,4% в 1995 г. до 23,2% в 1996 г. (оценка по индексу потребительских цен), а также восстановить внешнюю платежеспособность страны. Однако в решающей степени успех стабилизации определялся тем, что доходы от нефти в 1995—1996 гг. имели повышательную тенденцию.

¹ См.: 4, с. 8.

² В начале 1997 г. из 16,8 млрд долл. внешнего долга Ирана краткосрочная задолженность составила 4,5, а средне- и долгосрочная — 12,3 млрд долл. По сравнению с 1994 г. общая сумма внешнего долга сократилась на 26%. См.: 3, с. 8.

До сих пор в терминах шоковых изменений мы рассматривали большей частью динамику нефтяных поступлений, что вполне оправданно, поскольку доходы от экспорта обладают способностью изменяться быстро, в большой пропорции и самым неожиданным образом. Другие макроэкономические переменные, такие как бюджетные расходы, денежная масса в обращении, цены на внутреннем рынке, валютный курс, регулируются государством и в известной мере поддаются регулированию. Однако к ним также применима характеристика шокового поведения хотя бы потому, что некоторые из них в силу своей зависимости от нефтяных доходов с поразительной синхронностью повторяют или отражают приливы и отливы нефтедолларов. Макропеременные с такими свойствами создают в экономике настоящее «шоковое пространство», которое обладает сложной структурой со множеством разветвленных связей между своими элементами. В порядке первоначального подхода к рассмотрению этой структуры мы предприняли попытку представить «шоковое пространство» в виде совокупности следующих переменных (за период 1965–1998 г.): бюджетные поступления от нефти, расходы по текущему бюджету, ассигнования по бюджету развития, объем денежной массы М1 (деньги на руках у населения плюс бессрочные вклады в банках), розничные цены на потребительские товары, оптовые цены на товары внутреннего производства, оптовые цены на импортированные товары¹.

¹ Следует отметить, что показатель «темпы прироста» как количественная мера шоков используется по преимуществу для переменных с неконтролируемой динамикой. Для количественной оценки шоковых изменений у других переменных применяется методика, которая базируется на теории так называемых ожиданий (статичных, адаптивных, рациональных). Эта теория исходит из посылки, что экономические субъекты, в той или иной степени информированные об экономических мерах правительства, в процессе принятия решений стараются предвидеть влияние этих мер на формирование рыночной ситуации. Если ожидаемое и фактическое состояние рынка оказываются отличными друг от друга, то такое расхождение, с точки зрения экономических агентов, приобретает шоковый характер. Чтобы выявить «ожидания», чаще всего используют статистический метод авторегрессии, когда текущие значения переменной ставятся в зависимость от ее значений в прошлом со сдвигом назад на какое-то число интервалов. Найденные таким путем теоретические значения переменной квалифицируются как ожидаемые, а разница между фактическими и теоретическими данными служит оценкой для направленности и величины шокового изменения. В нашем случае для оценки шоков в нефтяных поступлениях в бюджет служили годовые темпы прироста этих поступлений. Шоковые изменения всех других перечисленных параметров были определены в виде разницы между фактическими и ожидаемыми темпами прироста, которые находились по авторегрессии с лагом в один год. Бюджетные доходы и расходы в текущих ценах корректировались дефлятором ВВП по расходам государства на потребление и инвестиции, а денежная масса М1 — индексом розничных цен на потребительские товары.

Данные показатели по своей экономической значимости относятся к факторам, влияние которых охватывает все основные сегменты совокупного спроса и совокупного предложения. Для характеристики степени этого влияния представляется важным установить, существует ли какая-либо иерархия во взаимодействии шоковых переменных или же они равноценны по своему участию в формировании шокового пространства.

Парные коэффициенты корреляции, приведенные в табл. 6, свидетельствуют о наличии тесной положительной связи между шоковыми изменениями всех бюджетных параметров: поступления от экспорта нефти, текущие и инвестиционные расходы государства. Естественно, текущие расходы правительства, которые, как было показано выше, не сжимаются даже когда доходы от нефти падают, связаны с притоком нефтедолларов более сильно, чем бюджет развития (корреляции равны соответственно 0,725 и 0,659). В то же время шоки, которые претерпевают розничные и оптовые цены, взаимодействуют с бюджетными переменными очень слабо (корреляция почти равна нулю). Этот факт вполне объясним, поскольку между величиной бюджетных расходов и уровнем цен не существует автоматической связи. Изменения в уровне цен сами по себе обладают сильной инерцией. Кроме того, на общий уровень цен в большой степени влияет обменный курс риала, а в иранских условиях — и государственная политика регулирования цен, которая делает процесс ценообразования не вполне рыночным. Реакция же цен на шоковые скачки денежной массы прослеживается по корреляционной матрице достаточно отчетливо. Причем величина коэффициентов связи отражает понятную с экономической точки зрения более тесную зависимость от денежной массы розничных, а не оптовых цен. Так, шоки денежной массы имеют с шоками розничных цен корреляцию — 0,536, а переменные оптовых цен показывают невысокую степень согласованности (–0,281, –0,218) с изменением количества денег в обращении, так как эти цены в первую очередь чувствительны к колебаниям курса доллара на валютном рынке. Отметим, что оптовые цены на товары внутреннего производства связаны с обменным курсом риала не прямо, а косвенным образом — через использование ввезенных из-за рубежа товаров промежуточного потребления. Обращает на себя внимание также разнонаправленная динамика в шоках денежной массы (коэффициенты корреляции между этими параметрами имеют отрицательный знак). В данном случае противоположное движение количества денег в обращении и уровня цен вполне соответствует ситуации, когда при

инфляции на руках у населения остается все меньше реальных денег (напомним, что при определении шоков денежная масса была взята в реальном исчислении).

Данные корреляционной матрицы показывают, что каждая переменная участвует в формировании «шокового пространства» с большей или меньшей нагрузкой и во взаимодействии с другими переменными. Если предположить, что «шоковое пространство» не однородно, а имеет некоторую структуру, то взаимодействие переменных, которое описывается корреляциями, в скрытой форме должно содержать информацию об общих структурных характеристиках, обуславливающих характер связей между переменными. Это предположение мы проверили с помощью метода главных компонент¹, который позволяет обнаружить присутствие непосредственно не наблюдаемых структурных связей между переменными. Результаты преобразования корреляционной матрицы методом главных компонент представлены в таблице 7.

Как видно из таблицы 7, все извлеченные главные компоненты имеют весовые коэффициенты, связывающие их с шоком каждой из переменных. Однако вклады компонент в общую вариацию шоков оказываются весьма различными. Наибольший удельный вес в дисперсии (39,5%) принадлежит первой главной компоненте (см. таблицу 8). Наиболее высокие значения коэффициентов веса связывают первую компоненту с фактором шоковых изменений цен, причем связь эта положительная. Все другие факторы (доходы от нефти, бюджетные расходы и денежная масса) имеют с первой компонентой отрицательную связь. Ситуация, когда цены растут несмотря на отсутствие бюджетной и денежной экспансии, может сложиться в условиях так называемой застойной инфляции. Поэтому первую компоненту, которая выделяется среди прочих по силе формирования шоковых воздействий, в обобщенном виде можно интерпретировать как «стагфляцию».

¹ В соответствии с методом главных компонент реальное координатное пространство переменных отображается в теоретическом координатном пространстве, оси или компоненты которого обобщают значения исходных переменных. При этом значения переменных заменяются их линейными комбинациями таким образом, чтобы получить равенство между дисперсиями (вариациями) фактических значений переменных и компонент. Каждая найденная компонента получает смысловую интерпретацию, исходя из особенностей ее корреляционных связей с переменными. Математический аппарат извлечения главных компонент в прикладной форме изложен, в частности, в работах: Дубов А.М. Обработка статистических данных методом главных компонент. Изд-во «Статистика», М., 1978; Сошникова Л.А., Тамашевич В.Н., Уебе Г., Шефер М. Многомерный статистический анализ в экономике. Изд-во «ЮНИТИ», М., 1999.

Во второй компоненте наиболее высокие коэффициенты веса соответствуют шоку нефтяных доходов и расходам по обоим бюджетам. Меньшими, но также положительными коэффициентами эта компонента связана с ценовыми и денежными факторами шоков. Исходя из весовых коэффициентов этой компоненты, ее можно назвать «инфляционная бюджетная и денежная экспансия при возрастающих доходах от нефти». Вторая компонента, которая объясняет 34,9% общей дисперсии переменных, по степени своего влияния на структуру шокового пространства практически мало отличается от первой компоненты.

Третья компонента по преимуществу связана с шоком и в денежном обращении (положительная связь), и в расходовании средств из бюджета развития (отрицательная связь). Данная компонента практически не показывает связи с нефтяными доходами и расходами по текущему бюджету, но поскольку она характеризуется противоположным взаимодействием с бюджетом развития, ее можно интерпретировать как «денежную экспансию в условиях ограничительной бюджетной политики». Известно, что сочетание денежной и бюджетной политики по типу, который описывается третьей компонентой, если и не изменяет величину совокупного спроса, то может привести к повышению в нем удельного веса инвестиций. Однако с учетом того, что на долю третьей компоненты приходится 11,4% общей дисперсии шоков или почти в три раза меньше, чем у предыдущей компоненты, влияние указанного типа регулирования на экономическую конъюнктуру вряд ли было сколь-нибудь значительным.

Наконец, четвертая компонента имеет относительно заметные связи с бюджетными шоками и менее отчетливую связь с денежным обращением. Исходя из характера взаимодействия этой компоненты с названными факторами, ее можно представить соответствующей условиям, когда осуществляется бюджетная экспансия и принимаются меры по проведению сдерживающей денежной политики. Удельный вес этой компоненты невелик и составляет всего 6%.

В целом охарактеризованные выше главные компоненты охватывают 91,8% дисперсии шоковых переменных. Третья и четвертая компоненты, весовые коэффициенты которых позволяют заметить в них след рациональной бюджетно-денежной политики, объясняют небольшую часть (17,4%) дисперсии шоковых факторов и, следовательно, слабо проявляют себя в экономической конъюнктуре. Первая и вторая компоненты совместно формируют эффект воздействия шоковой структуры на 74,4%, однако сочетание шоковых факторов в этих компонентах оказывается крайне

неблагоприятным с точки зрения динамических последствий для совокупного спроса.

Компонентный анализ показывает, что нефтяные доходы формируют «шоковое пространство» не изолированно, а в совокупности с другими переменными. Главной функциональной характеристикой структуры «шокового пространства» является ее инфляционное воздействие на экономическую конъюнктуру. Бюджетная политика в Иране продолжает оставаться своеобразной призмой, которая непосредственно «преломляет» нефтяные шоки и несет основную нагрузку в экономическом регулировании, причем выполняет эту функцию крайне неэффективно.

Статистические источники и использованная литература

- Арабаджян А.З.* Иран. Изменения в отраслевой структуре экономики в 60—70-х годах. Изд-во «Наука». М., 1983.
- М. Бехманд, М. Бахмани.* Банкдарийе дахели. Техран, 1376 (Банковское дело внутри страны. Тегеран, 1997).
- Парване К. Дехкарди.* Сиясатхайе тиадиле эктесади дар кешвархайе Корейе джануби, Гана, Ниджерийе ва Дж. Эсл. Иран (Экономическая политика сбалансирования в Южной Корее, Гане, Нигерии и ИРИ). Тегеран, 1993.
- Эрвин Дж. Долан.* Деньги, банки и денежно-кредитная политика. Перевод с англ. С.-Пб., 1994.
- Дубов А.М.* Обработка статистических данных методом главных компонент. Изд-во «Статистика». М., 1978.
- Economics Trends. Third Quarter, 1377 (1998/99). Central Bank of the Islamic Republic of Iran.
- Economic Trends. Third Quarter, 1374 (1995/96). Central Bank of the Islamic Republic of Iran.
- Iran. Statistical Yearbook, 1377 (March 1998 — March 1999). Plan and Budget Organization. Tehran, Winter — 2000.
- Маджмуэе амарийе серийе заманийе амархайе эктесади, эджтэмаи та сал-е 1375. Сазман-е барнаме ва бужде. Техран, 1376 (Статистический сборник по временным рядам экономических и социальных показателей до 1996/97 г. Планово-бюджетная организация. Тегеран, 1997).
- Масуд Нейли.* Эктесаде Иран (Экономика Ирана), Тегеран, 1997.
- Сошникова Л.А., Тамашевич В.Н., Уебе Г., Шефер М.* Многомерный статистический анализ в экономике. Изд-во «ЮНИТИ». М., 1999.
- Микаэль П. Тодаро.* Экономическое развитие. Перевод с англ., изд-во «ЮНИТИ». М., 1997.
- Юсуф Фараджи.* Пуль арз ва банкдари (Деньги, валюта и банковское дело). Тегеран, 1998.
- Gholamali Farjadi, Mohammad Lali.* The Import of Capital Goods and Intermediate Goods and Its Effects on Economic Growth in Iran. Iranian Journal of Trade Studies (IJTS). Quarterly. Vol.1, numb. 4, Autumn 1997.
- С. Фишер, Р. Дорбуш, Р. Шмалензи.* Экономика. Перевод с англ. Изд-во «Дело». М., 1999.

Таблица 1

Относительные показатели структуры доходов бюджета Ирана
(в %, в среднем за соответствующий период на базе цен 1982/83 г.)

Отношение	1963—1967	1968—1973	1974—1977 1-й нефтя- ной шок	1978—1979	1980—1981 2-й нефтя- ной шок	1982—1985	1986—1988 3-й нефтя- ной шок	1989—1996	1997—1998
Все доходы к ВВП	17,9	23,6	39,3	29,3	21,3	21	11	17,5	21,3
Доходы от экспорта нефти и газа к ВВП	8,7	13,4	31	18,7	13,1	12,2	3,7	11,2	11
Доходы от экспорта нефти и газа ко всем доходам	48,9	56,9	79	63,9	61,7	58,1	33,4	64,2	51,5
Налоги к ВВП	5,9	7,9	6,8	7	6	6,4	5,6	4,5	5,7
Налоги к ВВП без нефтяного сектора	6	9	9,4	8,7	6,7	7,7	6	4,8	6,1
Налоги ко всем доходам	33,1	33,5	17,3	24	28	30,7	50,7	25,6	26,8
Прочие доходы к ВВП	3,3	2,3	1,5	3,6	2,2	2,4	1,7	1,8	4,6
Прочие доходы к ВВП без нефтяного сектора	3,3	2,6	2	4,4	2,5	2,8	1,9	1,9	4,9
Прочие доходы ко всем доходам	18	9,6	3,7	12,1	10,3	11,2	15,9	10,2	21,7

Источник: расчет автора по данным 1, с. 4, 6, 31; 2, с. 738, 741, 836; 3, с. 2, 3, 7, 9.

Примечание. Прочие бюджетные доходы формируются из поступлений от государственных монополий и собственности, продажи государством товаров и услуг, прибыли от выдаваемых другим странам кредитов и инвестиций за рубежом.

Относительные показатели структуры расходов бюджета Ирана
(в %, в среднем за соответствующий период на базе цен 1982/83 г.)

Отношение	1963—1967	1968—1973	1974—1977 1-й нефтя- ной шок	1978—1979	1980—1981 2-й нефтя- ной шок	1982—1985	1986—1988 3-й нефтя- ной шок	1989—1996	1997—1998
Все расходы к ВВП	19,8	29,1	37,1	34,1	33,4	26,4	19,6	18,4	22,1
Текущие расходы к ВВП	12,2	18,5	23,7	24,2	25,0	19,1	15,5	12,9	14,7
Текущие расходы ко всем расходам	61,8	63,8	63,9	70,9	74,9	72,4	78,9	70,3	66,3
Расходы на развитие к ВВП	7,5	10,5	13,4	9,9	8,4	7,3	4,1	5,5	7,4
Расходы на развитие ко всем расходам	38,2	36,2	36,1	29,1	25,6	27,6	21,1	29,7	33,7
Сальдо бюджета ко всем расходам	-9,6	-18,9	5,9	-14,1	-36,4	-20,6	-44,2	-4,6	-3,4
Сальдо бюджета к ВВП	-1,9	-5,5	2,2	-4,8	-12,2	-5,4	-8,7	-0,9	-0,8

Источник: наш расчет по данным 1, с. 10, 30, 51; 2, с. 738, 741, 836; 3, с. 3, 9.

Примечание. Текущие расходы по преимуществу связаны с выполнением так называемых традиционных функций государства: административное управление, обеспечение правопорядка и обороны, развитие социальной инфраструктуры. Часть средств из текущих ассигнований используется для финансирования объектов производства.

Таблица 3

Относительные показатели бюджетных расходов Ирана по областям ассигнований
(в %, в среднем за соответствующий период на базе цен 1982/83г.)

Отношение	1971—1973	1974—1977 1-й нефтя- ной шок	1978—1979	1980—1981 2-й нефтя- ной шок	1982—1985	1986—1988 3-й нефтя- ной шок	1989—1996	1997—1998
Расходы на общественные нужды к ВВП	3,7	3,7	2,8	3,9	2,9	1,8	1,6	1,9
Расходы на общественные нужды ко всем расходам	15,4	11,1	9,7	14,1	14,5	11,9	9,8	9,8
Расходы на оборону к ВВП	6,9	11,4	7,7	4,8	2,9	2,6	1,7	2
Расходы на оборону ко всем расходам	28,7	33,8	26,2	17,5	14,5	17,4	10,3	10,8
Расходы на социальное развитие к ВВП	5,4	7,3	8,7	10,7	7,8	7,1	8,1	10,3
Расходы на социальное развитие ко всем расходам	22,6	21,8	29,8	39	39,1	46,9	48,7	54,3
Расходы на экономическое развитие к ВВП	8	11,2	10	8	6,4	3,6	5,2	4,8
Расходы на экономическое развитие ко всем расходам	33,3	33,3	34,3	29,4	31,9	23,8	31,1	25,1

Источник: расчет автора по данным 1, с. 4—7, 38—49; 2, с. 744, 745, 836.

Примечание. Расходы на общественные цели обеспечивают деятельность всех ветвей власти и включают также затраты на содержание СМИ. Ассигнования на социальное развитие выделяются по следующим направлениям: все ступени образования, включая профессионально-техническую подготовку, культура и искусство, здравоохранение, социальное обеспечение, благоустройство городских и сельских населенных пунктов, охрана окружающей среды. Структура ассигнований на экономическое развитие представлена в таблице 4.

**Относительные показатели структуры бюджетных расходов
Ирана на экономическое развитие по отраслям хозяйства**
(в %, в среднем за соответствующий период на базе цен 1982/83 г.)

Отрасль	Отношение	1971—1973	1974—1977 1-й нефтя- ной шок	1978—1979	1980—1981 2-й нефтя- ной шок	1982—1985	1986—1988 3-й нефтя- ной шок	1989—1996	1997—1998
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сельское хозяйство	расходы на отрасль к ВВП	1,6	2,0	1,4	1,0	0,8	0,6	0,7	0,5
	расходы на отрасль ко всем расходам	20,6	18,1	14,0	12,4	13,0	17,2	14,0	9,2
Водное хозяйство и электроэнергетика	расходы на отрасль к ВВП	1,6	2,8	2,9	1,8	1,4	0,6	1,0	1,3
	расходы на отрасль ко всем расходам	19,6	25,4	29,0	22,0	22,4	17,8	18,9	24,1
Обрабатывающая промышленность	расходы на отрасль к ВВП	1,2	2,0	1,7	1,2	1,0	0,6	0,3	0,1
	расходы на отрасль ко всем расходам	15,5	17,9	16,9	15,6	16,3	17,2	5,8	1,5
Нефтегазовая промышленность	расходы на отрасль к ВВП	0,8	1,3	0,3	0,9	0,8	0,6	1,0	1,6
	расходы на отрасль ко всем расходам	9,5	12,0	2,6	11,8	12,1	17,4	19,5	29,4
Добывающая промышленность	расходы на отрасль к ВВП	0,5	0,4	0,3	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1
	расходы на отрасль ко всем расходам	5,7	3,3	3,4	3,9	3,1	3,4	2,3	1,2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Развитие торговли	расходы на отрасль к ВВП	0,0	0,3	1,0	0,8	0,7	0,1	0,9	0,1
	расходы на отрасль ко всем расходам	0,3	3,0	10,0	10,2	10,9	2,4	17,2	1,6
Транспорт и связь	расходы на отрасль к ВВП	2,2	2,2	2,4	1,9	1,4	0,9	1,1	1,7
	расходы на отрасль ко всем расходам	28,1	19,7	23,7	23,9	22,1	24,5	21,4	31,2
Развитие туризма	расходы на отрасль к ВВП	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1
	расходы на отрасль ко всем расходам	0,8	0,6	0,4	0,3	0,1	0,1	1,0	1,8
Все расходы на экономическое развитие	расходы к ВВП	8,0	11,2	10,0	8,0	6,4	3,6	5,2	5,3

Источник: наш расчет по данным 1, с. 4—7, 38—49; 2, с. 748.

Примечание. Данные отношений некоторых показателей к ВВП при округлении могут содержать нули из-за разницы в порядке числителя и знаменателя.

**Некоторые показатели кредитно-денежного сектора
(среднегодовой показатель за соответствующий период)**

Показатель	1963—1967	1968—1973	1974—1977 1-й нефтя- ной шок	1978—1979	1980—1981 2-й нефтя- ной шок	1982—1985	1986—1988 3-й нефтя- ной шок	1989—1996	1997—1998
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Отношение суммы гос.долга к ВВП (%)	10,6	18,2	18,9	30,9	52,3	49,4	59,5	36,4	30,5
в том числе:									
долг правительства (%)	9,2	15,9	10,5	20,7	43,8	44,3	54,8	29,3	17,9
долг гос.компаний (%)	1,4	2,3	8,4	10,2	8,5	5,1	4,7	7,1	12,6
Темп прироста денежной массы (M2) (%)	16,0	23,7	42,0	30,1	21,4	14,5	20,3	28,5	21,0
Коэффициент опережения (отставания) K1 ¹	0,87	1,03	1,03	1,28	1,06	0,85	1,15	0,92	0,40
Коэффициент опережения (отставания) K2 ²	1,07	0,83	0,75	2,62	1,94	1,17	1,44	0,73	1,16
Коэффициент опережения (отставания) K3 ³	1,06	0,92	0,96	0,89	1,26	0,95	1,30	0,88	0,95

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Темп прироста розничных цен (%)	1,6	4,8	16,7	10,4	23,3	12,8	26,8	24,8	18,6
Темп прироста цен на товары внутр. пр-ства (%)	1,2	4,9	14,0	15,3	27,6	9,6	23,9	30,5	14,3
Темп прироста цен на импортные товары (%)	1,1	5,5	8,7	12,9	15,8	6,7	29,0	34,3	7,0
Темп прироста реального ВВП (% , цены 1982/83 г.)	8,2	16,9	11,4	-2,9	-6,7	6,1	-7,3	6,0	2,5

Источник: расчет автора по данным 1, с.17—28; 2, с. 502, 511, 837.

Примечание. ¹ Коэффициент опережения (отставания) «К1» показывает отношение средних темпов роста нетто-валютных активов Центрального банка к средним темпам роста поступлений от нефти в госбюджет.

² Коэффициент опережения (отставания) «К2» показывает отношение средних темпов роста нетто-долга правительства перед Центральным банком к средним темпам роста поступлений от нефти в госбюджет.

³ Коэффициент опережения (отставания) «К3» показывает отношение средних темпов роста импорта к средним темпам роста поступлений от нефти в госбюджет.

Матрица парных коэффициентов корреляции

	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7
X1	1	0,725	0,659	0,381	-0,061	0,076	0,028
X2		1	0,524	0,437	0,035	0,135	0,040
X3			1	0,195	0,033	-0,042	0,000
X4				1	-0,536	-0,282	-0,218
X5					1	0,808	0,654
X6						1	0,799
X7							1

Источник: расчет автора по данным источников, указанных для таблиц 1–5.

Примечание. X1 — темп прироста поступлений в бюджет от экспорта нефти;
 X2 — шок темпов прироста расходов по текущему бюджету;
 X3 — шок темпов прироста расходов по бюджету развития;
 X4 — шок темпов прироста денежной массы в обращении (агрегат M1);
 X5 — шок темпов прироста розничных цен на потребительские товары;
 X6 — шок темпов прироста цен на товары внутреннего производства;
 X7 — шок темпов прироста цен на импортные товары.

Весовые коэффициенты шоковых факторов для главных компонент

	Компо- нента P1	Компо- нента P2	Компо- нента P3	Компо- нента P4	Компо- нента P5	Компо- нента P6	Компо- нента P7
Темп прироста поступлений в бюджет от экспорта нефти	-0,380	0,826	-0,090	0,038	0,373	-0,137	-0,078
Шок темпов прироста расходов по текущему бюджету	-0,322	0,819	0,105	0,382	-0,123	0,229	0,025
Шок темпов прироста расходов по бюджету развития	-0,316	0,707	-0,495	-0,338	-0,191	-0,003	0,070
Шок темпов прироста денежной массы в обращении (агрегат M1)	-0,679	0,278	0,612	-0,162	-0,187	-0,150	-0,053
Шок темпов прироста розничных цен на потребительские товары	0,856	0,348	-0,161	0,145	-0,208	-0,147	-0,183
Шок темпов прироста цен на товары внутреннего производства	0,808	0,469	0,224	0,056	0,022	-0,161	0,216
Шок темпов прироста цен на импортированные товары	0,754	0,414	0,286	-0,330	0,100	0,233	-0,070

Источник: расчет автора по данным источников, указанных для таблиц 1—5.

Примечание. Данные таблицы представляют собой коэффициенты частной корреляции, которые характеризуют силу связи каждого из шоковых факторов с соответствующей компонентой. Пределы изменения коэффициента: от -1 до +1.

Вклады главных компонент в общую дисперсию шоковых переменных

	Компо- нента P1	Компо- нента P2	Компо- нента P3	Компо- нента P4	Компо- нента P5	Компо- нента P6	Компо- нента P7	Общая дисперсия
Вклад компоненты в дисперсию (в единицах)	2,76	2,44	8,00	4,21	2,80	2,00	1,00	7,00
Доля вклада компоненты в общую дисперсию (%)	39,5	34,9	11,4	6,0	4,0	2,8	1,4	100,0
Суммарная доля вклада компонент в общую дисперсию (%)	39,5	74,4	85,8	91,8	95,8	98,6	100,0	

Источник: расчет автора по данным источников, указанных для таблиц 1–5.

Примечание. По критерию Бартлетта главные компоненты статистически значимы на уровне 0,05%.

ПРЕЗИДЕНТ М. ХАТАМИ И ЕГО КОНЦЕПЦИИ «ИСЛАМСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА» И «ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Седьмые президентские выборы были, пожалуй, самыми конкурентными в истории президентских выборов в Иране (с момента первых выборов в январе 1980 г.). В условиях неучастия в выборах Хашеми Рафсанджани и других влиятельнейших в период революции и при имаме Хомейни людей, явного раскола некогда единых сил «Хезболла» и «Линии имама», отсутствия единства в главной организации правящих религиозных деятелей — *Джаме-е Руханият-е Мобарез* (Ассоциации борющегося духовенства) предсказать исход выборов было непросто, «впервые с первых выборов 18 лет назад это практически невозможно»¹.

Состоявшиеся 23 мая 1997 г. (2 хордада 1376 г. по иранскому календарю) президентские выборы выделялись избирательной активностью, накалом предвыборной борьбы, а их исход определил во многом содержание внутривнутриполитической жизни и внешнеполитического курса одного из крупнейших государств региона и мусульманского мира на несколько ближайших лет.

В системе органов государственной власти ИРИ пост президента занимает своеобразное положение. С одной стороны, именно он исполняет функции главы государства и главы исполнительно-распорядительной вертикали, а с другой — многие функции главы государства (причем важнейшие) принадлежат стоящему выше по иерархии *рахбару* (лидеру, руководителю) — религиозно-политическому главе государства (с июня 1989 г., после смерти имама Хомейни, пост *рахбара* занял аятолла А. Хаменеи)².

Тем не менее, особенно после конституционной реформы 1989 г., президент имеет достаточно властных полномочий³, плюс

к этому еще и огромный авторитет всенародного избрания. Со времени исламской революции народное волеизъявление стало рассматриваться как основной источник легитимности, в то время как ранее в Иране было известно только два источника — «тюрбан и корона», т. е. религиозный или монархический авторитет⁴.

Условия ведения предварительной кампании для М. Хатами были достаточно сложными в отличие от Натек-Нури⁵. Тем не менее 23 мая 1997 г. (2 Хордада по иранскому календарю) с большим перевесом (71,5 % против 24%) победил М. Хатами. Выборы прошли при высоком уровне избирательной активности населения — 88,11%, самый высокий показатель после референдума по установлению формы правления 1 апреля 1979 г., на прошлых президентских выборах показатель был, например, 52,53%⁶.

Хатами получил поддержку в городах с населением свыше 100 тыс. человек, в университетских центрах, среди женщин и молодежи, представителей городского среднего класса (в европейском смысле этого слова), а также и религиозных меньшинств, в т. ч. суннитов (ок. 10% населения). Натек-Нури получил поддержку в основном в сельской местности и среди старшего поколения⁷.

Сеид Мохаммад Хатами-Ардакани родился в 1943 г. в Ардакани, провинция Йезд. Его отец был настоятелем мечети г. Йезд. Получил религиозное и светское образование (Исфаханский университет). Активно участвовал в антишахской борьбе, был близок к сыну Хомейни Ахмаду. Перед революцией был назначен руководить Исламским центром в Гамбурге (единственная шиитская мечеть в Европе) по рекомендации прежнего руководителя, аятолы М. Бехешти⁸. Владеет английским, немецким и арабским языками. После революции был депутатом парламента, министром культуры и исламской ориентации, главой Штаба пропаганды войны (ирано-иракской), после отставки в 1992 г. был советником Рафсанджани по культуре и главой национальной библиотеки⁹. Брат Хатами, Мохаммад-Реза, женат на внучке имама Хомейни¹⁰.

Хатами и его сторонники правильно сделали ставку на стремление общества к переменам, особенно в общественно-культурной сфере. Хатами ясно дал понять во время избирательной кампании, что он сторонник большей открытости и плюрализма в этой сфере. В своей предвыборной агитации Хатами призывал к политическому развитию, построению правового общества, в котором могли бы функционировать различные партии и группы и имелись бы сильные гражданские институты¹¹. Он выступал за критическое осмысление опыта Запада, призывал изучать его и воспринимать¹². Более того, он говорил о возможном пересмотре «мно-

гих культурных традиций и обычаев» и называл опасными любые попытки ограничить доступ общества к источникам информации¹³.

Вместе с тем М. Хатами постоянно подчеркивал, что он человек системы, что он целиком и полностью поддерживает принцип «*Велаят-е факих*» и другие базисные ценности исламского режима и имеет «фундаментальные идеологические и политические различия» с теми, кто «не в системе»¹⁴.

Президентский срок в Иране начинается со дня опубликования указа Рахбара, одобряющего избрание президента. Такой указ 2 августа 1997 г. последовал и в отношении Хатами. В своем послании аятолла Хаменеи, в частности, говорил, что одобрение лидера действует до тех пор, пока президент следует божественным законам ислама для защиты обездоленных против сил притеснения и высокомерия. В нем же лидер подчеркнул, что исламский строй не является капиталистическим¹⁵. На церемонии принятия присяги перед меджлисом Хатами, в частности, сказал: «С бедностью будет покончено, когда страна будет иметь сильную экономику... То, что нам нужно, это сбалансированное, постоянное, широкомасштабное развитие в политической, культурной, экономической и научной областях»¹⁶.

Меджлис 20 августа одобрил все предложенные Хатами кандидатуры министров после 17 часов обсуждения. Кандидатуры наиболее активных реформистов — министра внутренних дел А. Нури и министра культуры и исламской ориентации А. Мохаджерани были утверждены с минимальным перевесом¹⁷. Мохаджерани и Нури тем же составом Меджлиса позднее были подвергнуты импичменту и лишились своих постов.

Политика правительства Хатами в области экономики в целом продолжает линию президента Хашеми Рафсанджани. Сам Рафсанджани говорил, что «цели и планы правительства Хатами не отличаются намного от [целей и планов] моего правительства. Идеи Хатами не намного отличаются от моих»¹⁸. Существуют точки зрения, будто Хашеми-Рафсанджани «стоит» за президентом Хатами и он является не совсем самостоятельной фигурой. Думается, что это не так. Получивший существенную поддержку на выборах и опирающийся на широкий спектр политических сил, Хатами является достаточно самостоятельной фигурой.

После 23 мая 1997 г. политическая жизнь в Иране стала протекать вокруг отношения к политике правительства Хатами. Весь спектр политических сил разделился на сторонников президента, так называемых реформистов — впоследствии «**Коалиция 2 Хордада (23 мая)**» и его противников, так называемых консерваторов.

Если Хашеми-Рафсанджани реформировал экономику, то М. Хатами стремится реформировать общество в целом, и даже более того — мусульманскую цивилизацию. Отсюда две идеологические концепции, предложенные им, — идея «исламского гражданского общества» и «диалога цивилизаций».

В наиболее концентрированном виде первая концепция изложена в заявлении, сделанном с трибуны восьмой сессии организацией Исламская Конференция в декабре 1997 г.

Согласно Хатами, исламская *умма* так и не сумела «с толком воспользоваться достижениями современности», общество страдает от «язв современности», которые есть порождения вековой пассивности мусульманского общества, не сумевшего противопоставить ничего западной цивилизации, которая была «естественным для своей поры ответом на вопросы западного человека». Это произошло потому, что мусульмане «по ряду причин перестали задаваться вопросами». Но праздность и отсталость не являются фатальным исходом для ислама¹⁹.

Чтобы преодолеть их, необходимо осознать свою историческую самобытность, с другой стороны, понять роль культуры и цивилизации Запада. Прошлое необходимо осознать не для того, чтобы туда вернуться, а чтобы обрести опору для «прыжка в блистательное будущее», перед которым померкнет и прошлое, и настоящее, который возможен, «если у нас достанет способности и умения воспользоваться научными, техническими и социальными (выделено мной. — М. В.) достижениями западной цивилизации»²⁰.

Для этого необходимо «сосредоточить силы на построении исламского гражданского общества». Это гражданское общество радикально отличается от западного, восходящего к древнегреческой философской и римской политической традициям, но оно и не отказывается от «полезных достижений западного гражданского общества»²¹.

Как западное гражданское общество восходит к Риму, так и исламское гражданское общество восходит к *Мадинат ан-Наби* (Медине времен пророка) и основано на ценностях ислама²².

В нем будут исключены все виды тирании и притеснений, защита гражданских прав является основной обязанностью правительства, которое подчиняется гражданам, это миролюбивое и толерантное общество²³. Первой такое общество начала строить ИРИ после Исламской революции. Это строительство встречает много трудностей: с одной стороны — местные обычаи и настроения, «отмеченные духом отсталой ограниченности», с другой — иностранный нажим и «заговорщики»²⁴.

Думается, что идеи Хатами восходят к теории А. Шариати о возврате к себе и повторении пути европейской реформации²⁵.

Широкий резонанс, в т. ч. и за рубежом, получила другая идея, предложенная президентом Хатами, — «Диалога между цивилизациями». Еще в своей инаугурационной речи Хатами сказал: «Диалог между цивилизациями — необходимое условие существования в современном мире»²⁶. Позднее он не раз еще высказывал эти соображения с разных трибун: и на сессии ОИК, и на специальных конференциях и семинарах, и на Генеральной Ассамблее ООН²⁶. По его инициативе 2001 г. объявлен ООН годом диалога цивилизаций. Основными положениями концепции являются следующие: уважение и равенство всех людей, не взирая на принадлежность к большим или малым нациям; принятие культурного разнообразия как перманентно присущей черты человечества; взаимоуважение к ценностям и взглядам, принятым в других культурах; отказ от попыток культурного доминирования; поиск общих путей преодоления глобальных проблем; уважение норм международного права и отказ от конфронтации и др.²⁸ Термин «диалог цивилизаций» можно считать удачным ответом на вынашиваемые С. Хантингтоном и иными футурологами идеи «столкновения цивилизаций»²⁹.

Социально-политическая либерализация в современном Иране налицо. Уровень открытости и демократизма намного выше, чем в 1980-е гг. и тем более чем при шахском режиме. Хотя международные организации продолжают отмечать многочисленные нарушения прав человека, особенно в отношении непризнанных режимов партий и организаций, непризнанных религиозных меньшинств (бехайты и др.), нарушителей исламских норм морали и т. п.³⁰, отмечается, что не все в порядке в Иране со свободой слова, хотя фактически признается ее наличие³¹. Но тональность современных оценок намного спокойнее оценок 80-х гг.³²

Одним из проявлений этой открытости и зримым примером движения в сторону гражданского общества стало возникновение множества политических партий и групп. В истории Ирана бывали моменты бурного расцвета партийной жизни: в период Конституционной революции 1905–1911 гг., во время союзнической оккупации в 1940-е гг. и после Исламской революции, когда возникло множество различных партий и групп, вплоть до «Союза борьбы за освобождение рабочего класса юго-западного Тегерана»³³. Такое же многообразие партий и сейчас: в 1999 г. в Иране создали даже Детскую Партию Ирана³⁴.

Деятельность политических партий регулируется тем же законом, что и деятельность профсоюзов и иных профессиональных, а также прочих общественных объединений, религиозных ассоциаций, исламских и признанных религиозных меньшинств³⁵. Партии свободны в своей деятельности, если они не преследуют цели нанести ущерб независимости страны, не нарушают исламские нормы, не выступают против основ исламской республики, не имеют контактов с иностранными организациями и т. п.³⁶ В создании партий запрещено участвовать функционерам шахского режима и масонам³⁷.

На январь 2000 г. в Иране было зарегистрировано 103 политические партии и группы, из них 64 созданы в поддержку президента Хатами. Но число влиятельных партий и групп невелико, около десятка, крупнейшие из них³⁸:

— *Джаме-е Руханият-е Мобарез (Militant Clergy Association)* — Ассоциация (или Организация) **борющегося духовенства**. Старейшая из религиозных групп. Существует с дореволюционных времен. Генеральный секретарь ДжРМ — М.Р. Махдави-Кяни, премьер-министр в начале 80-х. Членами ДжРМ являются многие влиятельные представители духовенства, в т. ч. А. А. Натек-Нури, А. Рафсанджани, М. Язди (бывший глава судебной власти), К. Дорри-Неджефабади (б. министр безопасности и информации) и др. ДжРМ не является партией и не получала официального разрешения на свою деятельность (до 2001 г.). Она пытается вести себя как надпартийная организация всего духовенства. Является основной правой консервативной организацией, к ней примыкают идеологически близкие т. н. «совместно-действующие группы». Не имеет своей газеты, но ее мнения отражает газета «Ресалат»³⁹.

— *«Совместнодействующие группы» (Concurrent groups) Джамият-е Моталефе-е Ислами (Islamic Coalition Society)* — **Общество исламской коалиции** — крупнейшая из них. Возникла еще до революции, затем была частью ПИР. Является практически единственной в Иране партией в строгом смысле слова: с партийной дисциплиной и т. п. Генеральный секретарь партии — Х. Асгароулади, ОИК издает газету «Шома»⁴⁰.

— *Джаме-е Анджоманха-йе Эсламийе Базар ва Аснаф (Общество исламских ассоциаций базара и синфов), Джаме-е Эслами Мохандесин (Исламское общество инженеров), Джаме-е Зайнаб (Общество Зейнаб, женское)* — относятся к «совместно-действующим группам».

— *Маджма-е Руханиюн-е Мобарез (Militant Clerics League)* Ассамблея борющегося духовенства (МРМ) — левая радикальная орга-

низация. Образована с разрешения Хомейни в 1988 г. путем отделения от ДжРМ, первоначально как Организация Борющегося духовенства Тегерана. В 1992 г. временно приостановила свою деятельность, в 1996 г. возобновила. Ее членами являются М. Хатами, М. Карруби (б. спикер), М. Мусави-Хоэниха, (б. Генпрокурор), руководитель исламских студентов, захвативших в ноябре 1979 г. посольство США, главный редактор газеты «Садам», А. Мусави-Лари (министр внутренних дел) и др. Генеральный секретарь — М. Карруби⁴¹.

— *Джебхе-е Мошарекат-е Иран-е Эслами (Islamic Iran Partnership Front, IIPF)*. **Фронт участия исламского Ирана**. Образован в 1998 г. Выиграл выборы в городской совет Тегерана и др. Поддерживает Хатами. Издает газету «Мошарекат».

— *Хезб-е Каргозаран-е Сазанбеге Иран (Executives of Construction Party)* — название можно перевести как «**Вершители созидания**». Данную группу можно назвать центристской. Объединяет ближайших сторонников Хашеми-Рафсанджани. В числе членов — А. Мохаджерани, М. Хашеми, Ф. Хашеми (дочь Рафсанджани), М. Нурбахш (глава ЦБ) и другие⁴².

— *Зазман-е Моджахедин-е Ангелаб-е Ислами (Организация Моджахедов исламской революции, ЭМИР)*. Возникла вскоре после революции. Вместе с МРМ и рядом других групп составляет так называемую «Ассоциацию линии имама». Активно поддерживает Хатами. Генеральный секретарь — М. Саламати, замминистра по кооперативам. Издает журнал «Асп-е Маа»⁴³.

— *Хезб-е Хамбастеге-е Иран-е Ислами (Islamic Iran Solidarity Party, IISP)*, **Партия Солидарности Исламского Ирана**. Возникла после 1997 г. Поддерживает М. Хатами.

— Продолжает функционировать либеральное «**Движение за свободу Ирана**» (*Хезат-е Азади-е Иран, Liberation Movement of Iran, ДСИ*), основанное в 1963 г. После смерти М. Базаргана, основателя движения и главы первого революционного правительства (1979 г.), в 1994 г. ДСИ не была перерегистрирована Комиссией статьи 10, призванной контролировать деятельность партий и выдачу им лицензии⁴⁴, но фактически продолжила существование. Является оппозиционной режиму группой, но признает Конституцию ИРИ и поддерживает политику Хатами.

Классификация этих групп может быть весьма условной. По отношению к курсу Хатами в вышеприведенном списке все перечисленные выше МРМ являются консервативными, а ниже, начиная с МРМ, — реформистами, в основном объединившимися во «Фронт 2 Хордада» на выборах в 6 меджлис (февраль 2000). В самом Иране

аналитики Организации Моджахедов исламской революции предложили четырехзвенную классификацию: **традиционные правые, традиционные левые, современные правые, современные левые**³⁵. Например, ДжРМ и ее союзники по такой классификации — традиционные правые, а, например, *Каргозаран-е Сазандеги* — современные правые.

Тем не менее до современной партийной системы Ирану еще очень далеко. Приведем суждения А. А. Хашеми-Рафсанджани по этому поводу, сделанные в январе 2000 г.: «сейчас есть фракции (группировки) вместо партий. Сейчас у нас нет последовательной партии с ее Уставом, но есть очень маленькая партия, оказывающая маленькое влияние. Течения и фракции очень влиятельны сейчас. Эти люди не несут ответственности, как партия, у них нет партийной связанности (дисциплины). У них нет даже своей программы. Они провозглашают различные лозунги, обращенные к сиюминутным нуждам. Некоторое время назад они использовали любую возможность, чтобы дискредитировать Америку. Сейчас они приветствуют Америку. И наоборот также... Сейчас, мы видим, те же течения, которые были против торговли в частном секторе, говорят: “отдайте все в этот сектор”, а их прежние противники говорят совсем наоборот. Все, что мы видим, — это различные группы,двигающиеся взад-вперед между различными позициями... Фракции должны быть трансформированы в партии на основе их идей и проектов. Практика объединения друзей, знакомых и политических союзников неприемлема, особенно когда они все различаются один от другого по их экономическим, политическим, моральным и философским установкам»⁴⁶. Представляется, что свое политическое будущее Рафсанджани связывает с созданием «нормальной» влиятельной партии.

Выборы в 6 Меджлис в феврале 2000 г. проходили в условиях острой борьбы консерваторов и Фронта 2 Хордада. Реформисты одержали убедительную победу уже в первом туре выборов⁴⁷. Рафсанджани, которому прочили пост спикера, с трудом прошел в первом туре⁴⁸.

Во втором туре, состоявшемся в мае 2000 г., большую часть из 65 вакантных мест также заняли реформисты. Спикером стал генсек МРМ Мехди Карруби, уже занимавший эту должность в 1989—1992 гг.

Будущее покажет прочность иранской демократии. Оно же покажет, сбудутся ли надежды на построение «исламского гражданского общества» в Исламской Республике.

- ¹ A Historical Review of the Presidential Election in Iran // *Farhang va Andisheh Institute, April 1997* (*).
- * — этим знаком (звездочка) здесь и далее отмечены ссылки на английские переводы материалов персоязычных публикаций, опубликованные в Интернет [www.netiran.com/clippings.html раздел Politics/domestic]. Выходные данные исходных публикаций даны курсивом, в английской транскрипции. Цифры в скобках означают номер абзаца с начала текста.
- ² К его компетенции отнесены, в частности, вопросы выработки «общей политики» ИРИ, обороны и безопасности, решение споров между тремя ветвями власти, назначение главы судебной власти, руководителя национальной телерадиовещательной компании, «преодоление проблем государства, которые не могут быть решены обычным путем» и др.
- ³ См.: *Конституция ИРИ*, ст. 113–142.
- ⁴ См.: (W. Milward) Religion and the Dilemmas of Power in Iran // *Canadian Security Intelligence Service (CSIS) publication, commentary № 20, Ottawa, April 1992*, p. 16–17.
- ⁵ *The Iranian Election: Five views* // The Washington Report on Middle East Affairs, Aug./Sept., 1997, p. 10–13.
- ⁶ Statistical Review of Election in Iran (1979–1997) // *Resalat* (Daily), 29.05.1997, p. 13 (*).
- ⁷ *The Iranian Election: Five views* // The Washington Report on Middle East Affairs. Aug./Sept., 1997, p. 10–13.
- ⁸ Аятолла Мохаммад Бехешти — один из лидеров Исламской революции, основателей ДжРМ (см.: Hiro, Dilip, *Iran under the Ayatollahs*, — L. And N.Y., Routledge & Kegan Paul, 1987, p. 158) и Партии Исламской Республики, до своей гибели в 1981 г. фактически второй после имама Хомейни человек в Иране.
- ⁹ См. официальную биографию Хатами: Biography of President // www.gov.ir.
- ¹⁰ *The Iranian Election: Five views*, p. 69.
- ¹¹ Khatami: The condition of achieving political development is for the various groups and parties in the society to take shape // *Khatami's elections headquarters*, Wednesday, April 23, 1997 (*).
- ¹² Khatami: We Must recognize the West // *Salaam*. Tuesday, 6.05.1997(*).
- ¹³ Khatami: Our cultural habits can be revised, *Hamshahri*, 29.04.1997 (*).
- ¹⁴ Khatami: I have fundamental differences with those who are not in the system // *Kar-o Kargar*. May 7, 1997 (*).
- ¹⁵ Leader Confirms Khatami's Presidency // *Resalat* (Daily), 3.08.1997 (*).
- ¹⁶ Речь Президента Мохаммеда Хатами во время церемонии принятия присяги перед Меджлисом. 5 августа 1997 г. // Иран: эволюция исламского правления. — М., ИВ РАН, 1998, с. 183.
- ¹⁷ *Tehran Times*, 21.08.1997.

- ¹⁸ May 23 is an evolutionary trend; it must be guarded (interview with Ayatollah Hashemi-Rafsanjani) // *Hamshahri* 9 u 10.01.2000, p. 14, 15; 4, 15 [*] (3).
- ¹⁹ Заявление Сеида Мохаммада Хатами, президента Исламской Республики Иран, председателя восьмой сессии организации «Исламская Конференция», Тегеран, 9 декабря 1997 г. // Ансари, Хамид, Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины. — М., Паляя, 1999, с. 330–332.
- ²⁰ Там же, с. 333–335.
- ²¹ Там же, с. 335–336.
- ²² Там же, с. 336–337 и далее.
- ²³ Там же, с. 337–340.
- ²⁴ Там же, с. 342.
- ²⁵ Shariati A. Man and Islam... p. 104–106.
- ²⁶ «Иран: эволюция исламского правления». — М., ИВ РАН, 1998, с. 185.
- ²⁷ <http://www.un.int/iran/dialog01.html>: Full text of President Khatami's speech at the United Nations General Assembly // <http://www.gov.ir/year2001/khatamiun.htm>: Tehran Declaration on Dialogue Among Civilizations, Adopted by Islamic Symposium on Dialogue among Civilization Tehran 3–5 May 1999 // www.un.int/iran/dialog02.html
- ²⁸ *Tehran Declaration on Dialogue Among Civilizations*.
- ²⁹ Мамедова Н. М. Пребывание у власти Мохаммеда Хатами как отражение эволюции исламского режима. // Иран: эволюция исламского правления. — М., ИВ РАН, 1998, с. 16, см. также с. 6.
- ³⁰ *Background Paper on Refugees and Asylum Seekers from Iran*. — Geneva, Center for documentation and research UN HCR, sept. 1998, p. 18–29; *AI REPORT 1999: IRAN* (<http://www.aTnnesty.org/ailib/aireport/ar99/nide13.htm>): *Iran: Human Rights Developments* (<http://www.hrw.org/hrw/worldreport99/niideast/iran.html>)
- ³¹ См.: «As fragile as a crystal glass». *Press Freedom in Iran*. — Human Rights Watch, Oct. 1999.
- ³² Сравните: *Iranian Violations of Human Rights*. Documents sent by Amnesty International to Government of the IRI. — L., AI Publications, 1987.
- ³³ Крутихин М. Причины разрозненности левых сил Ирана. // Специальный бюллетень. ИВ АН СССР (СПб), № 2, 1985, с. 95.
- ³⁴ *Iran News*, 13.03.99.
- ³⁵ *Parties Law and its Relevant Executive Regulations* // [www.Netiran.com\[laws\]](http://www.Netiran.com[laws])
- ³⁶ *Parties Law*, art. 16 // [www.Netiran.com\[laws\]](http://www.Netiran.com[laws])
- ³⁷ *ibid*, art. 7.
- ³⁸ Здесь и далее, если не оговорено иначе, данные: *Parties in Iran* // Netiran Office, Feb. 2000 (www.netiran.com); персидские и английские названия приводятся по этому же источнику. При переводе на русский и вообще европейские языки персидских названий возникают разночтения.

- ³⁹ The Militant Clergy Association (MCA) And The Concurrent Groups // *Salaam (Morning Daily)*, Tuesday, May 13, 1997 (*).
- ⁴⁰ Подробнее см.: A Glance At Jamiat Motalefeh Eslami (Islamic Coalition Society) // *Andisheh Jameah [Thought of Society], Social & Cultural Magazine (Monthly)*, Autumn, 1999, № 5 (*).
- ⁴¹ Подробнее см.: The History of Formation, Performance and Viewpoints of Tehran Militant Clerics League (TMCL) // *Salaam (Morning Daily)*. Saturday & Sunday May 10 & 11, 1997 (*).
- ⁴² Подробнее см.: The Executives of Construction Group // *Salaam (Morning Daily)* Sunday, May 18, 1997 (*).
- ⁴³ Подробнее см.: The History and Outlooks of the Islamic Revolution Mujahideen Organization (IRMO) // *Salaam (Morning Daily)*, Sunday, May 4, 1997 (*).
- ⁴⁴ Liberation Movement's Activities Illegal // *Tehran Times*, 28.10.1995; согласно закону, для выдачи лицензий на функционирование партиям и группам и контроля за их деятельностью создается комиссия при МВД из представителей судебной власти, генпрокуратуры и Меджлиса (Комиссия статьи 10) см. *Parties Law and Its Relevant Executive Regulations* // www.NetIran.com/laws.html, art. 10.
- ⁴⁵ The History and Outlooks of The Islamic Revolution Mujahideen Organization (IRMO) // *Salaam (Morning Daily)*, Sunday, May 4, 1997 (*), (9).
- ⁴⁶ May 23 Is an Evolutionary Trend; It Must be Guarded (Interview With Ayatollah Hashemi Rafsanjani) // *Hamshahri*, 9.10.01.2000 (*), (10–12).
- ⁴⁷ List of Candidates Elected by People for the Sixth Term of the Islamic Consultative Assembly (Majlis), and Their Party Affiliations // NetIran Office, Feb. 27, 2000 (www.NetIran.com/clippings/politics/domestic/)
- ⁴⁸ *Tehran Times*, February 24, 2000.

К. В. Марков

СУЩНОСТЬ «ИСЛАМСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ПРОЦЕССЫ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Конец XX века с полным основанием можно назвать временем превращения ислама в необычайно мощную социально-политическую силу на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке, которая так или иначе активно противостоит внедрению в этих регионах цивилизационных ценностей Запада. Эта сила дает о себе знать в Афганистане после ухода с политической арены режима Наджибуллы, в Судане, где в первой половине 1990-х гг. хартумское правительство аль-Башира ввело в качестве государственных законов нормы шариата, во внутригосударственном терроре в Алжире, развязанном в 1996–1997 гг. т. н. «Исламской армией спасения», в острых взаимоотношениях администрации Мубарака с клерикальной оппозицией в Египте. Можно ли ожидать спада темпов исламизации общественно-политической жизни в этих и других мусульманских странах в ближайшем будущем? Или же, наоборот, исламский радикализм останется одним из ведущих факторов, определяющих политические процессы в вышеупомянутых регионах, вплоть до трансформации некоторых режимов в теократические государства по иранскому, афганскому или суданскому образцу? Наконец, какую в таком случае роль будут играть гипотетические и реальные революционные исламские режимы в современных процессах глобализации? Потребность в ответах на эти вопросы продиктована отнюдь не только академическим интересом. От содержания ответов на них зависит планирование внешней политики всех активных геостратегических

действующих лиц мировой арены, прежде всего потому, что многие мусульманские страны являются геополитическими центрами. Рассмотрению данных вопросов может способствовать анализ следующих аспектов: а) собственно ведущие факторы, обуславливающие динамизм исламизации общественно-политической жизни в мусульманском мире; б) Исламская Республика Иран (ИРИ) — как своеобразная лаборатория, в которой революционный ислам впервые в мировой практике стал средством для разрешения проблем, вставших в целом перед исламской цивилизацией в XX веке. При проведении анализа данных аспектов использованы аналитические выкладки американских специалистов*, отдельные заметки из «Третьего взгляда» за 2000 г., бюллетеня пресс-отдела посольства ИРИ в Москве.

Рискуя определенным упрощением, следует заявить, что исламская политическая мысль всегда и везде придерживалась утверждения, что любая система политической власти лучше, чем отсутствие этой власти вообще. С другой стороны, ряд исламских богословов уже во времена халифата Аббасидов, в VIII веке, предвосхищая европейских мыслителей нового времени, утверждал, что власть имеет тенденцию к своей порче, а абсолютная власть портится абсолютно. Эти религиозные мыслители взирали на всех обладателей высшей государственной власти как на неизбежное зло и, говоря о правильной, подкрепленной кораническими догматами власти монарха-халифа, имели ввиду власть потенциального тирана. Единственное, в чем исламские аналитики тех времен видели средство для обуздания тенденции к тирании, было шариатом. В эпоху когда эволюция политической теории на Западе пришла к концепции «представительной власти народа» в качестве противовеса власти абсолютных монархов, в исламском мире в роли подобного противовеса по-прежнему выступала мусульманская религия, а именно такой ее аспект, как подчинение всех в одинаковой мере, и правителя и подданных, Богу и Его закону. Отсюда — и неприятие исламскими теоретиками правления «безбожников», будь то монголы или англичане, и подчеркивание частью духовенства необходимости подкрепить шариатом власть этих правителей.

Самый поверхностный взгляд на средневековую историю мусульманского Востока показывает, что фактически ислам не был эффективным средством против деспотизма. Кроме того, этот взгляд дает возможность увидеть, что все правители номинально признавали верховную власть исламского закона. Как правило, исламские монархи, будь то шахи династии Сефевидов в Иране

или султаны династии Фатимидов в Египте, сами выступали в качестве носителей высших религиозных полномочий в своих государствах и отводили улемам роль контролеров за исполнением исламского закона и его толкователей. Хотя не существовало формального договора, имелась молчаливая сделка, согласно которой в ответ на признание власти улемов в сфере законодательства и их финансовой и институциональной независимости от правительства монарх получал санкционированную с их стороны свободу осуществлять более или менее абсолютную светскую власть. Обладание этой властью подразумевало, что улемы реально были не вправе вмешиваться в управление государством с целью ограничения произвола монарха. В то же время монарх чувствовал себя все-таки ограниченным в своих возможностях шариатом, что обуславливалось, в первую очередь, высоким авторитетом улемов.

Этот исторический компромисс стал постепенно исчезать в XIX веке. Более современные средства для расширения государственного контроля над жизнью общества, такие как рационалистически организованный бюрократический аппарат, введение воинской повинности, телеграф, выступили в качестве предпосылок освобождения монархов от уз, представленных религиозными институтами и независимостью улемов от центральной власти. Известно, что решающую роль в этом процессе сыграло активное экономическое и политическое проникновение в исламские страны держав Запада. Последние, естественно, стремились к уменьшению роли влияния богословов на общественно-политическую жизнь исламских стран и к установлению в них равенства мусульман и немусульман. В свою очередь, большинство правителей исламского мира, впечатленные могуществом главы государства в наполеоновской Франции или в кайзеровской Германии, охотно шло навстречу подобным стремлениям.

В ходе процессов модернизации, застрельщиками которой выступили Османская империя и Египет, рушились исламские модели образования и юриспруденции, реорганизовывалась экономика в сторону отхода от цеховой системы, служившей опорой религиозных лидеров, ломались традиционные порядки городской жизни и предпринимательства, которые были подвержены сильному воздействию исламских ценностей, ликвидировалась независимость от государства религиозных центров. Свободная от сдерживающей силы ислама государственная власть мусульманских стран, особенно после окончательного приобретения ими национальной независимости, превратилась в тиранию, лишённую тра-

диционного идеологического стержня. Эта тирания стала намного жестче, чем какая-либо верховная власть стран исламского мира в прошлые века.

Естественно, что данная характеристика политических режимов исламского Востока в новейшее время страдает определенной условностью. В наибольшей степени этой схеме соответствуют режимы, придерживающиеся светской, националистической или социалистической идеологии. В качестве наиболее выразительных примеров подобных общественно-политических систем последних трех десятилетий XX века можно назвать шахский Иран, баасистские Ирак и Сирию, Египет, Турцию, кабульский марксистский режим. В то же время имеются режимы, сохранившие традиционную идеологическую надстройку и внешнюю форму вышеупомянутого компромисса между государственной властью и исламскими законооведами. В эту группу можно отнести арабские монархии Персидского залива и с определенной натяжкой Пакистан. Несмотря на свои различия, обе группы режимов тем не менее проявляют ярко выраженные автократические методы управления обществом при абсолютном или относительном исключении общей массы населения из политической жизни. Кроме того, данные группы режимов обнаруживают неспособность стимулировать материальную и психологическую заинтересованность большей его части в дальнейшей модернизации своих социально-экономических сфер. Светские идеологии той или иной страны исламского мира не в состоянии стать даже подобием сдерживающей деспотизм государства силы ислама. С другой стороны, там, где ислам продолжает оказывать воздействие на политические институты режимов, происходит процесс пусть медленного, но неуклонного оттеснения улемов из всех важных сфер общественной жизни. В этом отношении особенно примечательна Саудовская Аравия. Указанные моменты как раз и стали исходной причиной той политической и культурной депрессии, что охватила народные массы ряда стран исламского мира с конца 1970-х гг. А эта депрессия, в свою очередь, обеспечила активный отклик населения на призывы ряда исламских мыслителей не только исправить нарушенное равновесие между исламом и государственной властью, но и поставить надежный заслон его нарушению впредь. Как и в VIII веке, основным средством видится всеобъемлющее введение норм шариата в качестве государственных законов.

Если мутация традиционной политической системы со всеми вытекающими из этого последствиями является предпосылкой

собственно процесса возрождения ислама как оппозиционной идеологии, то катализатором ее распространения в обществе можно считать происшедшую революцию в сфере средств массовой информации. Действительно, даже поверхностное наблюдение показывает, насколько возрос религиозный авторитет тех или иных фундаменталистских лидеров в эпоху массового распространения в исламском мире сначала печатных, а затем и электронных СМИ! В этом отношении последствия освоения мусульманскими радикалами нового способа внедрения своих учений в массовое сознание уместно сравнить с последствиями использования для аналогичных целей гуттенберговского печатного станка Лютером, Кальвином, Цвингли и другими вождями религиозной реформации в Европе. Парадоксально, но именно верхушка трансформировавшихся режимов, объективно нуждающаяся в установлении системы всеобщего образования, подготовила тем самым почву для «наступления» ислама. Кстати, феномен невероятной популярности идей Хомейни в Иране в 1977–1978 гг. являлся скорее результатом циркуляции в обществе его печатных трудов, нежели его непосредственных устных проповедей. Резюмируя все вышесказанное, следует заявить, что эпоха шейхов, внушающих в медресе или с минбаров мечетей своей пастве исламские догматы и религиозное рвение, окончательно пройдена. Ей на смену пришла эпоха полуполюгальных и подпольных газет, журналов, радио и телепередач, наконец Интернета, в которых тысячи религиозно настроенных мужчин и женщин ищут ответы на моральные и политические вопросы. Эти люди, зачастую не получившие надлежащей религиозной подготовки, но обладающие навыками работы с компьютером, в свою очередь становятся проводниками радикальных идей, виртуальными проповедниками, не имеющими собственной харизмы, но оказывающими огромное влияние на общественное сознание. Подобное влияние и не снилось лидерам фундаменталистских исламских движений конца XIX века.

Учитывая эти обстоятельства и отвечая на поставленный в начале статьи вопрос, можно заявить, что исламский радикализм вряд ли перестанет быть одним из ведущих факторов, определяющих политические процессы на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке. По-прежнему фундаментализм будет являться источником террористических актов, направленных против как собственно автократических правительств данных регионов, так и внешних сил, поддерживающих эти правительства. Без сомнения, также сохранится вероятность увеличения числа режимов, базирующихся на установках политического ислама. Последнее

представляется для ведущих мировых держав куда более важным, чем дальнейшее функционирование и увеличение числа экстремистских группировок типа «Хезболлаха», «Хамаса», «Тама ат аль-Ислами». Ведь всякий раз образование теократического государства с радикальной воинствующей исламской идеологией сопровождается возникновением внутренних или региональных вооруженных конфликтов, активной или пассивной конфронтацией с большей частью международного сообщества. Естественно, возникают сомнения в том, что такие режимы способны вписаться в современный мировой порядок. Также вызывает сомнения долговременность их существования как общественно-политической системы на основе незыблемого равновесия между ее светскими и религиозными элементами. И вот тут в самый раз приступить к рассмотрению второго аспекта общей проблемы, обозначенной во вступлении.

Оставим в стороне вопрос, будет или не будет ИРИ служить точной моделью развития всех остальных реальных или потенциальных теократических режимов, базирующихся на основе политического ислама. Важно то, что сама эволюция общественно-политической системы ИРИ создает возможности проследить вероятное общее направление трансформации исламских режимов подобной группы. В таком случае вызов Западу со стороны радикального ислама в принципе никогда не приведет к крупномасштабному столкновению обеих цивилизаций согласно сценарию Хантингтона. Основание для этого утверждения содержится в процессах демократизации, что наблюдаются сейчас в Исламской Республике. Не стоит лишний раз заострять внимание на фактах, иллюстрирующих эти процессы, равно как и на органической связи данных процессов с постепенным развитием экономической системы ИРИ в сторону свободного рынка, который, как известно, наиболее адекватен нынешним реалиям мировой экономики. Отметим только, что через несколько десятилетий после избрания Хатами на пост президента республики Иран будет представлять собой, несомненно, намного более демократическое государство, чем ныне. Эта уверенность зиждется на некоторых исторических параллелях, показывающих, что основные идеи революционных движений никогда не осуществляются на практике непосредственно после свершения революций, а требуют определенного, иногда очень длительного, промежутка времени для своего воплощения в общественную жизнь. Так, спустя двенадцать лет после казни Карла Первого, во время английской революции XVII в., произошла фактическая реставрация абсолютист-

тского порядка, и лишь только в начале XVIII в. в Великобритании твердо установились новые взаимоотношения между правительством и народом. Другой пример показывает, что спустя несколько лет после окончания Великой французской революции Наполеон превратил Первую республику в империю, но через 55 лет принципы этой революции легли в основу общественно-политической системы Франции и с тех пор сохраняются в ней до нашего времени. Наконец, примеры новейшей истории также убедительно подкрепляют вышеизложенное утверждение. Двенадцать лет спустя после триумфа коммунистического движения Мао Цзедун Китай охватила лихорадка «культурной революции», но 50-я годовщина победы этого движения застала страну успешно осуществляющей экономические реформы и постепенную либерализацию политической сферы жизни общества. Значение вышеупомянутого промежутка времени может образно показать один из эпизодов библейской Книги Исхода, которая гласит, что Моисей 40 лет водил за собой евреев по пустыне после бегства из Египта. 40 лет — достаточный срок, чтобы повymiрало большинство представителей поколения, помнившего египетское пленение, и чтобы из народного сознания выветрился дух рабства.

Следует указать, что лидеры всех исламских политических движений на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке уделяют львиную долю своего внимания выработке способов захвата власти от рук светских или консервативно-религиозных правителей. Целью данных лидеров является политическая мобилизация масс, но отнюдь не проектирование будущего государственного управления. Схематичные планы этого управления, как показывают события в Иране в 1980-х годов, современных Судане и Афганистане, не проходят испытание реальностью. Поэтому такие планы являются своеобразным эквивалентом идей Томаса Пейна или Джерарда Уинстэнли, т. е. скорей носящими агитационный, нежели прагматический характер. Однако у американской борьбы за свою независимость от Великобритании и у английской революции были также Джордж Вашингтон и Оливер Кромвель, которые поспособствовали тому, чтобы подобные идеи воплотились рано или поздно в реальность.

Простая логика подсказывает, что если где и появится исламский радикальный политический деятель, сыгравший роль аналогичную роли Вашингтона или Кромвеля, то только в Исламской Республике Иран. Во-первых, только там имеется длительный опыт разрешения политических, экономических, культурных проблем, доставшихся в наследство от шахского правления, при помощи государственных институтов, которые первоначально

но были очерчены в революционных речах религиозных лидеров. Во-вторых, только Исламский Иран — единственный из новообразованных теократических режимов, который вплотную подошел к разрешению такой объективной задачи, как скорейшая интеграция в международное сообщество. И, наконец, третья, самая важная, причина, в определенной степени обусловленная двумя предыдущими, заключается в массовом сознании политически дееспособных граждан, родившихся после свержения иранской монархии. Это молодое поколение, с одной стороны, представляет себе иранскую революцию через призму мифологем, как отправную точку движения Ирана к социальной справедливости и процветанию. С другой стороны, не испытав лично проявлений деспотизма шахского режима и, как следствие, не чувствуя глубокого пиетета к тем преобразованиям в стране, которые осуществлялись под руководством Хомейни, это поколение лишено чрезмерной религиозной экзальтации и стремится к построению более открытого общества. Рано или поздно непосредственные участники исламской революции сойдут с политической арены, а сама революция окончательно станет достоянием истории. И вот тогда-то и проявится та закономерность, о которой упоминалось выше. Именно тогда обнаружатся политические фигуры, чья роль в дальнейшем развитии иранского государства можно будет сопоставить с исторической ролью Вашингтона или Кромвеля.

Есть основание полагать, что реальная демократизация общественно-политической системы ИРИ не будет сопровождаться вообще сколько-нибудь существенным изменением ее структуры. Это утверждение базируется на том, что теоретические механизмы формирования и функционирования этой системы не намного отличаются от тех механизмов, которые распространены на Западе. Западные критики иранского режима подчеркивают, что кандидат в президенты Исламской Республики стеснен квалификационными процедурами, осуществляемыми шиитским духовенством. Подобные критики игнорируют то обстоятельство, что, например, выборы президента США почти полностью находятся под контролем внеконституционных партийных структур, вследствие чего сами выборы можно назвать непосредственным волеизъявлением народа с определенной натяжкой. Это становится тем более очевидным, если учесть, что Конституция США собственно не предусматривает всенародного избрания президента. Далее критики иранского теократического режима указывают на такой момент, как недопущение в ИРИ официальной политической деятельности организаций монархистов, феодалов, азербайджанских и курдских сепаратистов и т. п. Предъявляя это обвине-

ние, критики игнорируют тот факт, что конституция любой страны Запада содержит в себе статьи, гарантирующие защиту их режимов от каких-либо внутренних угроз. Представим на минутку, что в США возникла монархическая организация, ставящая целью своей деятельности возвращение Америки под власть Великобритании. Естественно, что такая организация не могла бы легально существовать, не поступившись своими принципами. Также и в Исламском Иране любая реальная или потенциальная общественная организация обязана поддерживать конституционные постулаты. Наконец, критики иранского режима ставят ему в вину, что он рассматривает верховную власть религиозного лидера более приемлемой, чем непосредственно верховную власть народа. Следовательно, заключают критики, в самой политической структуре ИРИ лежат предпосылки к автократии. Однако иранская конституция гласит, что «рахбар» получает свои полномочия от большинства голосов, а не от Бога. В отсутствие безоговорочного народного доверия того типа, каким обладал Хомейни, «рахбара» выбирает Ассамблея экспертов, и заметим, что сама Ассамблея является избранной группой при отсутствии конституционных ссылок, что ее избрание санкционировано Богом. Таким образом, даже при беглом рассмотрении вряд ли можно говорить, что государственное устройство ИРИ совершенно не подходит для демократического режима. При этом сама концепция «велаят-е факих» играет роль того традиционного идеологического стержня, который, как показал опыт, обеспечивает легитимность иранского режима в глазах большинства населения даже в годы наибольших социальных потрясений.

Принимая во внимание все вышесказанное, понятно, что у современного Ирана есть все основания войти в мировую историю в качестве первого в мусульманском мире государства, построившего «исламское правовое общество», которое, не будучи порождением западного либерализма, тем не менее станет по своему характеру намного ближе к нему, чем иные светские режимы Ближнего Востока или Северной Африки*.

* Исходным материалом для написания данной статьи стали взгляды Р. В. Баллета, директора Института Ближнего и Среднего Востока при Колумбийском университете. — См. ст.: *Bullet R. W.* «Twenty years of Islamic politics» в «Middle East Journal». Wash., 1999. Vol. 53, № 2, p. 189–200.

При рассмотрении вопроса возможной демократизации общественно-политической системы ИРИ использована точка зрения Р. К. Рамазани, специалиста по внешней политике современного Ирана и ирано-американским отношениям в Университете Виргинии. — См. ст.: *Ramazani R. K.* «The Shifting premise of Iran's foreign policy — towards a democratic peace?» в «Middle East Journal». Wash., 1998. Vol. 52, № 2, p. 177–187.

А. З. Арабаджян

**О РЕЧИ ИМАМА ХОМЕЙНИ НА КЛАДБИЩЕ
БЕХЕШТЕ ЗАХРА 1 ФЕВРАЛЯ 1979 г.
(к вопросу о характере
Иранской революции 1978–1979 гг.)**

Речь имама Хомейни на кладбище Бехеште Захра, куда он направился сразу по прилете в Тегеран из Франции 1 февраля 1979 г., свидетельствует о том, что по своему содержанию она вполне укладывается в рамки призывов к антишахской, антиимпериалистической, народной революции. На мой взгляд, никакой специфической связи с исламом она не имела, так же как не заключала в себе призывов к совершению революции, именно как революции исламской. Лучшим способом судить о правильности или ошибочности высказанной точки зрения является непосредственное ознакомление с этой речью, при этом в полном объеме.

**«Историческая речь имама на кладбище
Бехеште Захра о шахе,
правительстве и меджлисе»**

Во имя Аллаха милостивого милосердного.

1. Мы за это время видели много бед, очень больших бед. Были и победы, которые, конечно же, тоже были большими. Мы видели смерть молодых женщин, беду мужчин, потерявших детей. Всякий раз, когда мой взгляд падал на тех, кто потерял своих детей, сердце мое сжималось от того, что ничем не мог помочь им, и оно сжимается от того, что я не могу взять на себя освобождение нашего народа от всех этих бед, постигших его.

2. Я не считаю себя вправе выразить свою благодарность этому народу, ибо все свое он отдал Богу. Бог должен возблагодарить его милостью своей. Я выражаю свое соболезнование матерям, поте-

рившим своих детей, и разделяю их горе. Я выражаю свое соболезнование отцам, потерявшим своих молодых детей. Я выражаю свое соболезнование молодым людям, потерявшим своих отцов.

3. Давайте посмотрим, почему эти беды постигли этот народ. Что говорил этот народ раньше и что он говорит ныне, когда он поднял свой голос, когда убийства, насилия и грабежи продолжаются. Что говорил наш народ такого, что объясняло бы постигшие его беды. Он говорил о том, что царствование Пехлеви с самого начала было противозаконным, что с самого начала его основания оно противоречило закону. Люди моего возраста видели, что учредительное собрание было создано силою штыков, и народ не имел к нему никакого отношения. Его депутатов силою включили в его состав, чтобы они проголосовали за царствование Реза-шаха.

Стало быть, это царствование с самого начала было фальшивым, а сам принцип монархического режима изначально противоречит разумным законам, порядкам и правам человека. Допустим, весь народ проголосовал за то, что один человек стал монархом, но означает ли это, что народ проголосовал за то, чтобы потомки этого монарха также были бы монархами. На каком основании 50 лет назад меджлис предопределяет последующую судьбу народа? Судьба каждого народа в его собственных руках. Нас не было в эпоху Каджаров.

Допустим, что весь народ проголосовал за монархию Каджаров, за Ага Мохаммеда-хана Каджара. Но ведь он это сделал не с нашего разрешения. Предположим, что монархия Пехлеви также поначалу была учреждена с согласия народа, как и учредительное собрание. Это всего лишь означает, что только Реза-хан должен быть монархом, при этом монархом лишь тех, кто проголосовал за него.

4. Однако какое право на монархию имел Моххамед Реза? В ту пору народ не имел права решать судьбу нашей поры.

Во-первых, раз монархия его отца была незаконной, незаконна и его монархия. Разве наши отцы и те люди, которые жили сто лет назад, имели право определять нашу судьбу?

Это еще одно свидетельство незаконности монархии Пехлеви, не говоря уж о том, что народ, судьбу которого должен определять он сам, ныне говорит: «Мы не хотим». Раз народ проголосовал, сказав: «Не хотим режима монархии», то сам он должен решить свою судьбу.

О МЕДЖЛИСЕ И СЕНАТЕ

5. А теперь внесем ясность в вопрос о правительстве в связи с монархией Мохаммеда Реза Пехлеви и об имеющихся у нас законодательных собраниях: собрании совета и сенате.

6. В течение всего периода после принятия конституции, за исключением некоторых отрезков времени, люди не имели отношения к избранию депутатов меджлиса. Как вам известно, и сегодня дела обстоят таким же образом. Я спрашиваю вас, вам было известно что-либо о депутатах такое, что необходимо для того, чтобы вы их избрали?

7. Знакомо ли с ними большинство собравшихся здесь людей? Или и они были определены в одностороннем порядке, без уведомления людей и их согласия. Стало быть, такой меджлис противозаконен, и те, кто сидят в меджлисе и от имени народа наделили себя правами, не имеют на это права и они несут за это ответственность.

8. А ведь правительство, сформированное незаконной монархией и таким меджлисом, — незаконно. Во время Мохаммед Реза-хана вот это говорил народ: мы не хотим этой монархии.

9. И теперь говорят: этих депутатов и этот меджлис и сенат и это правительство считаем незаконным. Разве может быть законным человек, назначенный на должность незаконными законодательными собраниями и незаконным шахом?

10. Мы говорим: вы незаконны и должны уйти. Мы говорим: это правительство даже само не согласно, что оно законно. Несколько лет назад оно не возражало против этого. А что теперь случилось, что оно говорит, что оно законно.

11. Мы можем взять за руку любого депутата, повести его на избирательный участок и спросить: его вы избирали?

12. Когда мы говорим, что они избраны незаконно, должны ли представить нам свидетельства их законности?

13. Я должен заявить, что Мохаммед Реза Пехлеви, этот гадкий предатель, ушел, убежал и все пустил по ветру. Страну нашу разрушил, а кладбища благоустроил.

14. Вся наша экономика разрушена. Если мы захотим вернуть страну в прежнее состояние — понадобятся годы наших совместных усилий. Те, кто под предлогом превращения арендаторов-издольщиков в крестьян-собственников провели аграрную реформу, сделали так, что она обернулась гибелью сельского хозяйства, и теперь вы во всем испытываете необходимость импорта из-за рубежа.

15. Мохаммед Реза сделал это для того, чтобы мы все испытывали нужду в Америке и Израиле. Поэтому все, что сделал этот человек, было ошибкой, и его аграрная реформа нанесла такой вред нашей стране, что мы, возможно, и через двадцать лет не сможем ликвидировать его последствия.

16. Нашу систему образования держали в состоянии отсталости, при этом до такой степени, что в настоящее время наши молодые люди не получают полноценного образования и, недоучившись здесь, в связи с нынешнем катастрофическим положением вынуждены уезжать за рубеж на учебу. Примерно пятьдесят лет как у нас есть университет. Но из-за совершенного предательства он не развивался. Америка погубила всех наших людей и рабочую силу и, пользуясь содействием своего прислужника, создала центры разврата.

КИНО, ТЕЛЕВИДЕНИЕ, МУЗЫКА

17. Телевидение наше — это центр разврата, наше радио и кино и все центры, где им дозволено действовать, все стали средоточием пороков. В Тегеране центров по продаже спиртных напитков больше, чем библиотек. Мы не против кино, телевидения и радио. Мы против разврата и против музыки, которая служит иностранцам и тому, чтобы держать в состоянии отсталости нашу молодежь. Разве когда-либо мы были против центров возрождения. Кино является одним из проявлений цивилизаций, которое должно служить воспитанию людей. Но все эти средства затянули нашу молодежь в разврат. Эти средства полностью использованы для того, чтобы совершить предательство в отношении нашей страны.

18. Всю нашу нефть отдали Америке и прочим, а взамен господа заполучили оружие для создававшейся базы.

НЕФТЬ И АМЕРИКА

19. Мы и нефть отдали и базу построили. Америка, прибегнув к такой хитрости, забрала нашу нефть и взамен в нашей стране построила для себя базу. Завезли оружие, которым наша армия пользоваться не может, а чтобы пользоваться им оказалось возможным, американцев сделали советниками. Если бы такое положение сохранилось еще несколько лет, наш народ совершенно обессилел бы.

20. Во имя этого джихада и во имя свободы пролилась кровь нашей молодежи. Уже пятьдесят лет как мы живем в удушье. Мы не имели ни свободной печати, ни радио, ни телевидения, как и

свободных проповедников и имамов общины. И при них оставалось это удушие и ныне сохранилось это полуудушие. Мы говорим: он сам, его правительство, его меджлис, его сенат незаконны. И если это будет продолжаться, все они должны быть преданы суду.

21. Мы их будем судить. Я назначу правительство. Я дам по зубам нынешнему правительству (впервые присутствующие начали аплодировать и выражать свои чувства, хотя до этого они были предупреждены, что необходимо сохранять полное молчание).

22. Этот господин (имеется в виду назначенный шахом на должность премьера Шапур Бахтияр. — А.А.) сам не приемлет себя, и его товарищи не приемлют его и армия не приемлет его, и только Америка и Англия поддержали его и сказали армии: «И вы должны поддерживать его».

23. Что говорит человек, которого не приемлет ни народ, ни кто-либо другой? Да, у него есть какое-то число преступных элементов, поддерживающих его. Говорят, что в одной стране не может быть двух правительств. И мы говорим, что не может быть. Но незаконное правительство должно уйти. Наше правительство опирается на волеизъявление народа и веление Бога. Этот человек (имеется в виду Мохаммед Реза-шах. — А.А.) или должен оставаться там, где он находится, или по приказу Америки заставить находящихся здесь подвергнуть нас массовому истреблению.

24. До тех пор пока мы существуем, не позволим Мохаммеду Реза Пехлеви вернуться назад. Эти хотят вернуть его. О, люди, будьте бдительны. Вынашивают планы, создают штаб по его возвращению и хотят, чтобы все наше существование было подчинено желаниям Америки. Пока мы живы, не позволим. Мы все обязаны продолжать это движение до тех пор, пока они не потерпят поражение и мы не создадим, опираясь на свободу людей, правительство и меджлис.

МОЕ НАСТАВЛЕНИЕ АРМИИ

25. Я должен дать армии одно наставление и одновременно выразить признательность некоторым его отрядам. Мое наставление заключается в том, что мы хотим, чтобы вы были независимы. Мы трудимся, мы отдали свою кровь, отдали молодых людей, отдали свое достоинство и честь, наши уважаемые люди были арестованы и подверглись пыткам. Мы хотим, чтобы армия была независимой. Господин генерал армии, вы не хотите быть независимым? Господин дивизионный генерал, вы не хотите быть независимым? Хотите быть слугой?

26. Я советую вам в соответствии с желанием, выражаемым народом, идите в объятия к нему. Скажите: «Мы должны быть независимыми». Армия не должна находиться под нажимом иностранных советников.

27. Мы ради вас самих, армейцев, говорим об этом. Разве наша вина такова, что дает вам основание пролить кровь нашей молодежи на улицах?

28. В то же время я выражаю свою признательность некоторым отрядам армии, которые присоединились к народу и сохранили свою честь и честь народа. Это офицеры, хомафары и служащие военно-воздушных сил и те, что в Исфагане и Хамадане, а также в других местах, осознав свой шариатский и национальный долг, примкнули к народу. Мы выражаем им свою признательность, а тем, кто не примкнул, мы говорим: примкните. Для вас ислам лучше безбожия. Народ лучше иностранцев. Сойдите с этого пути. Не думайте, что мы вас казним. Но виселицы возведены ими для вас. Что же до тех, кого уже нет с нами, память о них мы храним с чувством глубочайшего уважения. Мы хотим, чтобы в стране был порядок, но порядок, источник которого в самом народе и который служит народу, а не порядок, надзор над которым осуществляется другими и которым командуют другие.

Такова была речь имама Хомейни. Кроме содержания этой речи, подтверждением того, что он не увязывал ее с совершением исламской революции, служат события, происшедшие в Тегеране 10—11 февраля 1979 г., и позиция, занятая в указанные дни самим Хомейни. 10 февраля 1979 г. в Тегеране, на военной базе Душан-тепе началась схватка вооруженных сторонников и противников шаха. Схватка, которая по мере вовлечения в нее горожан переросла в вооруженное восстание, весьма встревожившее как богословов во главе с Хомейни, так и находившихся в стране американских официальных лиц. Это восстание привело к падению последнего шахского кабинета Шапура Бахтияра 11 февраля 1979 года. Именно с этого времени, т.е. после победы восстания, Рухолла аль Мусави Хомейни стал выступать с настойчивым требованием назвать это восстание не иначе как «исламской революцией» и не пользоваться такими определениями, как «народная», «демократическая» и т. п. При этом он указывал, что свержение шахского режима не конец, а только начало исламской революции. Что касается принципа «веляйте факих», реализация которого была вождельной мечтой Хомейни, то этот принцип стал

получать общественное звучание уже после провозглашения исламской республики 1 апреля 1979 года. основополагающим же принципом конституции Исламской Республики Иран он стал после того, как Хомейни удалось преодолеть несогласие с этим принципом со стороны ряда шиитских богословов в пору разработки конституции.

Я и сейчас считаю возможным повторить свою точку зрения, высказанную еще в начале 80-х годов: иранская революция 1978–1979 гг. — антишахская, антиимпериалистическая, народная — это исторический факт; исламский режим, представляющий собой теократическую диктатуру с капиталистическим содержанием, установившийся после падения монархии, — тоже исторический факт, а вот «исламская революция» — это лишь ярлык.

Речь имама Хомейни на кладбище Захра является фактом истории. Однако наряду с этим она сегодня, как и в день ее произнесения, может быть сравнена с ружьем, в ствол которого вложен патрон, поскольку речь эта заключает в себе юридическую, правовую концепцию, которая может быть использована в качестве юридического прецедента. В своей речи Хомейни, пытаясь обосновать незаконность династии Пехлеви, прибег к ряду высказываний, смысл которых со всей очевидностью заключается в следующем: каждое конкретное поколение, определяющее путем своего волеизъявления политическую судьбу того или иного общества, не имеет права считать свое волеизъявление обязательным для поколений будущих. Над этим суждением имама Хомейни есть основание крепко призадуматься*.

* Речь Хомейни дается по Багер Амели «Рузшомаре тарихе Иран аз машруте та энгелабе эслами», джелде доввом. Тегеран, 1372, с. 469–471; Багер Али. Календарь истории Ирана со времен борьбы за конституцию. Т. II, Тегеран, 1993–1994, с. 469–471.

نطق تاریخی امام در بهشت زهرا در باره شاه، دولت و مجلسین

بسم الله الرحمن الرحيم

- 1 ما در این مدت مصیبت‌ها دیده ایم. مصیبت‌های بسیار بزرگ، بعضی پیروزی‌ها هم حاصل شد که البته آن هم بزرگ بود. مصیبت زن‌های جوان‌مرده، مردهای اولاد از دست داده، من وقتی چشمم به بعضی از اینها که اولاد خود را از دست داده‌اند می‌افتد، سنگینی بر دوشم پیدا می‌شود، که نمی‌توانم تاب بیاورم، من نمی‌توانم از عهده این همه خسارت‌ها که بر ملت ما وارد آمده، بریبارم.
- 2 من نمی‌توانم تشکر از این ملت بکنم که همه چیزش را در راه خدا داد. خدا باید به آنها اجر عنایت کند. من به مادرهای فرزندان از دست داده تسلیت می‌گویم و در غم آنها شریکم. من به پدرهای جوان‌مردان تسلیت عرض می‌کنم. به جوانهایی که پدرانشان را از دست داده‌اند. تسلیت می‌گویم.
- 3 ما حساب بکنیم که این مصیبت‌ها برای چه به این ملت وارد شده؟ مگر این ملت چه می‌گفت و چه می‌گوید که الآن وقتی که صدای ملت درآمده، قتل و ظلم و غارت ادامه دارد. ملت ما چه می‌گفت که مستوجب اینهمه مصیبت بود؟ ملت ما یک مطلبش این بود که سلطنت پهلوی از اول خلاف قانون بود، از اول که پایه‌گذاری شد، بر خلاف قانون بود. آنها که در سن من هستند، دیده‌اند که مجلس مؤسسان با سرنیزه تأسیس شد و ملت هیچ دخالتی در این مجلس نداشت. وکلایش را با زور وادار کردند که به رضا شاد رأی سلطنت بدهند. پس این سلطنت از اول امر باطلی بود،

بلکه اصل رژیم سلطنتی از اول خلاف قانون و قواعد عقلی و حقوق بشر است. چون ما فرض می‌کنیم که یک ملتی همه رأی دادند که یک نفر سلطان باشد، لکن اگر ملتی رأی دادند به این که اعقاب این سلطان هم سلطان باشد، به چه حقی مدت ۵۰ سال پیش سرنوشت ملت بعد را تعیین می‌کند. سرنوشت هر ملتی به دست خودش است. ما در زمان قاجاریه نبودیم، اگر فرض کنیم همه ملت به سلطنت قاجاریه رأی دادند، و برای آغا محمد خان قاجار، ولی آنها اختیار ما را که نداشتند. ما فرض می‌کنیم که این سلطنت پهلوی هم اول به اختیار مردم بود و مجلس مؤسسان هم همینطور، اما این معنی‌اش اینست که فقط رضا خان سلطان باشد آنهم بر همان مردمی که رأی داده اند.

4 ولی محمد رضا چه حقی داشت؟ ملت در آن زمان حق نداشت سرنوشت این زمان ما را معین کند. محمد رضا اولاً چون سلطنت پدرش غیر قانونی بود، سلطنت خودش هم غیر قانونی است. مگر پدرهای ما و اشخاصی که صد سال پیش از این زندگی می‌کرده اند، حق داشتند سرنوشت ما را تعیین کنند؟ اینهم دلیلی دیگر بر غیر قانونی بودن سلطنت پهلوی علاوه بر این ملتی که سرنوشت خودش باید به دست خودش تعیین شود، در این زمان می‌گوید ما نمی‌خواهیم. وقتی که رأی دادند رژیم سلطنتی را نمی‌خواهیم، سرنوشت‌شان با خودشان است.

در بارهٔ شورا و سنا

5 حالا می‌آییم سراغ دولتی که ناشی شده از سلطنت محمد رضا شاه و مجالسی که داریم: مجلس شورا و سنا.

- 6 در تمام طول مشروطیت الا در بعضی زمان‌ها، مردم در تعیین وکلای مجلس دخالت نداشتند و الآن اطلاع دارید در این مجالسی که هست همینطور است. من از شما سؤال می‌کنم که آیا شما از این وکلا اطلاع داشتید که اینها را خودتان تعیین کنید؟
- 7 آیا اکثر این مردم آنها را می‌شناسند؟ یا اینهم با زور تعیین شده، و بدون اطلاع و رضایت مردم. بنا بر این چنین مجلسی غیر قانونی است و اینها که در مجلس نشستند و به اسم نمایندگان ملت حقوق گرفته‌اند، این حق را نداشتند و ضامن آن هستند.
- 8 و اما دولتی که از طرف یک سلطنت غیر قانونی و چنین مجلسی انشاء شود، غیر قانونی است. این ملت حرفی که در زمان محمد رضا خان داشته‌اند، این بود که می‌گفتند: این سلطنت را نمی‌خواهیم.
- 9 حالا هم می‌گویند این وکلا و مجالس و دولت را غیر قانونی می‌دانیم. آیا کسی که خودش از ناحیه مجالس و شاه غیر قانونی منصوب شده است، می‌شود قانونی باشد؟
- 10 ما می‌گوییم شما غیر قانونی هستید و باید بروید. ما می‌گوییم این دولت حتی خودش قبول ندارد که قانونی است. تا چند سال پیش خودش این را قبول نداشت، حالا چه شده که می‌گوید قانونی است؟
- 11 ما دست هر وکیلی را که می‌خواهید می‌گیریم و به حوزه انتخابیه‌اش می‌بریم و می‌پرسیم: این را شما انتخاب کرده‌اید؟
- 12 آیا وقتی می‌گوییم اینها غیر قانونی است، باید شهید برای ما درست کنند.
- 13 من باید عرض کنم محمد رضا پهلوی این خائن خیث رفت، فرار کرد

و همه چیز ما را به باد داد. مملکت ما را خراب کرد و قبرستان‌ها را آباد.

14 تمام اقتصاد ما خراب و بهم ریخته است. اگر بخواهیم این مملکت را به روز اول برگردانیم، با همت همه مردم سال‌ها طول می‌کشد. اینها به اسم اینکه می‌خواهیم رعایا را دهقان کنیم، اصلاحات ارضی درست کردند که به اینجا منتهی شد که به کلی زراعت از بین رفت و الآن شما در همه چیز محتاج به خارج هستید.

15 محمد رضا این کار را کرد تا ما محتاج باشیم به آمریکا یا اسرائیل بنا بر این کارهایی که این آدم کرده همه اشتباه بوده و اصلاحات ارضی او لطمه‌ای به مملکت ما وارد کرد که شاید تا ۲۰ سال دیگر هم نتوانیم جبران کنیم.

16 فرهنگ ما را عقب نگهداشته، به طوری که الآن جوان‌های ما تحصیل‌شان در اینجا کامل و تمام نیست و باید بعد از نیمه تحصیلی در اینجا با این مصیبت‌ها که همه می‌دانیم، بروند در خارج تحصیل کنند. حدود ۵۰ سال است که دانشگاه داریم، ولی چون خیانت کرده اند، رشد نکرده، تمام انسان‌ها و نیروی انسانی ما را از بین برده، به واسطه نوکری که داشته مراکز فحشا درست کرده.

سینما، تلویزیون و موسیقی

17 تلویزیون ما مرکز فحشاست، رادیو و سینمای ما و مراکزی که اجازه باز شدن به آنها داده اند، همه مراکز فساد شده اند. در تهران مراکز مشروب - فروشی بیشتر از کتابخانه است، ما با سینما - تلویزیون و رادیو مخالف

نیستیم، ما با فحشا و موسیقی‌یی که در خدمت اجانب و برای عقب نگهداشتن جوانان ماست مخالفیم. ما کی با مراکز تجدد مخالفت کرده ایم؟ سینما یکی از مظاهر تمدن است، که باید در خدمت تربیت مردم باشد. ولی همین‌ها جوان‌های ما را به تباهی کشانیده‌اند. این‌ها به همه معنی به مملکت ما خیانت کردند.

18 تمام نفت ما را به آمریکا و غیر آمریکا دادند و در عوض اسلحه‌هایی برای پایگاه درست کردن آقایان گرفتند.

نفت و آمریکا

19 ما هم نفت دادیم هم پایگاه درست کردیم. آمریکا با این حيله نفت ما را برد و در عوض در کشور ما برای خودش پایگاه درست کرد. سلاح‌هایی آوردند که ارتش ما نمی‌تواند از آنها استفاده کند و باید مستشارهای خودشان باشند. اگر این وضع چند سال دیگر ادامه داشت، این ملت کاملاً ساقط شده بود.

20 خون‌های جوانان ما برای این جهاد و برای آزادی ریخته شده. ۵۰ سال است که در اختناق بسر برده ایم. نه مطبوعات آزاد داشته ایم، نه رادیو و تلویزیون و نه خطیب و امام جماعت آزاد داشته ایم. و در زمان ایشان هم همین اختناق باقی بود و هنوز هم نیمه اختناق باقی است. ما می‌گوییم خودش، دولتش و مجالسش غیر قانونی است و اگر ادامه دهد، باید همه آنها محاکمه شوند.

21 ما آنها را محاکمه می‌کنیم من دولت تعیین می‌کنم. من توی دهن این دولت می‌زنم، البته به پشتیبانی ملت، (جمعیت برای اولین بار شروع به

کف زدن و ابراز احساسات نمود گرچه قبلاً توجه داده شده بود که سکوت را کاملاً رعایت کنند).

22 این آقا که خودش هم خودش را قبول ندارد، رفقاییش هم او را قبول ندارند، ارتش هم قبولش ندارد، فقط آمریکا و انگلیس از او پشتیبانی کردند و به ارتش هم گفته اند که شما هم باید از او پشتیبانی کنید.

23 یک نفر آدم که نه ملت و نه هیچ کس دیگر قبولش ندارد، چه می‌گوید؟ بله، عده‌ای اشرار دارد که از او حمایت می‌کنند. می‌گوید در یک مملکت که دو تا دولت نمی‌شود. ما هم می‌گوییم نمی‌شود. ولی دولت غیر قانونی باید برود، دولت ما متکی به آرای ملت و حکم خداست. این آدم یا باید سر جایش بنشیند و یا به امر آمریکا اینها را وادارد که مردم ما را قتل عام کنند.

24 ما تا هستیم نمی‌گذاریم محمد رضا برگردد. اینها می‌خواهند او را برگردانند. ای مردم هشیار باشید. دارند نقشه می‌کشند و ستاد درست کرده اند که او را برگردانند و همه هستی ما به کام آمریکا برود. ما تا زنده هستیم نخواهیم گذاشت. بر همه ما واجب است که این نهضت را ادامه دهیم تا زمانی که اینها ساقط شوند و ما بر اساس آزادی مردم، دولت و مجلس درست کنیم.

نصیحت من به ارتش

25 من باید به ارتش یک نصیحت بکنم و یک تشکر از قشراهایی از ارتش، نصیحت من اینست که ما می‌خواهیم شما مستقل باشید. ما داریم زحمت می‌کشیم، ما خون دادیم، جوان دادیم، حیثیت و آبرو دادیم، مشایخ ما حبس

رفتند و زجر کشیدند، ما می‌خواهیم ارتش مستقل باشد. آقای ارتشبد شما نمی‌خواهی مستقل باشی؟ آقای سرلشکر شما نمی‌خواهی مستقل باشی؟ می‌خواهی نوکر باشی؟

26 نصیحت می‌کنم همانطور که ملت می‌خواهد بیایید در آغوش ملت. بگویید ما باید مستقل باشیم، ارتش نباید زیر فرمان مستشارهای اجنبی باشد.

27 ما بخاطر شما ارتشی‌ها این حرف را می‌زنیم. شما هم بخاطر خودتان این حرف را بزنید. آیا جزای ما اینست که خون جوانان ما را توی خیابان‌ها بریزید؟

28 اما تشکر می‌کنم از قشراهایی از ارتش که متصل شدند به ملت و اینها آبروی خودشان و ملت را حفظ کردند. این افسرها، همافرها و افراد نیروی هوایی و آنها که در اصفهان و همدان و سایر جاها تکلیف شرعی و ملی خود را دانستند و به ملت ملحق شدند. ما از آنها تشکر می‌کنیم و به آنها که متصل نشدند، می‌گوییم متصل شوید. برای شما اسلام بهتر از کفر است. ملت بهتر از اجنبی، رها کنید این راه را. خیال نکنید که ما شما را دار می‌زنیم. اینها را برای شما درست کرده‌اند. آنها که منفصل شده‌اند، با کمال عزت و احترام حفظ‌شان می‌کنیم. ما می‌خواهیم که مملکت دارای نظام باشد، اما نظام ناشی از ملت که در خدمت ملت باشد، نه نظامی که دیگران سرپرستی کنند و دیگران فرمان بدهند.

(باقر عاقلی. روزشمار تاریخ ایران از مشروطه تا انقلاب اسلامی.

جلد دوم. نشر «گفتار». تهران، ۱۳۷۲. صص ۴۶۹ - ۴۷۱)

ПЕРСИДСКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Анализ языковой политики, проводимой руководством Исламской Республики Иран в последнее десятилетие, показывает, какое большое значение придает оно персидскому языку, проблемам его развития и функционирования в современном обществе. Персидский язык рассматривается в Иране как важный фактор культурной интеграции народов. Представляют интерес в этом плане высказывания аятоллы Хаменеи на первой Всемирной ассамблее преподавателей персидского языка относительно его роли как в самом Иране, так и за его пределами. Аятолла Хаменеи прежде всего отмечает, что персидский язык как для иранцев, так и для других персоязычных народов является фундаментом, каркасом национального менталитета, величественным и чрезвычайно ценным наследием прошлого, а также предметом гордости и источником огромных культурных достижений. Говоря о значении его для народов, не говорящих на персидском языке, аятолла Хаменеи обращает внимание прежде всего на тот факт, что благодаря ему можно приобщиться к не имеющим аналогов образцам великой мудрости и высокой мысли, бережно хранящимся в культурном наследии Ирана как в стихотворной форме, так и в прозе. И, наконец, по его мнению, важная роль принадлежала персидскому языку в период распространения ислама на полуострове Индостан, в Китае и Средней Азии¹.

Проблема значимости персидского языка как фактора культурной интеграции имеет как бы два аспекта – внутренний и внешний. Известно, что на территории современного Ирана проживает более 40 крупных и малых народов, отдельных племен, этнических групп, говорящих на различных языках, которые относятся не только к иранской, но и к тюркской и семитской языковым семьям. На протяжении XX в. правящие круги Ирана

использовали персидский язык как фактор национальной интеграции народов, населяющих страну, составляющим компонентом которой была и интеграция культурная. После исламской революции персидский язык играл значительную роль и в решении проблем национально-культурной автономии, и в претворении в жизнь идей культурной революции. В последнее десятилетие в Иране придается большое значение дальнейшему распространению персидского языка и укреплению его позиций, повышению уровня владения им учащимися и студентами, а также преподавателями персидского языка в первую очередь в тех странах, где большинство населения составляют представители неиранских народов, например, азербайджанцы, туркмены. На страницах периодических изданий, и в том числе в «Хабарнаме», печатном органе Совета по распространению персидского языка и персидской литературы при Министерстве культуры и исламской ориентации постоянно появляются сообщения о семинарах и совещаниях по проблемам усовершенствования обучения персидскому языку и его распространению особенно в двуязычных странах. Такого рода мероприятия неоднократно имели место в Тебризе — столице Иранского Азербайджана. Президент Академии персидского языка и литературы на одном из таких совещаний четко выразил суть проводимой внутри Ирана в отношении персидского языка языковой политики. Он сказал следующее: «Одним из элементов сохранения независимости Ирана является поддержание его национальной индивидуальности, в первую очередь культурной самобытности, путем укрепления позиций персидского языка как языка общенационального и символа единства (думается, что здесь имеется в виду культурная общность) при сохранении всех диалектов и говоров, функционирующих в стране, и при полном уважении к выдающимся литературным творениям прошлого»². Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что в настоящее время в ИРИ персидский язык активно используется как важный фактор культурной интеграции народов, населяющих страну.

Если обратиться к внешнему аспекту анализируемой проблемы, то среди стран, где развернута широкая пропаганда персидского языка, можно в рабочем порядке выделить несколько групп:

- 1 — страны мусульманского мира;
- 2 — страны, возрождающие ислам;
- 3 — страны, имеющие общие исторические корни с Ираном;
- 4 — страны традиционного изучения Ирана;
- 5 — прочие страны.

Первая группа стран включает целый ряд государств традиционного распространения ислама. Это – Пакистан и ОАЭ, Малайзия и Ливия, Сирия и Турция, Бангладеш и Ливан, многие африканские страны. Так, например, в Пакистане, который можно одновременно отнести и к государствам, имеющим с Ираном общие исторические корни, усиление позиций персидского языка рассматривается как фактор, противодействующий упадку духовной культуры пакистанской нации³. Во многих пакистанских городах, как, например, Хайдерабад, Лахор, Мултан, работают курсы персидского языка. Иранская сторона оказывает содействие активизации процесса его изучения в вузах страны, в том числе в университетах г. Карачи и в штате Панджаб начинает открывать центры персидского языка с приданными им библиотеками, как, например, в столице Пакистана – Исламабаде⁴. В Бангладеш также уделяется большое внимание изучению персидского языка. Он преподается как на среднем уровне – в школах, так и в высших учебных заведениях – институтах и университетах таких крупных городов, как Дакка и Читтагонг. Иран, со своей стороны, постоянно возобновляет работу курсов персидского языка в г. Дакка, функционирующих при Центре иранской культуры в этом городе, способствуя тем самым возрастанию интереса к нему и в целом к иранской культуре, а также совершенствованию процесса преподавания персидского языка в государственных вузах страны⁵. Персидский язык является объектом внимания и во многих арабских странах – Сирии, Иордании, Тунисе и других. Например, в Иордании он начал активно изучаться с 1991 г., а с 1994 г. в Исламском университете он стал обязательным предметом для студентов как один из языков мусульманской религии⁶. Что касается Туниса, то начало преподавания персидского языка в этой стране имеет глубокие корни и датируется 1878 годом. Но в настоящее время оно находится на должном уровне только в Университете Аль-Зейтуне, в других высших учебных заведениях – на стадии становления⁷. Большое значение для улучшения и расширения преподавания персидского языка, его пропаганды, а следовательно, и пропаганды иранской культуры имеют функционирующие в большинстве арабских стран курсы по изучению персидского языка. Особую роль они играют в странах Персидского залива, поскольку там проживает много выходцев из Ирана. Помимо курсов персидского языка иранская сторона принимает активное участие в организации конференций и семинаров, посвященных творчеству выдающихся иранских поэтов и мыслителей, как, например, Омара Хайяма в ОАЭ и Катаре⁸.

В состав второй группы входят, прежде всего, бывшие республики Советского Союза, где в той или иной степени идет процесс возрождения исламских традиций. Кроме таких исторически близких к Ирану республик, как Таджикистан и Азербайджан, персидский язык и иранская культура начинают завоевывать определенные позиции и в других теперь уже независимых государствах. Почти повсеместно открыты центры иранской культуры. В Туркменистане, например, помимо изучения персидского языка в Туркменском государственном университете им. Махтумкули его также преподают в пяти средних школах Ашгабата. В г. Мары функционируют курсы по изучению не только персидского языка, но и Корана⁹. Языковые курсы работают также при центрах иранской культуры в Азербайджане (Баку, Нахичевань), Узбекистане, Казахстане¹⁰. В республиках постоянно идет работа по переводу классиков иранской поэзии, а также современных авторов, в том числе произведений имама Хомейни, на национальные языки¹¹. Особое место в построенной нами схеме занимает Индия, которая, с одной стороны, связана с Ираном прочными историческими узами, а с другой — имеет значительный процент мусульманского населения. Персидский язык и персидская литература изучаются практически во всех ее крупных учебных заведениях. Всего в них, по подсчетам специалистов, существует около 152 отделений (кафедр) персидского языка и литературы¹². Персидский язык и литература являются также предметом научных исследований. Существуют четыре внеуниверситетских исследовательских центра по данной проблематике. Один раз в два года в Дели проходит Всеиндийская конференция преподавателей персидского языка, функционируют специальные курсы повышения их квалификации. Там же успешно работает Центр иранской культуры.

Есть ряд стран, где традиционно в течение длительного времени активно развивается иранистика, осуществляются значительные научные открытия в этой области. К числу этих стран можно отнести, в первую очередь, Россию, а также Германию, Англию и некоторые другие государства. В России иранистика делала свои первые шаги в первой половине XIX в., причем внимание большинства исследователей того времени было обращено на изучение иранских языков. Своих же самых крупных успехов она в целом и иранская филология, в частности, достигли в 50–70-х гг. XX столетия, и уже далее последняя развивалась, причем весьма успешно, как самостоятельная дисциплина. С другой стороны, известно, какие шаги предпринимались и предпринимаются в настоящее время для практического изучения персидского язы-

ка, его пропаганды и в целом пропаганды иранской культуры, и какие результаты дает такая политика. В Англии также иранистика имеет глубокие исторические корни и продолжает успешно развиваться в настоящее время. Персидский язык и литература активно изучаются в университетах Оксфорда и Кембриджа, Лондона и Манчестера. Публикуются научные исследования по проблемам персидского языкознания и переводы Саади, Хафиза, «Шахнаме» Фирдоуси, Низами Гянджеви, а также работы этнографического характера¹³.

Следует сказать, что персидский язык проник и в такие совершенно несхожие между собой и отличающиеся по многим параметрам от Ирана страны, как Япония и Финляндия, Испания и Китай, Румыния и Украина.

Анализ имеющихся по исследуемой проблематике материалов показывает, каких успехов добилась Исламская Республика Иран в деле распространения персидского языка, а также персидской литературы и в целом иранской культуры на различных континентах и превращения его в фактор культурной интеграции народов.

¹ См.: Отчет о первой Всемирной ассамблее преподавателей персидского языка. Тегеран, 1997, с. 3–5 (на персидском языке).

² Об этом подробнее см.: Вестник Совета по распространению персидского языка и литературы, № 50, с. 6 (на персидском языке).

³ См.: Эттелаат. 10.03.1990.

⁴ См., например: Вестник Совета по распространению персидского языка и литературы, № 40, 1997, с. 7 (на персидском языке).

⁵ См об этом: Отчет о первой Всемирной ассамблее преподавателей персидского языка. Тегеран, 1997, с. 307–310 (на персидском языке).

⁶ Там же, с. 347–349.

⁷ См.: Сохане эшг, № 4, 2000, с. 110–112.

⁸ См. об этом, например: Вестник Совета по распространению персидского языка и литературы, № 40, 1997, с. 9 (на персидском языке).

⁹ Вестник Совета по распространению персидского языка и литературы, № 50, 1997, с. 11–14 (на персидском языке).

¹⁰ Вестник Совета по распространению персидского языка и литературы, № 40, 1997, с. 8 (на персидском языке).

¹¹ См.: Сохане эшг, № 4, 2000, с. 106–107.

¹² См.: Персидский язык и литература в Индии. Тегеран, 1998 (на персидском языке).

¹³ Об этом см.: Персидский язык в Мире. Англия. Тегеран, 1997, т. 1.

СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ В ИРАНском КУРДИСТАНЕ

После смерти имама Хомейни в 1989 г. средства массовой информации в Иране и за его пределами перестали уделять внимание проблемам иранских курдов. Однако наличие такого информационного инструмента как Интернет позволяет выявить факт сохранения в Иране курдской оппозиции и дает возможность проанализировать состояние этнополитической ситуации в Иранском Курдистане.

Правящие круги современного Ирана утверждают, что в стране не существует никакого курдского вопроса. Отчасти это утверждение правомерно, поскольку иранское правительство действительно определенное внимание уделяет сохранению стабильности в этом регионе страны. Внимание, в частности, сосредоточено на развитии национальной культуры курдов в провинции Курдистан.

В последние годы были сделаны определенные шаги в оживлении культурной жизни курдских районов. Увеличилось количество периодических изданий на курдском и персидском языках. В Урмие был создан исследовательский центр «Салахеддин», в котором проводятся разнообразные научные работы, в том числе и по истории края. В Сенендедже был создан университет, насчитывающий 36 различных направлений.

Между тем в республиканском Иране провинция Курдистан, население которой насчитывает около 1,5 млн человек, принадлежит к числу отсталых районов в экономическом и социальном смысле, где сохраняется высокий уровень безработицы. Она до сих пор лишена крупных инвестиций. В связи с этим центральные власти страны предоставили губернатору провинции Рамезанзаде полномочия для выправления сложившейся ситуации в социально-экономической сфере. Местные органы власти сосредоточили свое внимание на двух направлениях: строительстве новой инфраструк-

туры и расширении полномочий местных общин. Губернатор проводит регулярные встречи с местными жителями. Он активно содействует тому, чтобы выдвигать на ответственные посты тех курдов, которые способны выполнять административные функции, привлекает молодежь к работе в местном управлении.

Губернатор провинции Курдистан Рамезанзаде пользуется доверием курдского населения, которое проявило активность на выборах в местные органы власти, состоявшихся в феврале 1999 г. При этом обнаружилось противоречие между выборщиками — сторонниками правительственной политики, направленной на усиление интеграционной политики, и их оппонентами. Хотя 6 из 9 мест в местные городские органы заняли сторонники правительственного курса, многие избиратели отдали свои голоса за представителя традиционной курдской элиты мусульман-суннитов Абдоля Монеим Мардуха. Его предки поселились в Курдистане 700 лет назад, а отец был главным аятоллой пятничной мечети Сенендеджа Месджид-е Джамии. Это свидетельствует об устойчивости традиционных представлений части иранских курдов на социально-политическое устройство Курдистана, когда в качестве лидера выдвигается деятель, связанный с консервативными общественными слоями, курд по национальности. Поддерживающие его выборщики потребовали улучшения социально-экономического положения Курдистана, снятия ограничений на использование курдского языка и предоставление большего самоуправления провинции.

Промежуточное положение между официальными и традиционалистскими кругами занимают функционеры Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК), запрещенной имамом Хомейни еще в 1980 г. Между тем она продолжает действовать в Иранском Курдистане, хотя ее политическое бюро и базы переместились на территорию Ирака, контролируруемую политическими организациями курдов Ирака.

Несмотря на внутрипартийный кризис, ДПИК все еще определяет лицо курдской политической оппозиции в Иране.

ДПИК является одной из старейших партий иранских курдов. Ее возглавляет авторитетный деятель курдского движения Абдулла Хасанзаде.

За последние 18 лет ДПИК существенно сузила размах своей деятельности. Она прекратила вооруженную борьбу против иранской армии на территории Иранского Курдистана. В этот период она, однако, не прекращала политической работы как среди иранских курдов, так и за рубежом. ДПИК имеет свои отделения в

крупных населенных пунктах как Иранского, так и Иракского Курдистана. На протяжении 90-х годов ее руководство прилагало усилия, чтобы консолидировать политические силы иранских курдов. Известно, что в 80-е годы произошел раскол этой организации. Из ее рядов выделилась фракция «ДПИК-последователи 4 съезда», куда вошли старейшие члены партии, ветераны, некоторые из которых участвовали в курдском движении в 40-е годы, когда была создана Мехабадская республика. Нынешний лидер ДПИК Абдулла Хасанзаде пытался найти с ними согласие и 9 января 1997 г. произошло объединение этой фракции с основной организацией. Это событие было положительно воспринято курдами всех частей Курдистана, борющимися за мир, свободу и права человека.

Основной лозунг ДПИК остался прежним – «Демократия Ирану, автономия Курдистану». А. Хасанзаде полагает, что эти задачи не были выполнены, поэтому основной лозунг менять рано. Он также разъяснил подход партии к проблемам федерализма. ДПИК в целом не против федерализма, но процесс его формирования связан с судьбой других народностей страны и, если федерализм поможет разрешить этнические проблемы в многонациональном Иране, ДПИК будет приветствовать этот процесс и активно в нем участвовать. Вместе с тем ДПИК отвергла ранее выдвигаемый ею лозунг о построении «демократической социалистической системы». После распада социалистического лагеря стала очевидной беспочвенность подобной цели. В связи с этим ДПИК заменила его лозунгом о «демократическом социализме», подразумевающим построение общества на примере Швеции, Австрии, Франции и др. Однако эта теория, по мнению Хасанзаде, должна получить теоретическое развитие.

Важным международным аспектом деятельности ДПИК стало возобновление ее членства в Социнтерне со статусом наблюдателя. Активные контакты с этой организацией начались еще в середине 80-х годов. А. Касемлу, генеральный секретарь ДПИК того времени, впервые участвовал в его конгрессе в Лиме в Перу. С тех пор представители ДПИК посещали все конгрессы Социнтерна. После сессии, состоявшейся в Кейптауне в ЮАР, ДПИК сообщили, что ее заявление о принятии членом Социнтерна поставлено в повестку дня 20 конгресса, который состоялся в сентябре 1996 г. в США. ДПИК была принята членом Социнтерна со статусом наблюдателя. Руководство ДПИК со своей стороны рассматривает этот шаг как определенную поддержку ее борьбы за демократию и права человека в Иране.

Не случайно на 21 конгрессе Социнтерна, состоявшемся 8–10 ноября 1999 г., была принята резолюция, в которой выражается обеспокоенность нарушением прав человека в Иране в отношении курдского населения, а также преследований за политические убеждения, преследования инакомыслящих курдов и т. п. Социентерн поддержал ДПИК, отстаивающую такие ценности, как демократия, выступающую против сепаратизма, отмежевывающуюся от любых террористических акций.

Несмотря на международное признание ДПИК, ее позиции нельзя рассматривать как отвечающие современному уровню решения национальных проблем. Это связано прежде всего с тем, что ДПИК по многим позициям продолжает сохранять представления, заимствованные из теории марксизма, которые не соответствуют нынешнему историческому моменту. Так, например, ДПИК берет на вооружение принцип устаревшей ныне доктрины территориально-государственного самоопределения наций. Она основывает свою концепцию на представлении о нации как о высшей стадии развития этнической общности. По взглядам ДПИК, предполагается приоритет прав этноса по отношению к правам индивида, а обязанности сохранения этнокультурной идентичности граждан возлагаются на политические институты этнизированного государства. Этим и определяется суть выдвигаемых курдской оппозицией требований.

Она выдвигает заведомо нереалистичные для выполнения цели в обществе, строящемся на принципах ислама. Так, например, курдская оппозиция выражает недовольство тем, что под понятием «Иранский Курдистан» правящие круги Ирана подразумевают территорию провинции Курдистан. По мнению ДПИК, Иранский Курдистан должен включать в себя все районы расселения курдов в западном Иране, то есть части территории 4 останов (Западного Азербайджана, Курдистана, Керманшаха и Илама).

Включение в состав Иранского Курдистана территории еще 4 останов, на наш взгляд, сопряжено с проведением крупного мероприятия общегосударственного значения – по сути, проведением административной реформы. Этот процесс затрагивает интересы не только курдов, но и представителей других национальностей, проживающих на означенной территории. Размежевание же по этническим квартирам, как известно, противоречит исламским представлениям о единстве общины мусульман-единоверцев.

Весьма противоречивым является также претензия курдов к властям о признании их нацией. На официальном уровне иранские власти не признают курдов нацией. Поэтому курды обвиня-

ют иранское руководство в их этническом (национальном) угнетении, поскольку они не могут самостоятельно определять свою жизнь в районе своего проживания. Курдов якобы ограничивают в праве участвовать в управленческих структурах, а назначения на руководящие посты производятся из Центра. Курдская оппозиция приводит пример назначения на пост генерал-губернатора Курдистана Рамезанзаде, который, хотя и является выходцем из деревни Грухвех провинции Курдистан, по национальности — азербайджанец. Курды хотели бы видеть на этом посту человека курдской национальности, который выражал их национальные интересы и отстаивал запросы в высших эшелонах власти.

Следовательно, курды отдают предпочтение приоритету национальной принадлежности над профессиональной.

Известно, что иранский режим руководствуется заветами имама Хомейни о консолидации мусульманской иранской нации. При таком понимании курды могут рассчитывать лишь на признание их одной из народностей страны, имеющей свой язык и культуру. Этот их статус, по сути, не вызывает возражений правящих кругов и давно признается, о чем свидетельствуют данные справочника «Almanac of Iran» еще за 1989 год.

Вместе с тем курдская оппозиция справедливо выражает сожаление, что за время существования ИРИ ни один крупный экономический проект не был реализован на территории Иранского Курдистана. Более того, курдским предпринимателям запрещается осуществлять крупные экономические объекты в Курдистане. В результате этой политики, принятой еще со времени монархии, ни один промышленный объект не был создан в Курдистане, несмотря на наличие в регионе богатых природных ресурсов.

Курдская оппозиция обвиняет иранские власти в нарушении прав человека в Иранском Курдистане. Она выступает против преследований за политические убеждения, а также ратует за равноправие суннитов и шиитов.

Политика, принятая иранскими властями в Курдистане, по мнению курдской оппозиции, ущемляет курдов в экономической, политической, социальной и культурной сферах. Вместе с тем она полагает, что все имеющиеся противоречия можно было бы решить в процессе мирных политических переговоров между представителями иранского правительства и курдской оппозиции в лице ДПИК. Такие попытки, как известно, уже проводились, но эти усилия оказывались безрезультатными.

Важную посредническую миссию в организации таких переговоров выполняет Патриотический Союз Курдистана (ПСК), одна

из ведущих политических организаций Иракского Курдистана, которая имеет деловые отношения с иранским руководством. Ее лидер Дж. Талабани встречался в Кота с лидерами ДПИК и обсуждал этот вопрос.

30 марта 2000 года газета «Алзаман», издающаяся в Лондоне на арабском языке, опубликовала статью своего корреспондента в Эрбиле о якобы готовящихся секретных переговорах. Однако ДПИК выступила со специальным заявлением, опровергающим подобные шаги. Лидеры этой организации категорически заявили о своем убеждении в том, что курдское урегулирование в Иране можно достичь только путем открытых и мирных переговоров; не может быть военного решения проблем курдского народа, а переговоры должны быть гласными, открытыми и не секретными.

Все перечисленные выше вопросы, а также некоторые другие проблемы могли бы быть решены при условии определенной коррекции позиций обеих сторон и терпимости обеих сторон к мнению друг друга.

Вряд ли можно согласиться с логикой курдской оппозиции, которая нацеливает на оформление этнократического режима в полиэтничной стране, что противоречит принципам исламского государства, основанному на приоритете мусульманской общины над этническими различиями. Позиция, которой руководствуется ДПИК, может привести к росту шовинистических настроений в курдских анклавах Ирана, усилению центробежных тенденций, на обуздание которых направляет свои усилия иранское правительство.

Более приемлемой было бы понимание федерализма как формы «внеэтнической» региональной демократии. При этом нация трактуется как гражданское сообщество, а права личности доминируют по отношению к правам любой, в том числе этнической общности. Эта позиция подразумевает осуществление этнокультурной самоидентификации посредством национально-культурных автономий и способствует сохранению государственной целостности государства.

Очевидно, что эта демократическая позиция решения национальных противоречий не совпадает с концепцией теократического государства. Однако подспудно в целях сохранения национальной целостности иранское правительство предпринимает некоторые шаги к определенной либерализации политики межнационального общения. Оживление национально-культурной жизни регионов является одной из составляющих элементов этого курса.

Некоторая часть иранских курдов усматривает в этом процессе позитивные моменты и склонны поддержать этот правительственный курс. Другая — еще не готова к восприятию подобной позиции.

Ожесточение и боль иранских курдов за потери своих политических лидеров и партизан, нищета и этнорелигиозные противоречия, а также сохраняющаяся напряженность отношений между ДПИК и правящими кругами ИРИ не позволяют пока найти взаимопонимание между курдской оппозицией и иранскими правящими кругами.

Иранские курды, находящиеся в оппозиции к властям, возлагают надежды на урегулирование отношений президентом Хатами, который получил в Иране, в том числе и в Курдистане, всенародную поддержку. Во время своей избирательной кампании аятолла Хатами ратовал за свободу слова, выступал в защиту прав человека, высказывался о равноправии мужчин и женщин, свободу печати, защиту интересов интеллектуалов и молодежи. Все это импонирует и курдам. Однако, по мнению Хасанзаде, в период президентства Хатами не следует ожидать радикальных перемен в иранском обществе. Он аргументирует тем, что Хатами является представителем исламского режима и искренне верит в его основу, поскольку его взгляды на свободу, демократию и права человека отличаются от содержания, вкладываемое в эти понятия оппозиционно настроенными курдами и теми секуляристскими общественно-политическими кругами Запада, на которые они ориентируются.

Несмотря на различие подходов к решению национальных противоречий, правительственный курс развития культуры иранских курдов является важным звеном в урегулировании различных противоречий, в том числе и политических.

Л. М. Кулагина, В. М. Ахмедов

ИРАН ВЫХОДИТ ИЗ ИЗОЛЯЦИИ

За более чем три года президентства М. Хатами ИРИ удалось добиться значительных успехов на международной арене. Заявление Хатами о необходимости сближения культур и цивилизаций, об «открытости» внешней политики Ирана, готовности иметь добрые отношения с любой страной смягчили отношения к ИРИ в мире и повысили авторитет президента. Даже противостояние между консервативными клерикалами, стремящимися к сохранению жестких исламских порядков и изоляции страны, и сторонниками президента Хатами, добивающимися проведения реформ и сближения с Западом, несколько ослабло, и консервативные силы не решаются уже открыто противиться новому курсу Хатами.

Эта тенденция особенно четко проявилась в ходе состоявшихся в феврале 2000 года парламентских выборов. Впервые со времени исламской революции 1979 года либералам-реформистам удалось занять в меджлисе 170 мест из 290 возможных. Места в меджлисе получили лишь немногие представители исламских консерваторов, возглавляемых А. Хаменеи.

Победа М. Хатами на президентских выборах помогла укрепить ему свои позиции внутри страны и более активно строить отношения со странами Запада и США.

Необходимо отметить, что, несмотря на демагогическую риторику, отношения Ирана со странами Запада всегда являлись и являются определяющими во внешнеполитическом курсе страны. Это объясняется, прежде всего, тем, что экономика Ирана нуждается в иностранных инвестициях и технологиях.

Поэтому внешнеполитический курс нового иранского президента все больше смещается в сторону Запада и США. Иран стремится к расширению сотрудничества, прежде всего со странами Европейского Содружества и США в области экономики и промышленности. В обмен Иран готов предоставить этим странам

льготные условия для инвестиций. Западные деньги нужны Ирану прежде всего для реконструкции нефтепромыслов. Без притока западных капиталов к 2005 году, как свидетельствует западная пресса, добыча нефти в Иране может снизиться до такого уровня, что ее придется импортировать из-за рубежа. Деньги нужны также для создания новых производственных мощностей и т. д.

В отношениях с Ираном и Европа преследует собственные цели. Прежде всего это касается экономических связей, что является одним из приоритетов европейской политики. Тегеран посетила делегация ЕС, а также ряд европейских политических деятелей. Европейский Союз финансовых организаций заключил с Ираном договор на общую сумму в 2 млрд долларов на развитие одного из газовых месторождений¹. Иран охотно идет на развитие отношений с ЕС. За последние два года президент ИРИ М. Хатами посетил ряд европейских стран. В марте 1999 г. М. Хатами побывал в Италии. Эта поездка стала первым визитом иранского президента в западноевропейскую страну со времени революции 1979 года. Между Ираном и Италией установились взаимно выгодные экономические отношения. Италия предоставила Ирану кредит на более чем 2 млрд долларов.

В октябре 1999 г. президент посетил Францию. Этот визит тоже не был случайным. Франция уже давно стремилась улучшить свои отношения с Ираном. Посетивший в 1997 г. Тегеран министр строительства и транспорта Франции был первым за 5 лет официальным французским представителем. Он, в частности, отметил, что «в Иране происходят события, которые имеют большой потенциал, и что пришло время попытаться начать сотрудничество». Это заявление было положительно встречено в Иране².

В результате визитов в Европу М. Хатами удалось заключить крупную сделку с итальянскими и французскими фирмами на реконструкцию нефтепромысла Доруд. Произошел прорыв в отношениях с Великобританией. На встрече министров иностранных дел в 1998 г. Ирана и Англии К. Харрази официально заявил, что иранское правительство отмежевывается от вознаграждения в 2,5 млн долларов за смерть С. Рушди, автора антиисламской книги «Сатанинские стихи». Иран предложил Великобритании провести переговоры по урегулированию вопроса о выплате части иранской задолженности. Речь идет о сумме в 21,3 млн ф. ст. Общая задолженность Ирана Великобритании составляет 160 млн ф. ст. Во время визита К. Харрази в Лондон в январе 2000 г. был обсужден ряд важных проблем: ситуация на Ближнем Востоке, в Афганистане, Ираке, проблемы терроризма и наркобизнеса. Хар-

рази передал премьер-министру Великобритании Т. Блэру послание М. Хатами, где иранский президент говорил о новом видении двусторонних отношений. Не обошлось и без взаимных обвинений: английская сторона выразила недовольство жесткой позицией Ирана по ближневосточному урегулированию; иранцы высказали беспокойство поддержкой Лондоном деятельности «моджахедин-э хальк» в Ираке. Но в целом эти визиты положили начало двусторонним отношениям. Отношения с Германией Иран рассматривает как главный стержень своей европейской политики. В Иране считают, что спад в двусторонних отношениях с Германией в результате дела «Миконоса»^{*} не просто судебно-юридическая проблема, а попытка нанести удар всей европейской внешней политике ИРИ. Поэтому восстановление отношений с Германией сделалось первоочередной задачей М. Хатами.

В марте 2000 года в Тегеран прибыл министр иностранных дел Германии И. Фишер, которого принял президент ИРИ. Хатами подчеркнул, что Иран и Германия могут установить более активные связи в области политики и экономики. Кроме того, Германия может внести существенный вклад в реконструкцию и развитие Ирана. В свою очередь И. Фишер отметил, что Иран не только играет большую роль в регионе, но и представляет собой стратегически важную страну. Во время визита президента М. Хатами в Германию в апреле 2000 года немцы открыли Ирану «зеленый свет» во многих областях сотрудничества от экономических проектов до гуманитарных и политических.

Важную роль правительство М. Хатами отводит налаживанию отношений с США. Послание М. Хатами американскому народу, с которого иранский президент начал свой диалог со странами Запада сыграл, несомненно, важную роль в смягчении отношений между двумя государствами. Но эти отношения встречаются еще очень жесткую оппозицию как в самом Иране, так и в США. По мнению одного из ближайших соратников М. Хатами М. Абтахи, еще «рано говорить о политических переговорах с американским правительством, поскольку по прошествии 20 лет после иранской революции отношения между руководителями ИРИ и США остаются еще достаточно напряженными. Продолжается американский бойкот ИРИ. Что же касается американского народа и, прежде всего, интеллигенции, то здесь есть широкое поле для

^{*} В 1992 г. в Берлинском ресторане «Миконос» были убиты четверо активистов иранского курдского движения. Берлинский суд признал причастным к этой расправе иранское руководство, что послужило поводом для отзыва слов ЕС.

диалога в рамках общечеловеческих, культурных ценностей»³. В деловых американских кругах все сильнее раздаются голоса в пользу изменения политики в отношении ИРИ и начала с Ираном «финансового диалога» по типу европейцев. По заявлению Али Сабзальяна, неофициального представителя Тегерана в Вашингтоне, не менее 500 американских компаний готовы в случае отмены эмбарго открыть в Иране свои предприятия и начать экспорт товаров и технологий. Сторонники восстановления торгово-экономических связей с Ираном располагают в конгрессе США мощной лоббистской группой и им удалось добиться, чтобы конгресс и правительство значительно смягчили свою позицию в отношении торговли с Ираном через третьи страны. В Тегеране, со своей стороны, также не скрывают интересы к привлечению американских инвестиций. По словам М. Абтахи: «Иран использует любые бреши для улучшения своего экономического положения. Мы не смешиваем разные вещи и считаем возможным использовать достижения западной цивилизации, отвечающей требованиям шариата»⁴.

Подход США к Ирану характеризуется сугубым регионализмом и глобализмом. Выдвигая в отношении ИРИ требования прекратить поддержку терроризма, изменения позиций по отношению к ближневосточному урегулированию, замораживания программ вооружений, США в то же время рассматривают американо-иранские контакты в ряду других важнейших для Америки проблем: режима безопасности в зоне Персидского залива, курдского вопроса, будущего Ирака, отношений с Турцией, положения в Афганистане и Средней Азии, урегулирования статуса Каспийского моря и т. д., то есть тех проблем, которые без участия Ирана не могут быть решены. Все это заставляет предвидеть, что в ближайшем будущем можно ожидать улучшения американо-иранских отношений, особенно в связи с приходом республиканцев к власти в США.

Но в то же время нельзя недоучитывать, что в отношениях к Западу в иранском обществе нет единства. М. Хатами и его сторонники ратуют за постепенное сближение с Западной Европой и США, а также за ослабление шариатских норм и ограничений во внутренней жизни страны. Им противостоят консервативно настроенные религиозные деятели во главе с аятоллой А. Хаменеи, которые требуют сохранения революционного порядка и «исламских ценностей». Политическая борьба особенно обострилась в конце 1999 — начале 2000 гг. перед парламентскими выборами. В эту борьбу были втянуты спецслужбы, контролируемые духовным лидером ИРИ А. Хаменеи. Сотрудники спецслужб ока-

зались замешаны в убийстве нескольких «диссидентов», занимавшихся оппозиционной деятельностью, был закрыт ряд газет демократического направления⁵.

Победа М. Хатами на выборах в парламент в феврале 2000 г. значительно упрочила его позиции и дала возможность более активно продолжать внешнеполитический курс на сближение с Западом и США.

В то же время нельзя недооценивать те трудности, которые стоят на пути Хатами. Он пока еще не обладает достаточным материальным и силовым потенциалом для осуществления задуманных им реформ. Силы сторонников А. Хаменеи еще сильны в Иране. Уже после выборов в парламент с апреля 2000 года консервативные иранские судьи закрыли более 30 прогрессивных изданий, поддерживающих социальные и политические реформы президента М. Хатами. Это вынудило его в своей речи перед студентами тегеранского университета открыто заявить: «Моя власть ограничена и поэтому я не имею возможности гарантировать надлежащее исполнение конституции». Консервативные клерикалы имеют сильные позиции во властных структурах ИРИ, включая спецслужбы, корпус стражей исламской революции. Они контролируют ряд Фондов и, в частности, Фонд обездоленных и инвалидов, который владеет 400 предприятиями в таких областях, как металлургия, строительство, текстильное производство, транспорт, а также нефтеперерабатывающей, химической и пищевой промышленности. Это дает им огромные финансовые преимущества. Не исключено, что за счет этих фондов осуществляется поддержка таких исламских организаций, как «Хезболлах», «Хамас» и других⁶.

Поддержка Ираном исламистских организаций не уменьшилась и с приходом к власти М. Хатами. В конце 1999 — начале 2000 гг. лидерам «Хезболлах» не удалось избежать напряженности в контактах с Хатами из-за его намерения сблизиться с Западом и заявления, что он не против мира между Сирией, Ливаном и Израилем, что полностью противоречило установкам организации. Под давлением консервативного крыла меджлиса министр иностранных дел ИРИ К. Харрази вынужден был заявить о поддержке Тегераном права «Хезболлах» проводить военные операции против израильтян. Что касается стоимостного эквивалента помощи Тегерана «Хезболлах», то, по некоторым данным, ежегодная помощь оценивается в 30 млн долларов, по другим — 65–100 млн долларов. Такой разброс данных возникает потому, что «Хезболлах» получает средства по линии правительственных, неправительственных исламских организаций и по линии частных

лиц разных стран. К. Харрази заявил, что Иран не оставит «Хезболлах» даже после установления мира на Ближнем Востоке. Выказываются предположения, что консервативно настроенное иранское духовенство и тесно связанные с ним элементы политической и военной элиты ИРИ выступают резко против мирного процесса в регионе, полагая, что в случае мира между арабами и Израилем США и их союзники смогут воздействовать на Иран и подорвать властные позиции указанных кругов в стране. В связи с этим правительство Хатами вынуждено занимать двойственную позицию в отношении ближневосточного урегулирования. С одной стороны, оно поддерживает восстание палестинцев и сохраняет оппозицию существованию государства Израиль, с другой — стремится сохранить свои улучшающиеся отношения с западными и арабскими странами.

Примером такой политики служит поддержка Ираном позиции Сирии по Голанам и согласие на превращение «Хезболлах» в перспективе в политическую партию, то есть фактически — на ее разоружение. Об этом сообщалось в декабре 1999 г. накануне визита заместителя министра обороны ИРИ в Бейрут. Но уже 21 декабря того же года иранское руководство скорректировало свою позицию. В заявлении МИД ИРИ, озвученном бывшим президентом А. Рафсанджани, отмечалось, что любое урегулирование на Ближнем Востоке без учета прав палестинцев является замедленной миной.

Наряду с европейским направлением важную роль в своей международной политике М. Хатами уделяет южным соседям Ирана. Восьмидневный тур М. Хатами по ряду арабских стран в 1999 г., в ходе которого иранский президент посетил Сирию, Саудовскую Аравию и Катар, во многом способствовал разрядке атмосферы в Персидском заливе. Иран установил более или менее хорошие отношения с большинством стран региона. Арабское направление продолжает оставаться важным во внешней политике ИРИ. По словам М. Хатами, «страны, имеющие выход к Персидскому заливу, и в первую очередь Саудовская Аравия, были и остаются важнейшими для Ирана партнерами».

Для Тегерана восстановление и развитие добрососедских отношений с Эр-Риядом важно не только с политической точки зрения, но, прежде всего, в силу экономических мотивов.

От единства в рядах ОПЕК во многом зависит выход иранской экономики из кризиса. Нефтяной фактор является главным политическим механизмом, регулирующим взаимоотношения Ирана и арабских стран.

Начало диалогу между Ираном и Саудовской Аравией положил визит в Эр-Рияд бывшего президента ИРИ А. Хашеми-Рафсанджани летом 1997 года.

Рафсанджани являлся первым высокопоставленным иранским представителем, посетившим Саудовскую Аравию со времени иранской революции по приглашению наследного принца Абдаллы. Из программы визита и состава делегации можно было заключить, что в делах двух стран наступил новый этап. Прежде всего это касалось вопросов экономического сотрудничества. Так, Рафсанджани заявил: «... («вместе со мной в Королевство Саудовской Аравии прибыла делегация деловых людей ИРИ, действующих в различных отраслях, чтобы придать импульс двусторонним отношениям в различных областях».

Несомненно, что визит, продолжавшийся 10 дней, на протяжении которых ряд встреч носили не только дружеский, но и сугубо практический характер, свидетельствует о масштабах сближения двух стран и их стремлении к укреплению двусторонних отношений. Рафсанджани был принят королем Фахдом и принцем Абдаллой. На встречах обсуждались перспективы расширения рамок экономического сотрудничества, а также вопросы, представляющие двусторонний интерес: проблема Ирака, Афганистана, цены на нефть, вопросы безопасности в Заливе, ближневосточное урегулирование, права палестинцев. Обсуждался и ряд острых проблем: относительно спора с ОАЭ по вопросу трех островов (Большой и Малый Томб и Абу-Муса), отношения с США и другие⁷.

Рафсанджани встретился с деловыми кругами Саудовской Аравии, призвал их активизировать двусторонние торгово-экономические связи, предложил активнее использовать квалифицированную иранскую рабочую силу. Он также подчеркнул, что иранские рынки достаточно емкие для принятия саудовского экспорта, и выразил надежду, что две страны могут наладить совместное производство в ряде отраслей экономики и выйти с полученной продукцией на рынки азиатских государств.

Инициативы А. Рафсанджани по развитию отношений с КСА вызвали недовольство консервативных кругов в ИРИ. Внешняя открытость на международной арене, провозглашенная М. Хатами, вызывает раздражение правых консерваторов, которые предпочитают действовать скрытно, так как любая абсолютная открытость «угрожает существованию консервативного крыла с юридической, правовой точек зрения, они лишаются легитимной базы существования»⁸.

Чтобы закрепить достигнутый позитив в отношениях с КСА и еще более расширить и углубить политический и экономический диапазон этих связей, в мае 1999 г. Эр-Рияд посетил М. Хатами. Эта поездка занимала важное место в общей концепции международных отношений, провозглашенных новым президентом. Особое значение имело то обстоятельство, что это была официальная поездка иранского президента в КСА. Свидетельством тому, что обе страны были крайне заинтересованы в развитии двусторонних отношений, служит и то, что они пренебрегли теми препятствиями, которые долгие годы мешали нормализации отношений между ИРИ и КСА. Это присутствие военных баз США в Саудовской Аравии, неурегулированность вопроса об островах в Персидском заливе, поддержка определенными кругами в Иране радикальной оппозиции в КСА. Несмотря на то, что эти вопросы не были разрешены, по заявлению Хатами во время переговоров с Абдаллой (которому фактически принадлежит реальная власть в стране), сторонам удалось «углубить взаимопонимание». Это заявление президента вызвало беспокойство на Западе, так как будущий король Саудовской Аравии является активным приверженцем ислама и склонен к антизападным настроениям. Особую настороженность вызвало заявление Абдаллы о том, что перед лицом продолжающегося усиления военной мощи Израиля Иран «имеет право на перевооружение в интересах собственной безопасности». Вместе с тем Абдалла уклонился от заключения военного соглашения между Саудовской Аравией и Ираном, сделанным М. Хатами⁹.

Но, несмотря на это, переговоры относительно безопасности в регионе и вооружений продолжились. Это подтвердил и визит в апреле 2000 г. министра обороны ИРИ А. Шамхани в КСА. Во время переговоров был найден общий подход к вопросам безопасности и регионального сотрудничества в Персидском заливе. Состоялись консультации и по проблеме трех островов.

После визита министр внутренних дел КСА принц Наиф заявил о скором подписании договора о безопасности с Ираном.

Важным показателем сближения Ирана и Саудовской Аравии явилось официальное приглашение короля Фахда руководителю ИРИ аятолле А. Хаменеи посетить королевство и совершить паломничество в священные мусульманские города.

Перед визитом в КСА Хатами посетил Дамаск, где обсудил с президентом Х. Асадом широкий круг вопросов взаимоотношений исламских стран, в том числе по палестинской проблеме. По некоторым данным, в беседе с иранским президентом Х. Асад

проводил мысль о том, что сближение Ирана с арабскими странами будет способствовать ослаблению позиций США в регионе и укреплению антиизраильского альянса, и выступал за идею создания при поддержке России и КНР «антизападной ирано-арабской оси»¹⁰.

Отношения между Сирией и Ираном имеют особый характер. Сирия — единственная арабская страна, сохранившая нормальные отношения с Ираном после исламской революции и во многом способствовавшая налаживанию его контактов со странами Персидского залива. «Особый» характер сирийско-иранских отношений неоднократно подвергался многочисленным испытаниям, связанным как с процессом ближневосточного мирного урегулирования, так и перепитиями арабо-иранского соперничества в регионе. Как правило, сторонам удавалось достаточно успешно справляться с возникающими проблемами. Сирийско-иранское сотрудничество носит стратегический характер, в котором заинтересованы обе стороны. Пока не разрешены вопросы, являющиеся жизненно важными для Сирии и Ирана, — израильская оккупация арабских территорий, проблема юга Ливана, будущее исламских организаций в регионе, в том числе «Хезболлах», существование государства Израиль и др. — они просто обречены на сотрудничество. Об этом свидетельствует и визит Башара Асада в Иран в январе 2000 года, во время которого была выработана совместная стратегия действий по вопросам ближневосточного урегулирования и др. Но сближение с Ираном, особенно Саудовской Аравии, вызвало беспокойство в ряде арабских государств. В конце апреля 2000 г. в Омане проходила сессия ССАГПЗ. Одним из главных вопросов сессии была проблема нормализации отношений с ИРИ. Оман высказался за развитие связей с ИРИ, которую считает братским и дружественным государством. Не дожидаясь решений Совета, Оман предпринял шаги по нормализации отношений с ИРИ. Однако большинство участников-членов Совета Сотрудничества весьма осторожно высказались за нормализацию отношений с Ираном, особо подчеркнув необходимость выработки четких и ясных формулировок и осторожных подходов, прежде всего в вопросах координации с ИРИ проблем безопасности, совместной обороны и т. п. Напряженность отношений к ИРИ со стороны некоторых арабских стран объясняется нерешенностью вопросов о трех островах и наличии проиранских исламских организаций на территории этих государств. Иран ведет, на наш взгляд, двойственную политику в отношении островов — Абу-Муса, Большой и Малый Томб. С одной стороны, он заявля-

ет о готовности вести переговоры о статусе островов, с другой — делает все возможное для выселения с островов подданных ОАЭ и замены их иранцами.

Интересно мнение относительно проблемы островов А. Тасхири, отвечающего за внешние связи в канцелярии А. Хаменеи и курирующего работу всех культурных центров ИРИ за рубежом. Он отмечает, что эта проблема намеренно обостряется Западом для решения собственных задач в регионе. Этот вопрос, по его мнению, может быть решен путем переговоров, мирными средствами. Но Запад предпочитает не решать его вовсе или же решать с позиции силы, как только появляются первые признаки взаимопонимания. По оценке Тасхири, нет иного пути решения проблемы островов, как только путем «братского диалога между соседями». В то же время Тасхири избегает говорить о принадлежности островов¹¹. По статусу островов, как можно заключить по ряду высказываний официальных представителей, в самой ИРИ нет единства мнений. Так, например, в сентябре 2000 г. представитель внешнеполитического ведомства Ирана Р. Асефи заявил о том, что острова являются неотъемлемой частью Ирана и только с этой позиции возможны переговоры с ОАЭ.

Свидетельством нового, более открытого внешнеполитического курса ИРИ стало улучшение ирано-египетских отношений. После официальной встречи министров иностранных дел двух стран в 1998 году появились признаки сближения Ирана и Египта — не только в сферах политики и экономики, но и информации и культуры. Страны стали координировать свои усилия в смягчении политической обстановки на Ближнем Востоке, участвовать в подготовке документов ОИК и др. Началось развитие ирано-египетских отношений в экономической сфере. В октябре 1999 г. больше тридцати египетских компаний приняли участие в Тегеранской Международной ярмарке. Иранская сторона демонстрировала свои товары на Каирской Международной Ярмарке. Впервые за 20 лет были заключены соглашения по совместным проектам. Наиболее важный — по производству автомобилей. Египет строит 5 сахарных заводов на юге Ирана, общей стоимостью 150 млн долл. На улучшение отношений с Египтом идут и консервативные силы в руководстве ИРИ. Они уже не выставляют выполнения определенных условий: разрыв мирного договора с Израилем и уничтожение могилы шаха в Египте. В свою очередь и Египет отказался от своих условий восстановления отношений с Ираном. Но налаживание отношений требует времени. На пути их сближения стоят такие препятствия, как региональное соперничество, соображения на-

чество, соображения национальной безопасности и разногласия в подходе к ряду международных проблем, и другие.

С приходом М. Хатами наметился определенный прогресс в отношениях с Ираком. Иран пытается придать ирано-иракским отношениям более дружественный характер. В то же время и Ирак пересматривает свою политику в отношении Тегерана, учитывая угрозу военного политического сближения Турции и Израиля под патронажем США. Взаимные визиты официальных представителей двух стран способствовали смягчению ирано-иракских отношений. Важнейший спорный вопрос между Ираном и Ираком — это военнопленные. Со времени войны Иран освободил 55,5 тыс. военнопленных, Ирак — 39,5 тыс. иранцев. В ИРИ остаются около 13 тысяч иракцев, но многие попросили политического убежища, в Ираке — 2800 пленных иранцев. Кроме того, Ирак требует возврата самолетов, удерживаемых в Иране. Иранское руководство настаивает на закрытии на иракской территории баз анти-иранской организации «Моджахедин-е хальк», которая периодически осуществляет военные операции против ИРИ. Сложности в ирано-иракских отношениях присутствуют и в курдском вопросе. Ирак обвиняет Иран в участии подразделений КСИР в военных операциях против отрядов Барзани. Иран категорически отрицает это, указывая, что от соперничества курдских группировок страдает, прежде всего, сам Иран, так как сотни тысяч беженцев переходят его границу. ИРИ стремится способствовать урегулированию курдского конфликта.

29 сентября 2000 г. в Каракасе по просьбе вице-президента Ирака Тарика Азиза в рамках ОПЕК состоялась встреча с М. Хатами. Иранский президент выступил против вмешательства США во внутренние дела Ирака и поддержал идею территориальной целостности соседней страны. В то же время Хатами сдержанно отнесся к идее одностороннего прорыва блокады Ирака. В октябре 2000 г. министр иностранных дел ИРИ К. Харрази на встрече в Багдаде с С. Хусейном заявил о стремлении Ирана нормализовать двусторонние отношения и их укрепление на принципах алжирского соглашения 1975 года. Все это говорит о том, что взятый внешнеполитический курс М. Хатами развивается успешно. Благодаря своей миролюбивой политической линии, нацеленной на диалог и открытость с арабскими странами, прежде всего со странами Залива, линия на поиск общих путей обеспечения безопасности в регионе обеспечила Ирану успешную работу сессии ОИК в Тегеране в декабре 1997 г. и последующее председательство в этой организации, пробив брешь в американской политике «двой-

ного сдерживания», способствовала налаживанию и развитию отношений с КСА и другими странами Персидского залива. Но установление дружественных отношений с большинством арабских стран — это первый шаг в нормализации обстановки в Персидском заливе. Иран крайне заинтересован в том, чтобы войти в общеарабские организации региона в качестве полноправного члена. Одним из препятствий к этому остается сохранение активной военной доктрины как ИРИ, так и стран Залива.

Развитие и модернизация Ираном своего ракетного оружия, прежде всего ракет дальнего радиуса действия, способных поражать цели на значительной части территории Ближнего Востока, имеет главной своей целью желание иранского руководства принять более активное и действенное участие в разворачивающейся в настоящее время в регионе борьбе за стратегическое превосходство в постконфронтационный период, а в тактическом плане добиться включения ИРИ в систему коллективной безопасности в Персидском заливе¹².

Иранские военные маневры и испытания новой ракеты «Шехаб 3» не вызывают уже той озабоченности, что была раньше. Более того, официальные лица КСА, Кувейта, Йемена и др. заявили, что иранские ракеты не представляют угрозу для стран Персидского залива. Это свидетельствует о наличии изменений в подходе к определению угроз национальной безопасности арабов и пересмотре их позиций по отношению к Ирану и его роли в регионе¹³.

Если отношения ИРИ с арабским альянсом постепенно налаживаются, то на западных границах страны и, в частности, отношения с Турцией остаются напряженными. Турецкое-израильское сближение, которое является одним из ключевых элементов американского плана по созданию на Ближнем Востоке системы региональной безопасности, вызывает обеспокоенность Ирана и арабских государств. В этой связи, как мы видели выше, усиливаются диалоги по проблеме создания военного союза ИРИ, САР, АРЕ, КСА и других стран с целью противодействия турецко-израильскому военно-политическому альянсу и американским планам по подключению к нему Иордании и Пакистана¹⁴.

Другой серьезной проблемой ирано-турецких отношений является их соперничество за влияние в центральноазиатском регионе. Иран объективно является конкурентом Турции в данном регионе. В своей экономической стратегии ИРИ заинтересована в обеспечении рынков для своих товаров, разработке нефти и газа, развитии сети по транспортировке энергоносителей в государствах Средней Азии. Эти же цели преследует и Турция, за спиной

которой стоят США. Политика в Средней Азии и на Кавказе рассматривается турками как поле противодействия Ирану и его внешнеполитическим и экономическим планам. Так, в Средней Азии уже действуют свыше 3 тысяч турецких компаний, а ежегодный объем экспорта в эти регионы составляет более 10 млрд долл. В результате прихода нового президента М. Хатами политика ИРИ в центральноазиатском регионе несколько активизировалась. Используя свои прочные связи с Туркменистаном и, отчасти, с Азербайджаном, Иран стремится перехватить проекты по доставке нефтегазового сырья из региона.

Напряженность отношений Турции и Ирана связана также с тем, что Иран, по мнению Турции, поддерживает действующие в Турции радикальные фундаменталистские группировки: «Командос Иерусалима», «Исламское движение», «Селям», «Хезболлах» и другие. Согласно заявлению министра внутренних дел Турции Т. Тантала, Иран неоднократно фигурировал в делах об убийствах журналистов и общественных деятелей Турции.

В то же время, говоря об отношениях двух соседних государств и несмотря на существующие между ними политические разногласия, экономический императив в значительной мере воздействует на развитие двусторонних связей. Так, несмотря на активное противодействие США, началась реализация проекта по строительству газопровода из Ирана в Турцию.

Вследствие многих факторов, как политических, так и экономических, Иран все больше приобретает роль союзника России. Несмотря на то, что он не является непосредственным соседом РФ, он граничит со многими государствами СНГ, с которыми Россия поддерживает особые отношения. Нестабильность и переменчивость ситуации в Средней Азии и Закавказье беспокоят как российских, так и иранских политиков с точки зрения обеспечения безопасности региона. Поэтому позиции России и Ирана по ряду конфликтных ситуаций, возникающих в регионе, достаточно близки. Это таджикская проблема, положение в Афганистане, разграничение Каспийского моря и другие. Иран оказывает противодействия устремлениям Турции и усилиям Пакистана в проникновении в Центральную Азию, что, несомненно, отвечает интересам России.

Во время визита в Тегеран председателя совета безопасности И. Иванова в конце 1999 г. было передано официальное приглашение М. Хатами посетить Россию. В беседе М. Хатами отметил единство взглядов Ирана и России на обстановку в регионе и указал на большие возможности ирано-российского сотрудниче-

ства в технической, научной, промышленной и торговой сферах. Он также отметил эффективность взаимного сотрудничества в деле нормализации ситуации в регионе. В экономическом плане Иран — торговый партнер, емкий рынок для российской промышленности. В последние годы товарооборот достигал 500—600 млн долларов. Товарооборот может быть увеличен за счет развития нефтегазовой отрасли. Участие России в разработке крупных нефтегазовых месторождений в Иране открывает широкие возможности для развития сотрудничества и в других отраслях, и в торгово-экономических отношениях в целом. Хорошие перспективы в области тепловой и атомной энергетики. Успешно продолжается сотрудничество сторон по сооружению АЭС в Бушере. В 1999 г. был подписан протокол по организации в Иране лицензированного производства самолетов. Широкое поле деятельности имеется в области транспорта. Иран приветствовал решение России отказаться от соглашения США от 1995 г. не продавать ИРИ обычные виды вооружений. Торговля оружием — одно из наиболее выгодных направлений двустороннего сотрудничества. С конца 80-х годов общая стоимость поставленных в Иран из России вооружений превысила 2,5 млрд долларов. Планируются новые поставки российских вооружений в Иран на сумму в 4 млрд долларов. Данное соглашение вызывает резкое неприятие со стороны Запада и, прежде всего, США, не исключая попыток Тегерана по развитию ядерной энергетики и переориентации ее на военные программы. Как опасного конкурента оценивает Вашингтон планы российского Газпрома участвовать в газовых месторождениях на юге Ирана.

На фоне складывающейся международной обстановки и положения в регионе России выгодно расширять партнерское сотрудничество с Ираном. Это позволяет России в определенной степени использовать в своих интересах позиции Ирана по многим международным проблемам, включая сюда и ситуацию, складывающуюся в центральноазиатском регионе. Изоляция Ирана заставила его в избежание ущерба партнерству с Россией проводить политику пассивной поддержки российской политики на постсоветском пространстве (Таджикистан, Карабах, Каспий и т.п.) и не оказывать содействия религиозным и сепаратистским течениям в самой РФ (Чечня и другие республики Северного Кавказа). Но, учитывая некоторую нестабильность внутренней обстановки в Иране, в перспективе может произойти смещение приоритетов и во внешнеполитических вопросах.

Если же М. Хатами и его сторонникам удастся наладить активные контакты со странами Запада и США, политическое значение России для Ирана уже не будет столь велико и может произойти

постепенное вытеснение ее с иранского рынка, вследствие чего она может потерять многомиллионные контракты, особенно в военно-технической сфере. Но при этом, конечно, нельзя недоучитывать заинтересованность Ирана в широком российском рынке и фактор длительных традиционных русско-иранских связей.

В последние годы внешнеполитический курс, провозглашенный М. Хатами, дает свои позитивные результаты. Решение проблем и разногласий с различными государствами на основе «диалога и логики» способствует взаимопониманию и улучшению отношений между странами. Иран стал более открытым, радушно принимает у себя иностранных туристов, идет на контакты со многими государствами. Осуществляется девиз, провозглашенный президентом, — «налаживание диалога между культурами и цивилизациями».

В настоящее время в мире создаются благоприятные условия для интеграции Ирана в международное сообщество, для развития и углубления отношений со странами Азии, Европы и США. Необходимо, чтобы иранское правительство более активно воспользовалось сложившейся ситуацией, что имеет немаловажное значение не только для международного престижа Ирана, но, прежде всего, для экономической и финансовой стабилизации страны.

¹ Аль-Мухаррир Ньюс, № 156, 1998, с. 11.

² Middle East. February, 1997.

³ Аль-Васат. № 322, 1998, с. 25–26.

⁴ Там же.

⁵ Intelligence Newsletter. № 377, 2000, с. 5.

⁶ Intelligence Digest. April, 1999, с. 3.

⁷ Аль-Васат. № 318, 1998, с. 22.

⁸ Там же. № 325, 1998, с. 12.

⁹ Intelligence Digest. May, 1999, с. 3.

¹⁰ Jane's Defense Weekly. June, 1999, с. 14.

¹¹ Аль-Васат. 28.02. 1996, с. 28–29.

¹² Аль-Хавадис. 11.09. 1998, с. 20.

¹³ Аль-Васат. № 322, 1998, с. 26.

¹⁴ Аль-Мухаррир Ньюс. № 157, 1998, с. 6.

СВЕРХДЕРЖАВЫ И ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА ИРАН (точка зрения)

История взаимоотношений Исламской Республики Иран (ИРИ) со сверхдержавами имеет свою длительную предысторию, которая относится к тому времени, когда в международной практике еще не использовалась сама категория «сверхдержава» и речь шла просто о мировых державах. До 1917 г. это была царская Россия. С 1918 г. ее место заняла Советская Россия, а затем СССР. Из западных держав такой великой державой вплоть до второй мировой войны оставалась Англия. Со времени второй мировой войны вплоть до Иранской революции 1978–1979 гг. такую роль занимали США. Англия была отодвинута на второй план.

До второй мировой войны характер взаимоотношений Ирана с СССР и Англией в значительной мере может быть охарактеризован как противостояние этим державам. Со времени второй мировой войны, когда место Англии заняли США, в предыстории взаимоотношений Ирана с великими державами произошло принципиально важное изменение. Продолжалось политическое противостояние Ирана Советскому Союзу, хотя и сочетавшееся с результативным экономическим и техническим сотрудничеством в 60–70-е годы. Отношение же Ирана к США стало определяться стремлением США превратить Иран в своего стратегического союзника, стремлением, с готовностью встреченным монархией Пехлеви.

С падением монархии Пехлеви и образованием Исламской Республики Иран завершилась предыстория вопроса и началась история противостояния ИРИ сверхдержavam в лице США и СССР.

Это противостояние, хотя и не лишенное объективных причин, имело прежде всего внутривосточную основу, определенную волей имама Хомейни. Будучи облечено в религиозно-политическую форму, указанное противостояние получило свое

достаточно полное словесное выражение в следующих внешнеполитических формулах: «Большой сатана» (США), «Малый сатана» (СССР). (Следует пожелание смерти обоим.) «Не западный, не восточный. Исламский». (Имеется в виду мир, мироустройство.) Указанные формулы сочетались с концепцией «экспорта исламской революции» как основополагающего принципа внешнеполитического курса ИРИ в первые годы ее существования.

Образ действий США в Иране в конце 1978 — начале 1979 гг. (в частности двусмысленная природа миссии Хайзера), как и события 14 февраля 1979 г. (захват ряда сотрудников посольства США и быстрое освобождение их по приказу имама Хомейни) дает основание считать, что предельный антиамериканизм, проявленный в последующий период, диктовался прежде всего внутривнутриполитическими целями, то есть стремлением имама Хомейни максимально укрепить на волне этого антиамериканизма власть нового правления — исламского правления — внутри страны.

Антисоветизм, проявленный исламским правлением в первые годы существования ИРИ, носил, прежде всего, превентивный характер. Это определялось как страхом перед сверхдержавой с коммунистической идеологией, так и в немалой степени был вызван событиями в Афганистане и вводом советских войск в эту страну.

Распад СССР и появление на международной арене Российской Федерации как великой державы принципиальным образом изменил геополитическое положение ИРИ: если Советский Союз с его коммунистической идеологией и более чем двухтысячекилометровой границей с Ираном уподоблялся в сознании многих иранцев гигантской скале, нависшей над Ираном, которая может обрушиться на него, то с появлением Российской Федерации основания для подобных опасений оказались снятыми. Уже поэтому проблема противостояния ИРИ северному соседу в прежнем виде также оказалась снятой.

Противостояние ИРИ США с осени 1979 г. по настоящее время исторически оказалось оправданным лишь с одной точки зрения: оно показало и США, и всему миру, и иранскому народу, что ИРИ способна проводить подлинно независимую внешнюю политику, политику, свободную от необходимости лавировать между двумя или несколькими державами.

Противостояние с США стоило и стоит ИРИ больших потерь в развитии экономики: Иран лишил себя, возможно, важнейшего источника получения техники и технологии, необходимых прежде всего для развития нефтедобывающей промышленности. Это

цена, которую ИРИ заплатила за свою независимую от США политику. Указанная потеря может быть оправдана лишь в рамках формулы «Париж стоит мессы».

В настоящее время важнейшим аспектом многогранной проблемы «ИРИ и сверхдержавы» является аспект определения Ираном своего отношения к ним как к державам ядерным. Этот аспект осложняется тем, что и на запад от ИРИ, и на восток от нее есть государства, располагающие ядерным оружием (Израиль — с одной стороны, Пакистан, Индия и Китай — с другой).

Указанное обстоятельство делает понятным озабоченность ИРИ отсутствием у нее ядерного оружия.

Безотносительно к тому, станет ли ИРИ ядерным государством или нет, фундаментальные национальные интересы ИРИ делают необходимым рассматривать возможное появление этого оружия у нее только как фактор, содействующий сосредоточению усилий государства в развитии экономического и социального потенциала страны.

Только при таком подходе возможное превращение ИРИ в ядерное государство может быть понято: при всей значительности успехов, достигнутых ИРИ в 90-е годы в развитии своих производительных сил, своего экономического потенциала, задача преодоления экономической отсталости в условиях высоких темпов роста населения остается нерешенной. Экономическое развитие ИРИ, взятое с точки зрения вступления страны в сообщество экономически развитых государств, носит асимптотический характер. Для преодоления этого необходим скачок, который может быть осуществлен (если он вообще возможен) только в сугубо мирных условиях бытия ИРИ.

Это можно назвать причудливой иронией судьбы, однако факт остается фактом: в не меньшей чем ИРИ степени в проведении миролюбивой политики нуждается такая ядерная держава, как Российская Федерация: нынешнее экономическое положение ее таково, что развитие ее экономики, с точки зрения достижения ею положения экономически высокоразвитой державы, сохранило и в еще большей степени, чем раньше, приобрело асимптотический характер. Преодоление этой асимптотичности для Российской Федерации не менее необходимо, чем для Исламской Республики Иран.

ИРАН И СТРАНЫ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: ОТНОШЕНИЯ РАЗВИВАЮТСЯ

С начала 80-х годов XX в. отношения ИРИ со странами Западной Европы переживали период упадка. Политические и культурные контакты были практически прекращены. Экономическое сотрудничество, активно развивавшееся в предшествующие десятилетия, находилось в зависимости от внутри- и внешнеполитических факторов. Такое положение объяснялось политикой исламского руководства, выдвинувшего в послереволюционный период антизападные лозунги и спровоцировавшего захват американских заложников, а затем развязавшего ирано-иракскую войну. Ответом на эти действия стал разрыв США отношений с Ираном и объявление ему экономической блокады, к которой присоединилось и Европейское сообщество.

Национализация крупной промышленности и банковской системы, конфискация активов иностранных банков и компаний, активное вмешательство государства в экономику страны, мероприятия по ослаблению зависимости иранской промышленности от импорта, строгий контроль за внешним и внутренним рынком делали экономику ИРИ малопривлекательной для деловых кругов Запада.

Однако изменение экономического курса в Иране после завершения войны с Ираком, целью которого стал выход из глубочайшего экономического кризиса и восстановление разрушенной войной промышленности, потребовало восстановления традиционных внешнеэкономических связей с Западной Европой. Правительство ИРИ предприняло попытки наладить отношения с членами Европейского Союза. Однако в результате вынесения иранскими властями смертельного приговора С. Рушди в марте 1989 г. и совершения ряда террористических актов против иранских оппозиционных режиму политических деятелей на территориях европейских стран (руководителя организации «Моджахеддин-е

Халг» К. Раджави в Швейцарии в 1990 г., Шахпура Бахтиара в Париже в 1991 г., лидеров Демократической партии Иранского Курдистана в Берлине в 1992 г.) напряженность в отношениях ИРИ и стран Западной Европы усугубилась. Активная пропагандистская кампания иранских эмигрантов, проживающих в Европе, выступающих против исламского диктатора и нарушения прав человека в ИРИ, оказывала давление на общественное мнение и создавала отрицательный имидж властям Тегерана.

Тем не менее руководство ИРИ продолжало изыскивать возможности для размораживания отношений с европейскими государствами, поскольку дальнейшее упрочение экономического потенциала страны зависело от развития внешнеторговых связей. Для восстановления основной экспортной отрасли — нефтяной промышленности — требовались огромные капиталовложения, технологии, новое оборудование. Экономика Ирана была традиционно связана с Европой: оттуда получала запчасти и новое оборудование, техническую помощь. На европейском рынке находили спрос не только товары традиционного экспорта — ковры, икра, сухофрукты, кожи, но и иранская сталь, текстиль. Определенные сдвиги в отношениях Запада и ИРИ произошли в декабре 1992 г., когда лидеры государств Евросоюза на сессии в Эдинбурге заявили о необходимости пересмотреть свое отношение к Ирану и перейти от политики конфронтации к критическому диалогу (гофтогу-йе энтегади). Такое решение стран Западной Европы было принято вопреки стремлениям США создать после распада СССР единственный «полюс силы».

По завершении ирако-кувейтского конфликта США удалось значительно упрочить свое положение в районе Персидского залива и на Ближнем Востоке и практически осуществлять полный контроль за экспортом нефти из этого региона. В сложившейся ситуации ИРИ осталась единственным неподконтрольным США поставщиком энергетического сырья в Европу, обладающим определенным политическим и идеологическим влиянием в регионе Ближнего Востока. Учитывая эти факторы, а также ее потенциальные возможности «моста» между Европой и Азией, Севером и Югом, европейские государства посчитали возможным вступить в переговоры с Тегераном. Определенную положительную роль сыграло и содействие иранских властей в деле освобождения европейских заложников, захваченных исламскими организациями в Ливане. Лидеры ЕС выразили надежду на дальнейшую помощь ИРИ в урегулировании ситуации в этой стране, на что президент ИРИ Хашеми-Рафсанджани в ответных посланиях руководителям европейских государств выразил готовность к диалогу.

Несмотря на резко отрицательную реакцию США на данные инициативы, а также на объявление ими политики «двойного сдерживания» по отношению к Ирану и Ираку, официальные и деловые круги стран Западной Европы пошли на частичное восстановление контактов с ИРИ. Особое внимание уделялось восстановлению развития нефтяной промышленности Ирана. Ответной реакцией США стало принятие закона «Д'Амато», согласно которому неамериканские компании, вкладывающие более 40 млн долл. в нефтегазовые отрасли Ирана и Ливии, попадали под экономические санкции. Официальным обоснованием для введения этого закона стала борьба с террористическими режимами.

Страны Западной Европы, хотя и присоединились к резолюциям, осуждающим связь государственных структур Тегерана с террористическими организациями, выразили несогласие с такой линией Вашингтона. Тем не менее многие компании воздержались от заключения контрактов с Ираном.

Новый виток напряженности в отношениях ИРИ с Западной Европой возник в начале 1997 г. в связи с делом Миконоса¹. Поскольку официальные иранские власти категорически отрицали какое-либо свое участие в убийстве курдских оппозиционеров в Берлине, разразился скандал, и послы всех стран Европейского содружества покинули Тегеран. Выборы нового президента ИРИ, объявленная им программа либерализации иранского общества и намерения нормализовать отношения со всеми государствами мирового сообщества позволили двум сторонам вступить на путь урегулирования проблем, накопившихся за 20-летний период.

Новый президент ИРИ М. Хатами, избранный на этот пост в мае 1997 г., выступил за дипломатическую открытость, развитие диалога со всеми государствами, представителями различных конфессий и культур, призвал к уважению международных законов и прав человека, осудил всяческие проявления терроризма. Эти новые моменты во внешнеполитической линии ИРИ были положительно оценены на Западе. Необходимо отметить, что, возлагая надежды на Хатами, политические деятели западных стран осознают, что основная цель внешней политики исламского Ирана остается неизменной — ренессанс ислама как мировой цивилизации, и нынешнее руководство ИРИ лишь модифицировало методы ее достижения, выдвинув идею диалога цивилизаций и сделав акцент не на политический, а на культурный аспект². Однако в условиях усиления процесса глобализации Западная Европа, стремящаяся в противовес США упрочить свое положение в системе международных экономических отношений, проявила оп-

ленную заинтересованность в расширении многостороннего сотрудничества с Ираном.

Как представляется, одним из приоритетных направлений внешней политики ИРИ с 1998 г. является нормализация в полном объеме отношений со странами Западной Европы. Такая линия обусловлена как международными, так и внутренними экономическими и социальными факторами, среди которых надо отметить следующие:

1. За послереволюционный период ИРИ не удалось стать ни мировым, ни даже региональным лидером исламских государств. Усилившиеся позиции США в регионе Ближнего и Среднего Востока, активное их проникновение на Кавказ и Среднюю Азию, стремление контролировать углеводородные ресурсы Каспийского моря создают непосредственную угрозу интересам ИРИ. Многолетняя нестабильность в Афганистане, попытки талибов дестабилизировать ситуацию в Таджикистане представляют опасность для территориальной целостности страны.

2. Иран, на наш взгляд, не способен полностью решить проблему афганских и иракских беженцев, присутствие которых оказывает сильное давление на социально-экономические структуры страны.

3. Ежегодно ИРИ несет значительные материальные расходы и человеческие жертвы в ходе борьбы с контрабандой и распространением наркотиков. Остановить наркотрафик из этого региона возможно лишь коллективными усилиями членов международного сообщества.

4. Выше уже упоминалось о традиционной зависимости экономики страны от европейского экспорта и значимости иностранных капиталовложений для восстановления всех отраслей хозяйства, особенно нефтегазового комплекса. Ухудшение финансового положения Ирана в результате падения цен на нефть во второй половине 90-х годов привело к тому, что завершение более 6 тыс. экономических проектов на сумму более 22 тыс. млрд риалов оказалось невозможным³.

5. Перед правительством Ирана встала и проблема выплаты внешних задолженностей. Только до конца 1998 г. было необходимо оплатить краткосрочных займов европейским государствам и Японии на сумму около 3 млрд долларов. ИРИ не располагала такими финансовыми ресурсами. Встала необходимость вступления в переговоры с кредиторами и реструктуризации долгов.

6. Достаточно острой для ИРИ является проблема безработицы. По официальным данным на 1998 г. в стране насчитывалось 2,8 млн человек, не имеющих работу (т.е. уровень безработицы составлял

13,5%)⁴. Решению этой проблемы через предоставление новых рабочих мест могли бы помочь иностранные капиталовложения.

Необходимость перестройки отношений с западным миром вызывалась и определенным изменением настроений внутри иранского общества. Сегодня больше половины населения страны составляет молодежь, которая родилась уже после революции и стремится иметь доступ к современным информационным технологиям. Значительные изменения произошли и среди основной прослойки, выступившей 20 лет назад против монархии Пехлеви, — базариха (мелкие и средние торговцы). На смену поколению, участвовавшему в революции, пришли более молодые, образованные, воспитанные в религиозных традициях, но и осознающие неизбежность процесса интернационализации национальных экономик и стремящиеся к установлению широких связей с другими социально-экономическими структурами. Именно эти новые представители городских средних слоев и поддержали на выборах Хатами и его программу. Необходимость учета их интересов дала возможность команде нового президента перестраивать отношения с западными странами.

Период 1998–2000 годов можно назвать прорывом ИРИ на Запад. Уже в первой половине 1998 г. состоялись первые контакты глав руководителей внешнеполитических ведомств ИРИ и стран Западной Европы, в ходе которых подчеркивалось обоюдное стремление сторон к нормализации отношений. В сентябре 1998 г. в ходе очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН между министрами иностранных дел Великобритании и ИРИ была достигнута договоренность о восстановлении дипломатических отношений на уровне послов⁵.

В марте 1999 г. состоялся государственный визит Президента ИРИ М. Хатами в республику Италия. Эта страна была выбрана неслучайно для первого за 20-летний период выезда руководителя Ирана в Западную Европу. В отношениях двух стран не было острых проблем, торговые связи двух стран развивались постоянно. Италия по праву считается наследницей древней римской культуры, и поэтому руководство ИРИ, выдвинувшее идею диалога цивилизаций, отводит этой стране особое место. Большое значение для развития контактов с западным миром играла и встреча М. Хатами с Папой Иоанном Павлом II.

С этого момента в отношениях ИРИ и Западной Европы наблюдается активизация контактов представителей государственных и общественных структур и деловых кругов, и в их отношениях начинается переход от периода «критического диалога» к экономическому партнерству.

В сентябре 1999 г. Тегеран посетил президент Австрии, в октябре М. Хатами прибыл во Францию. Хотя этот его визит и не имел статуса государственного (президента ИРИ принимали как гостя ЮНЕСКО и личного гостя президента Ж. Ширака), он положил начало новому этапу в отношениях двух стран. Целый ряд проблем (присутствие на территории Франции штаб-квартиры оппозиционной иранскому режиму организации «Моджахеддины Халг», возвращение ИРИ 1 млрд долларов, вложенных еще иранским шахом во французский атомный консорциум «Евродиф», убийство Ш. Бахтияра), вызывавших конфронтацию в отношениях двух государств за прошедший период, осложнял переговоры. Однако на данном этапе лидеры Ирана и Франции высказались за развитие политического и экономического диалога.

Другие европейские государства не захотели остаться в стороне от процесса нормализации отношений с Ираном. В марте 2000 г. с официальным визитом в Лондон был приглашен министр иностранных дел ИРИ К. Харрази. В ходе его встреч с премьер-министром Т. Блэром и госсекретарем по иностранным делам Р. Куком были обсуждены вопросы нормализации отношений двух стран, в том числе финансовые долги Ирана, а также выявлены общие проблемы, при решении которых обе стороны могли бы активно сотрудничать: трафик наркотиков, борьба с терроризмом, помощь иракским беженцам, ограничение оружия массового поражения. Было подчеркнуто, что, хотя Иран и Великобритания имеют различный подход к урегулированию на Ближнем Востоке, обе стороны могут вести диалог для нормализации политического и экономического положения этого региона. Была отмечена роль ИРИ как председателя Организации Исламской конференции в начавшемся диалоге с Евросоюзом⁶.

Развитие контактов ответственных лиц ИРИ с представителями европейских стран набирало темпы. В июне К. Харрази находился с визитом в Швейцарии. Обе стороны выразили надежду на успешное развитие в будущем политических и экономических связей, отметили необходимость взаимных контактов для урегулирования ситуации в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, борьбе с распространением наркотиков. В ходе этого визита, как и во время встреч представителей ИРИ с политическими деятелями Запада, постоянно поднимался вопрос о борьбе с терроризмом и причастности Ирана к совершению ряда террористических актов в прошлом. Правительство Швейцарии потребовало проведения расследования внутри Ирана по делу об убийстве К. Раджави. В ответ Тегеран предложил заключить совместное соглашение о взаимном сотрудничестве по судебным-правовым вопросам⁷.

Новые горизонты открылись и в отношениях между Тегераном и Берлином. Германия потенциально могла стать основным торговым партнером Ирана. Однако нормализации отношений двух стран препятствовали как сильное давление США и Израиля, с одной стороны, так и противодействие иранской эмиграции — с другой. Тем не менее в июле 2000 г. состоялся официальный визит М. Хатами в Берлин, продемонстрировавший приоритет экономических интересов в отношениях двух стран.

Продолжали развиваться отношения ИРИ и с государствами Западной Европы, с которыми ранее не возникало серьезных конфликтных ситуаций: Голландией, Бельгией, Испанией, Австрией и другими.

В ходе визитов иранских делегаций в Италию, Францию, Германию особое внимание уделялось обсуждению экономических вопросов. За период 1993—1997 гг. значительно снизился товарооборот между ИРИ и странами ЕС. Так, экспорт из Германии — основного поставщика на иранский рынок — сократился с 4 млрд долларов в 1993 г. до 1,8 млрд в 1997 г. Совокупный импорт ИРИ в страны Евросоюза в 1993 г. составлял 9,6 млрд долл., или 46,3% общего импорта страны, а в 1997 г. — 6,1 млрд долл., или 43,6%⁸. Помимо чисто политических причин на снижении товарооборота отразились и другие факторы. Иран был включен в список рисков, т.е. тех стран, которые не могут гарантировать безопасность капиталовложений. В связи с этим были установлены дискриминационные пошлины на ввозимые товары. Иран также попал в число государств, в которые запрещен экспорт товаров двойного назначения. Представители ИРИ требовали снять ограничения на развитие торгово-экономических связей. В частности, в ходе визита К. Харрази в Швейцарию было заключено соглашение о взаимных гарантиях инвестиций и предотвращении двойного налогообложения. Страны ЕЭС по просьбе иранской стороны согласились пересмотреть сроки погашения краткосрочных займов, в результате чего банки Италии, Германии и Франции открыли для экспорта в Иран кредитные линии. Были установлены контакты представителей деловых кругов и заключены новые экономические соглашения.

Из наиболее крупных контрактов можно назвать соглашение с итальянскими фирмами о строительстве 30 газовых турбин мощностью 4700 мегаватт электроэнергии, контракт с немецкой «Lurgi Firm» о строительстве крупнейшего в Иране завода по производству метанола, закупке 100 локомотивов во Франции, строительстве железных дорог, госпиталей, водоочистительных станций с австрийскими фирмами, завода по производству товаров бытовой химии в Керманшахе с испанской компанией и другие.

Для иностранных инвесторов Иран привлекателен своей дешевой, но достаточно квалифицированной рабочей силой, дешевой электроэнергией, сравнительно развитой системой коммуникаций, наличием богатых природных ресурсов, объемным внутренним потребительским рынком и возможностью доступа на рынки соседних среднеазиатских государств.

За прошедший год значительно увеличился торговый обмен ИРИ со странами Западной Европы. За 9 месяцев 2000 г. (январь–сентябрь) по сравнению с соответствующим периодом 1999 г. экспорт Ирана в страны Евросоюза удвоился, импорт возрос на 29%. Отметим, что основной прирост экспорта в денежном исчислении произошел за счет роста цен на нефть, однако и объем ненефтяного экспорта ИРИ возрос на 28%. Самым крупным экспортером в Иран остается Германия. За этот же период ее экспорт в Иран увеличился на 32%. Основным импортером продолжает оставаться Италия. Объем иранского импорта в эту страну за указанный период возрос на 81%⁹. Возобновилась деятельность Британо-иранской торговой палаты.

Особый интерес западными инвесторами был проявлен к нефтегазовому сектору. Еще в 1995 г. французская нефтяная компания «Тотал» заключила с Иранской национальной нефтяной компанией (ИННК) контракт на сумму 600 млн долларов на разработку нефтяных полей Сири в Персидском заливе. Работы продолжались даже в период введения американских санкций на сотрудничество с Ираном. С конца 1998 г. на этом месторождении началась добыча нефти. В 1997 г. та же «Тотал» в консорциуме с малайзийской компанией «Петронас» и российским Газпромом заключила договор на разработку газа в области Южный Парс на сумму более 2 млрд долларов. В 1999 г. в ходе визита президента Ирана в Италию был подписан контракт на разработку нефтяного месторождения Доруд с компаниями «Эни» (Италия) и «Элф» (Франция). Международные нефтяные компании после 20-летнего перерыва поспешили вернуться в Иран. Причем европейские фирмы в отсутствие своих американских конкурентов стремятся заполнить все ниши. Не пожелала отстать от своих традиционных партнеров английская Шелл. Она выразила желание участвовать в расширении старых нефтепромыслов: Ахваза, Бангестана и Агаджари. «Шелл» совместно с компанией «Ласмо» заключила контракт на проведение разведочно-буровых работ в иранской части Каспийского моря. В сентябре 2000 г. был заключен контракт с Бритиш Газ Груп на производство и экспорт сжиженного газа на сумму 1 млрд долл. Необходимо отметить, что все контракты заключаются ИННК по формуле «buy-back», т.е. иностранные компании выступают под-

рядчиками, так как, согласно Конституции ИРИ, это единственная форма, позволяющая привлекать иностранные инвестиции.

В Иране уделяют большое внимание развитию сотрудничества в сфере среднего и мелкого бизнеса. Основным партнером в этой области для иранских предпринимателей становятся итальянские фирмы.

Правительство ИРИ стремится создать более привлекательные условия для работы иностранных компаний в стране. Либерализируется банковское законодательство, активно развиваются свободные экономические зоны, проводятся международные тендеры. Так, в конце 2000 г. был организован Первый Международный конгресс по иностранным инвестициям, в ходе которого объявлен тендер на 1250 проектов, среди которых скоростные дороги, железнодорожные участки, мосты, тоннели, торговые центры, отели и пр. Однако серьезное сопротивление привлечению иностранных фирм в экономику страны оказывают консервативные элементы, сохраняющие свои позиции в органах власти ИРИ. Большие надежды возлагались на выборы нового состава меджлиса, прошедшие в феврале 2000 г. Хотя победу на выборах одержали сторонники реформ, до сих пор им не удалось провести кардинальных законопроектов в социальной или экономической областях. Единственным достижением нового меджлиса можно назвать единогласно одобренный в первом чтении законопроект о снятии юридических препятствий для иностранных инвестиций в августе 2000 г.

Как представляется, правительство ИРИ намерено продолжать выработанную им линию по активному привлечению западноевропейских инвесторов для экономического развития страны. Причем перед Министерством иностранных дел страны поставлена задача: сохраняя во внешней политике принцип последовательности, уважение к ценностям исламской революции, сделать ее более экономически ориентированной и адаптированной к новой политической ситуации¹⁰.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что развитие отношений со странами Западной Европы стало одним из приоритетов внешнеполитической деятельности правительства М. Хатами. За период 1998—2000 гг. ИРИ удалось нормализовать отношения со всеми европейскими государствами. Начавшуюся разрядку напряженности в двусторонних отношениях на Западе во многом связывают с имиджем президента ИРИ М. Хатами — либерала и демократа, который противопоставляется консервативному духовенству. В ходе его визитов и переговоров с европейскими лидерами были сглажены некоторые острые моменты, пре-

пятствующим развитию всестороннего сотрудничества. Стороны проявили заинтересованность во взаимных контактах для урегулирования ближневосточной проблемы, нормализации ситуации в Афганистане и вокруг Ирака, борьбе с терроризмом и контрабандой наркотиков и др. Хотя тема нарушения прав человека, свободы прессы, активное развитие атомных технологий, рост военной мощи ИРИ является предметом постоянного беспокойства международной общественности, экономические приоритеты постепенно берут верх. Западная Европа стремится к развитию экономических контактов с Ираном. Наиболее активно идет сотрудничество в нефтяной и газовой отраслях. Деловые круги стран Западной Европы выражают готовность вложить свои инвестиции в инфраструктуру, промышленность, туристический бизнес в Иране. Они ждут от иранского правительства обеспечения правовых гарантий для иностранных инвесторов. Дальнейшее развитие как политических, так и экономических отношений ИРИ с Западной Европой зависит от того, кто станет новым президентом ИРИ. И если М. Хатами удастся сохранить за собой этот пост, сумеет ли он взять верх над консервативными элементами в государственных структурах, выступающими против развития связей с западным миром, и реализовать свою программу либерализации экономической и общественной жизни. Можно ожидать, что дальнейшее развитие отношений ИРИ с европейскими государствами приведет к нормализации ирано-американских отношений.

-
- ¹ Органы правосудия ФРГ, расследовавшие убийство иранцев в Берлине в 1992 г. вынесли вердикт о причастности к этому преступлению высоких должностных лиц ИРИ.
 - ² См.: М. *Mozaffari*. Revolutionary, Thermidorian and Enigmatic Foreign Policy: President Khatami and the «Fear of the Wave». — *International Relations*, vol. XIV, № 5, August 1999, p. 17.
 - ³ См.: *Асгар Джафари Валдани*. Иран ва Орупа: аз гофтогу-йе энтегади та мошаракат-е эгтесади. — *Маджалле-йе сийасат-е хареджи*, паиз 1378, с. 237.
 - ⁴ Там же, с. 239.
 - ⁵ Посол Великобритании покинул Тегеран в 1989 г. после вынесения смертного приговора С. Рушди.
 - ⁶ См.: *Survey of Current Affairs*. Commonwealth Office. January 2000, London, с. 6–8.
 - ⁷ См.: *Le Temps*. 15.06.2000.
 - ⁸ *Асгар Джафари Валдани*. Иран ва Орупа: аз гофтогу-йе энтегади та мошаракат-е эгтесади, с. 279–280.
 - ⁹ *Tehran Times*. 18.01.2001.
 - ¹⁰ ИРНА. 28.09.2000.

И. Е. Федорова

ИРАНО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ — РУБЕЖ ВЕКОВ

Исламская Республика Иран — это крупнейшая страна региона Ближнего и Среднего Востока, обладающая значительными запасами нефти, лежащая на мировых торговых нефтяных путях, владеющая в масштабах региона значительным военным потенциалом, имеющая возможность влиять на ход урегулирования ближневосточного процесса, являвшаяся в 2000 году председателем ОИК. Поэтому представляется несколько наивным думать, что США, будучи крупнейшим в мире центром силы, выпустят Иран из сферы своего влияния. Да и для самого Ирана, ряд отраслей промышленности которого зависят от поставок американских запасных частей и технологий, разрыв в отношениях с этой страной далеко не безболезнен. Поэтому представляется возможным сказать, что те отношения, которые сложились между Ираном и США после революции 1978–1979 гг., не являются исторически объективными и во многом находят свое объяснение во внутривнутриполитической и экономической ситуации как в Исламской Республике Иран, так и в Соединенных Штатах Америки.

В самом Иране отношения с США являются одним из значительных вопросов, по которому диаметрально расходятся мнения консервативных радикально настроенных кругов и так называемых реформистов-либералов. Реформистам диалог с Америкой представляется вполне возможным. Некоторые кандидаты — сторонники реформ — даже шли на выборы в парламент в феврале 2000 г. под лозунгом восстановления отношений с США и предлагали вынести этот вопрос на всенародный референдум. Необходимо отметить, что в результате выборов в парламент сторонники реформаторского изменения курса заняли 58% мест. Этот факт получил одобрение Государственного департамента США. Так, представитель американского дипломатического ве-

домства Джеймс Рубин заявил, что «США приветствуют результаты выборов в Иране», которые носили исторический характер, выражают стремление иранского народа к свободе и создают предпосылки к формированию новой политической ситуации в Персидском заливе.

Тенденции к налаживанию отношений между Ираном и странами западного мира, в том числе США, стали довольно четко прорисовываться после выборов в Иране президента Хатами. Это был первый лидер Исламской Республики Иран, совершивший поездки в Западную Европу. В русле подобных настроений глава Ирана выступил с идеей «народной дипломатии», необходимой для улучшения взаимопонимания американского и иранского народов. С другой стороны, духовный лидер Ирана Али Хаменеи продолжает доказывать, что Америка, претендуя на мировое господство, не предполагает иметь равноправных отношений ни с одной страной мира, что, в свою очередь, делает невозможным ирано-американское сотрудничество.

Этапным моментом при анализе рассматриваемого вопроса можно назвать выступление Государственного секретаря США М. Олбрайт 17 марта 2000 г. на конференции Американско-иранского совета в Вашингтоне, на котором присутствовали специалисты по Ближнему и Среднему Востоку из Института Ближнего Востока и школы дипломатической службы при Джорджтаунском университете. Госпожа Олбрайт подчеркнула, что оно проходит по личной просьбе президента США и посвящено перспективам улучшения отношений между США и Ираном.

Причины, мешающие в данный момент установлению отношений между США и Ираном, по мнению Государственного секретаря США, лежат в поддержке, которую иранское государство оказывает террористическим организациям за пределами Ирана, антиизраильской позиции в вопросе ближневосточного урегулирования и его усилиям по созданию потенциала для производства ядерных вооружений. Избрание президентом Хатами послужило для американского Государственного департамента знаковым моментом. Потому что, хотя внешняя политика ИРИ и не менялась, во внутренней жизни начались изменения.

Администрация США стала поощрять контакты в области культуры, науки и спорта, а также изъявила готовность участвовать в официально санкционированных дискуссиях с Ираном по вопросам, имеющим принципиальное значение для каждой из сторон. «Американцы должны продолжать развивать отношения с иранцами. Мы должны многое узнать об иранцах, а они о нас. Мы

должны стараться развивать и расширять обмен между нашими странами. Мы должны привлекать иранских ученых и руководителей гражданского общества к вопросам, представляющим взаимный интерес» — подчеркивает М. Олбрайт¹.

Помимо этого, администрация США признала свое участие в свержении в 1953 г. популярного премьер-министра Мохаммеда Мосаддыка и ту отрицательную роль, которую оно сыграло в развитии Ирана, а также осудила свою позицию во время ирано-иракской войны.

Говоря о сферах взаимных интересов между США и Ираном, в которых должно развиваться сотрудничество, госсекретарь назвала следующие: заинтересованность в стабильности в регионе Персидского залива, антииракская позиция обеих стран, обеспокоенность нестабильностью в Афганистане и экспортом наркотиков из этой страны, а также содействие стабилизации отношений между Азербайджаном и Арменией, развитие экономики региона, охрана культурно-исторических памятников и защита окружающей среды.

В целом выступление М. Олбрайт можно назвать не программой действий, а лишь декларацией о намерениях, полной призывов, подобных этому: «Сегодня я от имени правительства и народа США призываю Иран вместе с нами вписать новую главу в нашу общую историю. Давайте открыто признаем наши разногласия и будем стремиться их преодолеть. Давайте признаем наши общие интересы и будем стремиться содействовать им» и т. д.² Из конкретных шагов она называет лишь разрешение продажи запасных частей к гражданским пассажирским самолетам, ослабление ограничения на экспорт продовольствия, лекарств и медицинской техники в страны, подвергшиеся санкциям, в том числе и в Иран, которые имели место в 1999 году. И, наконец, торжественно объявила о разрешении американцам покупать и импортировать из Ирана ковры и продукты питания, такие как икра, сушеные фрукты и фисташки.

Одновременно, подчеркивая достаточно твердую позицию США в отношении политики Ирана, госсекретарь отмечала, что в момент ее выступления Конгресс США рассматривал законопроект, который позволял накладывать арест на иранское дипломатическое и прочее имущество в качестве компенсации за террористические акты, совершенные против американских граждан.

Выступление М. Олбрайт вызвало неоднозначную реакцию в ИРИ. Сторонник расширения отношений с США, видный член

иранского парламента Хусейн Ансари Рад отметил, что это выступление было мудрым проявлением дипломатического уважения к Ирану и, следовательно, заслуживало позитивного и мудрого ответа. Также положительную оценку дал секретарь Совета по целесообразности принимаемых решений (Согласительного совета) Мохсен Резаи. Он заявил, что наступающий иранский новый год будет иметь большое значение для отношений между двумя странами. По словам Резаи, признание Соединенными Штатами прошлых ошибок в их политике в отношении Ирана и решение ослабить экономические санкции против Тегерана говорят о наступлении новой эры в подходе Вашингтона к Исламской Республике Иран.

С другой стороны, секретарь Высшего совета национальной безопасности ИРИ Хасан Роухани назвал решение Вашингтона частично восстановить замороженные много лет назад отношения с Ираном «неприемлемым и отвратительным». Выступая по национальному радио, он подчеркнул, что «мы должны осудить это новое вопиющее вмешательство в наши дела и это отвратительное, неприемлемое заявление». По обнародованному в Иране обращению Корпуса стражей исламской революции речь М. Олбрайт является попыткой Белого дома спровоцировать кризис в Иране. «Корпус стражей исламской революции сохраняет за собой право на своевременный и адекватный ответ на такого рода происки. Сейчас, когда американцы так откровенно вмешиваются в наши внутренние дела, весь наш народ и все политические партии должны оказать им должное сопротивление». Духовный руководитель Ирана Али Хаменеи назвал заявление госсекретаря США «лживым». «Иранский народ и его правительство считают Америку своим врагом, так как американская политика в прошлом представляла собой сплошные акты враждебности и предательства», — сказал он.

Представляется важным, что официальная реакция Министерства иностранных дел Ирана была достаточно сдержанной. В заявлении внешнеполитического ведомства Ирана говорилось, что МИД расценивает снятие Вашингтоном запрета на импорт иранских ковров и продуктов питания как позитивный шаг. При этом было отмечено, что в выступлении М. Олбрайт были как положительные, так и отрицательные моменты. В нем содержались и обвинения в адрес Ирана, и признавались исторические ошибки, допущенные в его адрес.

Несмотря на достаточно явно выраженные противоречия между сторонниками консервативных и реформаторских кругов, в

целом представляется возможным охарактеризовать внешнеполитический курс Ирана как стремление играть все более активную роль на международной арене и расширить многосторонние контакты с различными странами. Особенно характерно в этом отношении выступление президента Ирана Мохаммада Хатами на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке в сентябре 2000 года. Он предложил провозгласить будущий год годом диалога между культурами и цивилизациями. По мнению иранского президента, одной из причин выдвигания Ираном идеи диалога между цивилизациями является его исключительное географическое положение. «Это страна, где соединяются различные культуры народов Европы и Азии», — отметил он. По мнению журнала «Иранз форин полиси», «диалог между цивилизациями — это приглашение к построению лучшего мира и изменению страданий современного человечества от угнетения, дискриминации и бедности». И далее, «диалог поможет обеспечить понимание между людьми на основе общечеловеческих ценностей» и установить «всемирную демократию», которая исключает дискриминацию как одного человека другим, так и одного государства другим. За этими несколько расплывчатыми формулировками стоит несомненное желание Ирана налаживать контакты со многими странами мира, о чем свидетельствуют и следующие высказывания президента Хатами: «Искусство иранской дипломатии должно состоять в том, чтобы снизить степень враждебности в международных отношениях и повысить число друзей Ирана, отстаивая основные принципы революции»³. Необходимо сказать, что идея этого лозунга была принята и одобрена Организацией Объединенных Наций. А многие западные аналитики восприняли этот призыв как сигнал о том, что конечной целью президента Хатами во внешней политике является нормализация отношений с США.

Несомненно, что под влиянием международного сообщества и, в частности, Соединенных Штатов Америки был смягчен приговор 10 иранским евреям, обвиненным в шпионаже в пользу Израиля. Согласно решению суда, в сентябре 2000 г. обвиняемым были сокращены сроки заключения. В этой связи необходимо вспомнить, что еще в марте 2000 г. в своем выступлении М. Олбрайт выразила свою озабоченность этим вопросом и обратила особое внимание на него иранского правительства. «Мы будем внимательно следить за судебным процессом и результатами этого процесса, считая их одним из барометров американо-иранских отношений», — подчеркнула она.

Диаметрально противоположные позиции Ирана и США по вопросу ближневосточного урегулирования продолжают и сейчас оставаться одним из основных вопросов, мешающих смягчению отношений между ними. Свою позицию Иран подтвердил во время визита в Тегеран в августе 2000 г. главы Палестинской национальной автономии Ясира Арафата. В ходе встречи с Я. Арафатом министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази подчеркнул, что «ни один мусульманин не позволит, чтобы святой город оставался оккупированным, и Организация Исламская конференция никому не позволит совершать какие-либо сделки по Иерусалиму». Министр также сообщил, что президент Хатами направил в мусульманские страны делегации, которые должны скоординировать свои действия в поддержку палестинцев и по вопросу Иерусалима. Примечательно, что в этом вопросе сходятся позиции как консервативных, так и реформаторских кругов в Иране. Весьма показательно в этом отношении высказывание уже цитировавшегося выше сторонника прагматического подхода к развитию американо-иранских отношений Секретаря Совета по целесообразности принимаемых решений Мохсена Резаи. «Тесные связи США и Израиля остаются главным препятствием в деле успешного восстановления американо-иранских отношений. Новый подход США (к Ирану) может быть успешным, только если Вашингтон изменит свою позицию». А руководитель Ирана аятолла Али Хаменеи, выступая перед иранскими дипломатами, работающими за границей, обрушился с критикой на попытки США спасти мирные ближневосточные переговоры, против которых Иран решительно выступает. Он заявил, что Америка пытается навязать региону свою волю, и полностью исключил возможность восстановления связей с США.

В заключении представляется возможным сказать, что в условиях явного политического противостояния двух направлений в политической структуре Ирана говорить о скором восстановлении отношений между США и Исламской Республикой Иран достаточно рискованно. При этом можно предположить, что незначительное ослабление экономических санкций США в отношении Ирана может быть прелюдией к их отмене в середине 2001 г. Это, в свою очередь, связано с необходимостью либо отменить, либо продлить в августе 2001 г. действие акта 1996 года, запрещающего экономическое сотрудничество с Ливией и Ираном, как странами, поддерживающими международный терроризм. В первую очередь следует ожидать расширения экономического сотрудничества США и Ирана, тогда как политическое урегулирование займет более длительное время. Иран, на наш взгляд, занимает выжидательную

позицию, рассчитывая, что конкретные действия со стороны США (отмена санкций или урегулирования оставшихся претензий в Международном суде в Гааге) дадут возможный повод для улучшения отношений. Расширение связей США с Ираном может быть связано и с предстоящими в Иране президентскими выборами и победой на них нынешнего президента Хатами, являющегося, по мнению западных аналитиков, знаковой фигурой, символизирующей стремление Ирана осуществить либеральные реформы.

¹ Middle East Economic Digest, 31 March, 2000, с. 23.

² Ibid.

³ The Iranian journal of International Affairs. Vol. XII, № 1, с. 32.

М. Р. Арунова

РФ — ИРИ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ: 1999—2000 гг.

20 мая 2000 г. исполнилось 80 лет со дня обмена нотами о взаимном признании между РСФСР и Ираном. За эти десятилетия обе наши страны прошли трудный, насыщенный трагическими событиями путь, сложными и неровными были и двусторонние отношения между ними. Ни в коей мере не претендуя на их анализ за этот срок, позволю себе остановиться лишь на информации о российско-иранских политических контактах и диалоге в последние полтора года, т. е. со дня конференции отдела Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН, состоявшейся в апреле 1999 г., до середины 2000 г.

Прежде всего, видимо, следует подчеркнуть, что этот диалог весьма активно развивался по широкому спектру как глобальных и региональных проблем, так и по актуальным вопросам двусторонних отношений, причем диалог велся на высоком уровне. Напомню, что за этот небольшой срок ИРИ посетили российские министры иностранных дел (И. С. Иванов), топлива и энергетики (С. А. Генералов), природных ресурсов (В. П. Орлов), директор Федеральной Пограничной службы (К. Ф. Тоцкий). В рамках продолжения и развития диалога в Тегеране состоялись встреча специального представителя и. о. российского президента В. В. Путина А. В. Блохина (ныне министра по делам федерации и национальностей), консультации заместителя министра иностранных дел РФ Г. Б. Карасина (теперешнего посла РФ в Лондоне). Москву посетили весьма высокие должностные лица — министр иностранных дел ИРИ К. Харрази и его заместитель С. Харрази, Секретарь Высшего Совета Национальной безопасности ИРИ Х. Роухани, руководитель Организации атомной энергии Г. Ализаде, министры внутренних дел А. Мусави-Лари, культуры и высшего образования М. Моин, металлургии и шахт Э. Джахангири, обсуждавшие важ-

ные проблемы международных и двусторонних отношений с российским руководством, в том числе с заместителями председателя правительства И. И. Клебановым и С. К. Шойгу, тогдашними Секретарем Совета безопасности С. Б. Ивановым, министром обороны И. Д. Сергеевым, министром иностранных дел И. С. Ивановым. Зимой 2000 г. в Москве проходили консультации по вопросам стратегической безопасности с участием заместителей министров иностранных дел ИРИ и РФ — М. Д. Зарифа и Г. Э. Мамедова, а также встречи генерального директора МИД ИРИ Ф. Доулетабади и заместителя министра иностранных дел РФ И. Д. Иванова.

Специально обсуждалась проблема Каспия, в частности ее политический, экономический и экологический аспекты. Сотрудничество осуществлялось и в рамках международных организаций. С визитом в качестве главы делегации Организации Исламской конференции в декабре 1999 г. в РФ приезжал министр иностранных дел ИРИ К. Харрази. В феврале 2000 г. заместитель министра иностранных дел ИРИ С. Харрази участвовал в Москве в ежегодном семинаре российско-иранского «круглого стола» и обсуждал с заместителем министра иностранных дел РФ Г. Б. Карасиным текущие вопросы двусторонних отношений глобальной и региональной политики.

Даже простое перечисление визитов, рабочих встреч и консультаций представителей российского и иранского руководства, курирующих важнейшие глобальные и региональные проблемы современности и двусторонних отношений, свидетельствует о значительной интенсивности политических контактов между Москвой и Тегераном, что, как представляется, позволило поднимать планку двусторонних отношений, находить взаимопонимание и сотрудничать по целому ряду серьезнейших международных и региональных проблем, совместно искать развязку конфликтов, беспокоящих обе стороны.

Уровень и насыщенность политического диалога и взаимодействия являются естественными в условиях, когда политиков обеих стран объединяет общее видение многих основных параметров современной обстановки в мире. Все более тесно наши страны взаимодействуют в сфере международной безопасности и по другим проблемам глобального характера. И Россия, и Иран не приемлют попыток навязать миру однополюсность, выступая за примат международного права против использования силы в международных отношениях в обход Устава ООН. Как созвучные друг другу в России рассматривают инициативу президента ИРИ С. М. Хатами относительно диалога цивилизаций и предложенную Москвой концепцию мира XXI в.

Большой резонанс среди общественности получили подписанные документы — Программа обменов между РФ и ИРИ в области культуры и науки и, конечно же, совместное заявление по правам человека, принятое 28 ноября 1999 г. по итогам рабочего визита главы российского МИД И. С. Иванова в Тегеран¹. В этом документе стороны, подтверждая цели и принципы Устава ООН и Всеобщей Декларации прав человека, подчеркнули важность осуществления международного сотрудничества по проблемам экологического, социального, культурного и гуманитарного характера в мире в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех без каких-либо различий. В этом документе РФ и ИРИ признали необходимость уделять равное внимание осуществлению и защите всех гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав. При этом, признавая важность различных исторических, культурных и религиозных особенностей РФ и ИРИ, стороны вновь подчеркнули универсальность, неделимость, взаимозависимость и взаимосвязанность всех прав человека. Одновременно было особо отмечено, что право на развитие является неотъемлемой частью основных прав человека и реализация этого права требует равноправных экономических отношений и благоприятного экономического климата на международном уровне. В данном документе обе наши страны, признавая важное значение межэтнического и межконфессионального согласия, открыто заявляли о своей решимости предупреждать проявление нетерпимости и дискриминации в этом плане. Стороны подчеркивали большое значение регионального и субрегионального сотрудничества для полноценного осуществления прав человека, особо отметив при этом важность выполнения международных договоров, касающихся прав человека. И Россия, и Иран заявляли также о решимости предупреждать все проявления политизации, двойных стандартов и конфронтации при рассмотрении вопросов о правах человека и намерены сотрудничать друг с другом. Кроме того, стороны признавали также необходимость укрепления и развития международного сотрудничества в целом по данным вопросам. Отметим в этой связи, что многие положения совместного российско-иранского заявления по правам человека были высказаны министром иностранных дел ИРИ К. Харрази еще весной 1998 г. в Женеве на церемонии по случаю 50-летнего юбилея принятия Всеобщей декларации прав человека.

Касаясь проблемы прав человека и отношения к ней Ирана, уместно упомянуть и то, что эта страна по данному вопросу крити-

куется Западом. Отметим при этом, что во второй половине апреля 2000 г. был утвержден проект доклада Комиссии по правам человека ООН по теме «Положение в области прав человека в Исламской Республике Иран»². В документе в целом ИРИ по-прежнему подвергается критике, но вместе с тем приветствуются:

— взятое правительством ИРИ обязательство поощрять уважение законности, включая прекращение практики произвольных арестов и задержаний, а также реформировать правовую и пенитенциарную системы и привести их в соответствие с международными правозащитными стандартами в этой области;

— прогресс, достигнутый в Иране в области обеспечения свободы выражения мнений, особенно в направлении поощрения более открытого обсуждения вопросов управления и прав человека;

— прогресс, достигнутый ИРИ в отношении положения женщин в таких областях, как образование, профессиональная подготовка, здравоохранение и др.

Рассматривая политический диалог РФ и ИРИ, необходимо особо выделить тот серьезнейший факт, что наши страны уделяют большое внимание вопросам глобального характера. Так, 19 января 2000 г. в Москве состоялся очередной раунд российско-иранских консультаций по вопросам стратегической стабильности с участием заместителя министра иностранных дел Российской Федерации Г. Э. Мамедова и заместителя министра иностранных дел Исламской Республики Иран М. Д. Зарифа³.

В ходе консультаций стороны не только выразили удовлетворение динамикой и качеством российско-иранского политического диалога, уровнем двустороннего сотрудничества в ООН и других международных организациях, но и подтвердили курс руководства наших стран на взаимодействие по основным проблемам глобального и регионального характера.

Обсуждения подтвердили схожесть подходов России и Ирана к формированию совместно с другими членами сообщества более безопасной, открытой и демократической системы международных отношений в XXI веке. Стороны были едины во мнении о том, что главная роль в поисках ответов на вызовы и угрозы в условиях глобализации должна принадлежать универсальным международным институтам, прежде всего ООН. Была отмечена созвучность целей предложенной Россией концепции мира в XXI веке, в центре которой находится идея многополярности, содержанию выдвинутой Ираном инициативы диалога между цивилизациями.

На консультациях обсуждались такие актуальные проблемы, как разоружение. При этом особо подчеркивалась общая заинтере-

ресованность России и Ирана в укреплении Договора по ПРО как необходимом условии продолжения процессов разоружения, прежде всего ядерного. В этом контексте рассматривались известные инициативы российской стороны по противодействию будущим угрозам распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Стороны позитивно оценили деятельность Совместной российско-иранской рабочей группы по экспортному контролю и подтвердили обоюдное стремление развивать сотрудничество в этой важной области. Были также обстоятельно рассмотрены вопросы прав человека и гуманитарного сотрудничества, подчеркнута необходимость деполитизации этих проблем, их очистки от «двойных подходов», отмечена важность принятого в ноябре 1999 г. в Тегеране министрами иностранных дел России и Ирана Совместного заявления по правам человека.

При обсуждении международных кризисных ситуаций стороны неизменно отмечали неприемлемость попыток навязать односторонние схемы их решения с помощью силы в обход решений ООН. Особую важность приобретает ныне также объединение усилий всех стран в борьбе против международного терроризма, результаты преступных акций которого приводят зачастую к региональным конфликтам.

Стороны условились продолжить регулярный обмен мнениями по затронутым вопросам, рассматривая его как важный элемент российско-иранского политического диалога.

Важное место в политическом диалоге наших стран неизменно занимает урегулирование региональных конфликтов, например в Афганистане. Вопрос об урегулировании этого затянувшегося сложного внутриафганского конфликта обсуждался на многих встречах российских и иранских представителей внешнеполитических ведомств⁴. Так, в октябре 1999 г. в Москве состоялась консультация с участием заместителей министров иностранных дел России и Ирана — Г. Б. Карасина и М. Аминзаде. Стороны выразили общую точку зрения, что продолжающаяся эскалация конфликта представляет серьезную угрозу стабильности и безопасности в регионе, отмечая при этом, что основным препятствием на пути мирного урегулирования в Афганистане является непримиримость Движения талибов, добивающихся решения проблемы силовыми методами. При этом подчеркивалось, что разблокирование конфликта возможно исключительно политическими средствами на основе резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, предусматривающих формирование в Афганистане широкопредставительного многоэтнического правительства. Од-

новременно стороны высказались за активизацию миротворческих усилий специального представителя Генерального секретаря ООН в Афганистане, а также за продолжение работы «Группы 6+2», в состав которой входят пограничные Афганистану Иран, Пакистан, КНР, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, а также США и Россия. На консультациях в Москве и позже ИРИ и РФ, кроме всего прочего, выразили серьезную обеспокоенность в связи с тем, что контролируемая талибами территория Афганистана превратилась в опорную базу международного терроризма, трансграничного религиозного экстремизма и незаконного оборота наркотиков. При обсуждении афганской проблемы стороны выступили за решительное противодействие трансграничным угрозам, исходящим из Афганистана.

Что касается наркотиков, то в соответствии с договоренностями, достигнутыми в Нью-Йорке, в мае 2000 г. в Вене состоялась экспертная встреча представителей «Группы 6+2», на которой были обсуждены ситуация в Афганистане, а также меры по предотвращению производства и борьбе с незаконным оборотом наркотиков из Афганистана⁵.

Как показывают последние события, ИРИ все чаще высказывает серьезную озабоченность распространением терроризма, что вынуждены признать даже США. Об этом говорится, в частности, в одном из американских изданий — «Америка и Иран», посвященном непосредственно ирано-американским отношениям⁶. В нем, в частности, высказывается мысль о том, что высокопоставленным американцам, анализирующим названную проблему, следовало бы прекратить постоянные обвинения Ирана в поддержке терроризма, а выдвигать конкретные факты. При этом упоминается, что президент ИРИ С. М. Хатами снял с поста министра информации, человека, с именем которого на Западе связывали террористическую акцию, т. н. «дело Миконас».

Касаясь проблемы терроризма, видимо, целесообразно, хотя бы кратко, упомянуть о позиции ИРИ по вопросу ситуации на Северном Кавказе. Как известно, Иран являлся (до ноября 2000 г.) председателем Организации Исламская конференция. Именно во время его председательства — осенью 1999 г. руководство обратилось с просьбой относительно приема в России делегации ОИК для ознакомления с положением на Северном Кавказе. 6–7 декабря 1999 г. указанная делегация, возглавляемая министром иностранных дел Ирана К. Харрази, посетила Москву, а также Дагестан, Северную Осетию и Ингушетию. По возвращении в Тегеран К. Харрази выступил с заявлением, в котором, в частно-

сти, высказался за необходимость поиска мирного разрешения кризиса в Чечне и проявления Россией максимальной сдержанности. В развитие первой миссии ОИК несколько позже — 17–18 января 2000 г. в Москве побывала делегация старших должностных лиц внешнеполитических ведомств стран—членов ОИК⁷. Возглавлял делегацию зам. министра иностранных дел ИРИ Д. Зариф. Члены делегации были приняты министром иностранных дел РФ И. С. Ивановым, а также провели переговоры с его заместителем Г. Б. Карасиным. Состоялись встречи делегации с министром по делам федерации и национальностей А. В. Блохиным, заместителем министра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий С. В. Хетагуровым, а также председателем Духовного управления мусульман Европейской части России Р. Гайнутдином. Естественно, что для России было очень важно, чтобы наши зарубежные партнеры с пониманием отнеслись к действиям федеральных сил по ликвидации очага международного терроризма в Чечне, мерам по налаживанию там мирной жизни, усилиям по облегчению положения временно перемещенных лиц и обеспечению условий для их возвращения в родные места.

Российский министр иностранных дел на встречах подчеркивал, что терроризм, в какие бы одежды не рядился, является как для нас, так и для мусульманских стран общим врагом, которому следует давать отпор совместными усилиями. Ведя борьбу с ним, Россия выполняет свои международные обязательства и пресекает угрозу его распространения в сопредельные регионы.

Российской стороной была выражена надежда, что ИРИ и другие государства—члены ОИК будут и впредь твердо придерживаться позиции в поддержку суверенитета и целостности Российской Федерации, невмешательства в ее внутренние дела. Отмечалось, что российская сторона признательна за гуманитарную помощь, оказываемую мусульманскими странами по каналам МЧС России временно перемещенным лицам.

Отметим также, что возглавляемая заместителем министра иностранных дел ИРИ Д. Зарифом делегация подтвердила неизменность позиции ОИК в пользу сохранения территориальной целостности Российской Федерации, невмешательства в ее внутренние дела, осуждения терроризма как явления, полностью противоречащего основополагающим принципам ислама. Была высказана обеспокоенность в связи с опасностью распространения экстремизма с территории Северного Кавказа на прилегающие к этому региону мусульманские страны. Отмечалось стремление государств, входящих в Организацию Исламская конференция, направить в

северокавказский регион дополнительную гуманитарную помощь. Члены делегации подчеркнули заинтересованность мусульманских стран в сохранении с Россией активной роли в международных делах, наращивании с ней политического взаимодействия.

Напомним, что непосредственно представители ИРИ подтвердили свою принципиальную линию в отношении Чечни и в ходе рабочего визита И. С. Иванова в Тегеран 28 ноября 1999 г., и визита в Москву секретаря Высшего Совета национальной безопасности Ирана Х. Роухани 11–14 января 2000 г., а также во время регулярных контактов на уровне заместителей министров иностранных дел двух стран и других высокопоставленных лиц. По общению корреспондентов ИТАР-ТАСС, высокие должностные лица ИРИ, выезжавшие в составе делегации ОИК в Россию и посетившие Северный Кавказ, заявляли, что они убедились в стремлении РФ к урегулированию ситуации в Чечне.

Если все обобщить, то официальная позиция собственно Ирана в связи с ситуацией на Северном Кавказе включает в себя следующие основные элементы:

— события на Северном Кавказе являются внутренним делом России;

— Иран уважает территориальную целостность России;

— иранские представители неизменно подтверждают свое принципиальное неприятие терроризма во всех его проявлениях;

— Иран обеспокоен жертвами мирного населения, выступает против углубления кризиса на Северном Кавказе, расширения его географических рамок, за скорейшее политическое урегулирование ситуации, восстановление мира и спокойствия.

Следует отметить, и это очень важно, что Иран направлял гуманитарную помощь перемещенным лицам на Северном Кавказе. Самолеты с иранской гуманитарной помощью доставляли ее во Владикавказ и Махачкалу. Партия гуманитарных грузов была также направлена автомобильным транспортом.

Нельзя обойти вниманием и то, что в Иране не ведется сбор средств в пользу чеченских боевиков, не производится вербовка наемников. Насколько известно, на территории страны нет каких-либо чеченских представительств, имеется лишь группа студентов из Чечни, проходящих обучение в иранских учебных заведениях.

Активизация российско-иранских политических контактов и развитие в целом отношений между РФ и ИРИ вызывают определенную озабоченность прежде всего в США. Весьма примечательно в этом плане упоминавшееся коллегами Л. М. Кулагиной и И. Е. Федоровой выступление 17 марта 2000 г. тогдашнего госсекретаря США М. Олбрайт на конференции Иранского совета в Ва-

шингтоне, где присутствовали члены Азиатского общества, сотрудники Института Ближнего Востока и Школы дипломатической службы при Джорджтаунском Университете⁸.

Кроме всего прочего, М. Олбрайт, не скрывая заинтересованности Вашингтона в восстановлении отношений с Тегераном, в частности, выразила надежду на то, что новые реформаторы Ирана, пойдя на контакты с Западом, получат возможность выбирать себе друзей, и в этом случае неизвестно, на каком месте в итоге окажется Россия. Ну что же, время покажет, насколько права или не права была М. Олбрайт.

Что касается мнения высшего руководства ИРИ и лично президента господина С. М. Хатами о выборе партнеров, в том числе экономических, то весьма важным в данном случае представляется его достаточно подробный ответ на пресс-конференции в Париже корреспонденту «Wall Street Journal», поинтересовавшемуся (видимо, имея в виду США), каковы могут быть экономические отношения ИРИ с теми странами, с которыми она не поддерживает отношений политических.

Г-н С. М. Хатами заявил: «У нас нет никаких запретов на отношения с различными странами, в частности с Америкой. Это американцы подвергли Иран санкциям и постарались навязать свои законы другим. Тот факт, что их желания в мире не исполнились, свидетельствуют о том, что время для создания однополярного мира прошло. Экономические отношения не зависят от политических. В своих экспортных и импортных операциях мы учитываем собственные интересы, сами принимаем решения и сами делаем свой выбор»⁹. Как говорится, комментарии излишни.

¹ Дипломатический вестник, М., декабрь 1999 г., с. 13–15.

² Организация Объединенных Наций. Экономический и Социальный Совет. Комиссия по правам человека. 56-я сессия, п. 9 повестки дня. E/CN.4/2000/L.16. 10 April 2000.

³ Дипломатический вестник, М., февраль 2000 г., с. 52–53.

⁴ Там же, ноябрь 1999 г., с. 64–65; декабрь 1999 г., с. 13; февраль 2000 г., с. 53–54.

⁵ Final Draft — 10 May 2000. Chairman's Summary of Technical Meeting on the Afghanistan Narcotics Issue. Vienna, May 2000.

⁶ America and Iran. Wash., 1998, p. 23.

⁷ Дипломатический вестник. М., февраль 2000 г., Делегация ОИК в России, с. 17–18.

⁸ См. статью Л. М. Кулагиной и И. Е. Федоровой в данном сборнике.

⁹ «Третий взгляд». Новости, репортажи и комментарии из иранской прессы. Посольство Исламской Республики Иран в Москве. Пресс-отдел. № 68 (ноябрь) 1999, с. 17.

РОССИЯ И ИРАН В XX ВЕКЕ (ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ)

Первая мировая война возникла летом 1914 г. между двумя союзами государств — Англии, Франции и России (США вступили в войну в апреле 1917 г.) и Германии, Австро-Венгрии и Турции. Причиной возникновения войны явилось крайнее обострение противоречий в ходе борьбы за сферы влияния, источники сырья, за мировое господство. Всего в войну на стороне двух коалиций было вовлечено 38 государств, а численность действующих армий превышала 29 млн чел.; людские потери воевавших стран составили 10 млн убитых и свыше 20 млн раненых и контуженных¹.

Иран формально не был вовлечен в войну, начавшуюся 1 августа 1914 г. 1 ноября 1914 г. иранское правительство официально объявило о нейтралитете. Тем не менее почти с самого начала и на протяжении всей первой мировой войны территория Ирана явилась плацдармом военных действий воюющих держав — Англии и России, с одной стороны, Германии и Турции — с другой². На вступление в войну Турцию толкали не только интересы австро-германского блока, но и собственные захватнические вождения младотурок. Пантюркисты намеревались захватить Кавказ, Крым, а наиболее ретивые толковали даже о «долинах Волги и Камы»³. 29 октября 1914 г. турецкий флот вошел в Черное море и без объявления войны обстрелял русское побережье — Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. 2 ноября 1914 г. в ответ на нападение турецкого флота Россия объявила Турции войну, а 5 и 6 ноября за ней последовали Англия и Франция⁴.

Что касается Германии, то она также намечала «оттеснение России» на Восток, для чего предполагалось отторгнуть от России Польшу, Финляндию, Прибалтику, а затем Украину и Кавказ⁵.

В конце ноября 1914 г. турецкие войска, угрожая русскому Закавказью, вторглись в Иранский Азербайджан и заняли его западные районы. 14 ноября турецкая армия заняла Табриз. В ответ на эти действия германо-турецкого блока в конце января 1915 г. русские войска начали наступление против турецких войск в Иранском Азербайджане. 31 января 1915 г. ими был занят Табриз. Одновременно с русскими войсками в юго-западную нефтеносную область Ирана были введены новые английские войска.

Экономическое и политическое закабаление Ирана, оккупация части его территории английскими и царскими войсками, соглашение о разделе Ирана на сферы влияния — все это усилило антианглийские и антирусские настроения в Иране. В этих условиях Германия, воевавшая против Англии и России, казалась многим политическим деятелям Ирана страной, на которую можно было опереться в борьбе против Англии и царской России. Германия выступала в Иране под флагом «третьей силы», не имевшей якобы никаких колониальных интересов. «Симпатии населения» Ирана к немецкому проникновению в страну являлись следствием умело поставленной немецкой пропаганды, которая с началом войны изображала Германию «защитницей и спасительницей» мусульманства от Англии и России⁶.

Особенно широко развернулась деятельность немцев в Иране в 1915 г. в Бендер-Бушире, Ширазе, Керманшахе, Исфахане, Йезде и Кермане. Германии удалось привлечь на свою сторону многих депутатов иранского меджлиса. Правительство и меджлис высказались за поддержку германо-австро-турецкого блока.

В результате к 1917 г. Иран был оккупирован почти полностью: весь север страны вплоть до Исфахана — царской Россией, южный Иран — Англией; турки оккупировали часть западных районов, включая Хамадан. В Тегеране был сформирован новый кабинет министров из сторонников Англии и России.

Только Октябрьская социалистическая революция в России 1917 г. положила начало освобождению Ирана от империалистического гнета. На другой день после свержения Временного правительства II Всероссийский съезд Советов принял декрет о мире, в котором осуждалась империалистическая война и объявлялось об отмене всех неравноправных договоров⁷. В обращении ко всем мусульманам России и Востока заявлялось, что «договор о разделе Персии порван и уничтожен... войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы»⁸.

Начатый Советским правительством вывод русских войск из Ирана, после заключения с немцами Брест-Литовского переми-

рия, завершился 23 марта 1918 г.; их позиции тут же занимали английские войска. 9 августа 1919 г. иранское правительство Восуга од-Доуле подписало англо-иранское соглашение, которое превращало Иран в английский протекторат. Вскоре советское правительство — 28.VIII.1919 г. — опубликовало обращение «К рабочим и крестьянам Персии», в котором заявило, что не признает англо-иранского договора, осуществляющего порабощение иранского народа⁹.

В середине мая 1920 г., еще до падения правительства Восуга од-Доуле, советский каспийский флот подавил огневые точки англичан в Энзели и высадил десант. Английские войска отступили к Решту. Захваченные бежавшими из России в Энзели белогвардейцами суда и имущество российского народа были возвращены. Вскоре советский флот покинул Энзели.

В ноябре 1920 г. в Москву прибыл чрезвычайный посол Ирана Мошавар оль-Мамалек. В результате состоявшихся советско-иранских переговоров 26.II.1921 г. в Москве был подписан советско-иранский договор — первый равноправный договор, заключенный Ираном после векового господства капитуляционного режима в стране. В этом договоре был зафиксирован отказ Советской России от всего, чем владела царская Россия в Иране¹⁰. Советско-иранский договор был не просто равноправным договором: он создавал благоприятные условия для укрепления экономической и политической независимости и самостоятельного развития Ирана. Он способствовал провалу кабального для Ирана англо-иранского соглашения 1919 г. и освобождению страны от английской оккупации. Вместе с тем он препятствовал использованию территории Ирана в будущем для нападения на Советскую Россию: статья 6-я договора предусматривала ввод советских войск в Иран в случае, если другие страны будут «превращать Иран в базу для военных выступлений против России» и если правительство Ирана будет не в состоянии предупредить эту опасность.

Известие о подписании советско-иранского договора с радостью было встречено иранской общественностью. Многие видные государственные деятели Ирана приветствовали заключение договора с Советской Россией, в том числе и военный министр Ирана Реза-хан (будущий шах Ирана)¹¹.

Советско-иранский договор явился серьезным ударом по политике колониальных держав на Востоке. Американский журнал «Нейшн» 3.VI.1921 г. писал: «Россия пожинает теперь в Персии плоды ее политики самопожертвования, ибо она отказалась от всего — от концессий, дорог, телеграфов, банков, не прося ни пенса вознаграждения за убытки...».

Не представляя себе возможность таких договоров, буржуазные авторы называли договор Советской России с Ираном «удивительным документом».

Почти в тот день, когда в Москве был подписан советско-иранский договор 1921 г., в Тегеране был совершен государственный переворот: в ночь на 21 февраля 1921 г. передовые подразделения отряда полковника Реза-хана овладели столицей. 1 марта 1921 г. Сеид Зия ад-Дин сформировал правительство, а Реза-хан указом Ахмед-шаха получил титул «Сардар сепех» («Военачальник») и назначение командиром казачьей дивизии, наиболее боеспособной воинской частью среди вооруженных сил Ирана. В правительство Реза-хан вошел в качестве военного министра при сохранении командования казачьей дивизией. С тех пор во всех правительствах, создаваемых после государственного переворота — сначала Сеид Зия эд-Дином, затем Кавамом ос-Салтане, Мошир эд-Доуле и снова Кавамом, а затем Мостоуфи оль-Мамалеком и Мошир од-Доуле, — Реза-хан постоянно оставался военным министром. 29.X.1923 г. Реза-хан сам, наконец, сформировал правительство, отражавшее интересы буржуазно-помещичьих кругов, в котором закрепил за собой пост военного министра. 12.XII.1925 г. он был провозглашен наследственным шахом Ирана.

На протяжении ряда последующих лет культ Реза-шаха все более разрастался и достиг к концу 30-х годов небывалых размеров. Реза-шах был убежден, что любые перемены должны исходить только от него¹².

Осуществлявшиеся Реза-шахом экономическая модернизация и социальные программы были рассчитаны на то, чтобы «обеспечить безопасность власти, на вершине монархии которой находился шах»¹³.

Развитие национальной промышленности Ирана началось лишь с 30-х годов. Всего к 1941 г. в Иране насчитывалось около 400 фабрик и заводов. Численность промышленных рабочих (не считая нефтяного сектора) утроилось между 1931 и 1941 г. К концу правления Реза-шаха в стране насчитывалось от 500 до 700 тыс. рабочих¹⁴.

Советский Союз оказал значительную помощь Ирану в промышленном строительстве. При помощи СССР в Иране были построены несколько элеваторов, в том числе самый крупный тегеранский элеватор, мельничный комбинат в Тегеране, несколько рисоочистительных заводов и др. предприятий. В 1924 г. в Иране были созданы Русско-персидский коммерческий банк («Русперс»), русско-персидское торговое общество («Рупето»), русско-персидское

ское хлопковое товарищество («Персхлопок»), русско-персидское импортно-экспортное общество («Шарк»). Но если в 20-е годы Реза-шах придерживался добрососедских отношений с СССР, что способствовало укреплению экономической и политической самостоятельности Ирана, то к концу 30-х годов Реза-шах начал проявлять враждебное отношение к СССР. В стране усилилась антисоветская пропаганда. Все не только советское, но и вообще русское жестоко преследовалось. Свертывалась советско-иранская торговля, закрывались ранее смешанные советско-иранские общества. Люди, которые обвинялись в связях с советскими организациями (обществ «Шарк», «Бюро Перс», «Персхлопок» и др.), рассматривались как русские агенты и подвергались суровым репрессиям. Людям, знавшим русский язык, разговаривать по-русски не разрешалось. В 1938 г. Реза-шах отказался подписать новый торговый договор с СССР, что привело к резкому сокращению советско-иранской торговли, на долю которой в 1938 г. приходилось 38% всего внешнеторгового оборота.

Особенно враждебной в отношении СССР стала внешняя политика Реза-шаха в последние годы перед второй мировой войной, когда шах сблизился с гитлеровской Германией. Американский автор книги «Иран» Хаас писал: «Больше, чем все остальное, симпатии шаха к Германии должна была притягивать фанатичная враждебность к большевистской России. Если была какая-либо основная направленность во внешней политике Реза-шаха, так это — страх перед большевизмом и распространением большевистской пропаганды в стране... Нацистская Германия казалась ему даром, посланным небом, чтобы уменьшить его страх»¹⁵.

В период между 1934 и 1941 г. Реза-шах стал рассматривать европейские фашистские государства как образец для подражания. Поскольку Германия была «третьей силой» в условиях «традиционной вражды Ирана как с Англией, так и с Советской Россией», пишет Реза Годс, шах счел выгодным установить с ней тесные экономические и политические связи¹⁶.

Иран для Германии представлял в перспективе особую ценность. Иран — это традиционный сухопутный перевал в Юго-Восточную Азию, в Индию в частности. Иран владел крупнейшими в мире нефтяными месторождениями. Иран был важен для фашистской Германии в готовящейся ею войне с Советским Союзом своим стратегическим положением. Поэтому для привлечения Ирана на свою сторону германский империализм прилагал все средства, уверяя его в своем бескорыстии, в желании помочь восстановить древнее величие страны, освободить Иран от анг-

лийской кабалы. Немцы уверяли, что иранцы такие же арийцы, как и они сами, распространяли слухи, что Гитлер по происхождению лур, о чем свидетельствует якобы окончание его фамилии и т. д.

Вскоре после фашистского переворота в Германии сотни, а затем и тысячи немецких агентов появились в Иране. Открылись десятки строительных компаний, представительств торговых фирм, транспортных, комиссионных, всевозможных «научных» и других организаций. В 1940—1941 гг. доля Германии составила 45,5% внешнеторгового оборота Ирана.

Готовя в Иране плацдарм для нападения на СССР, гитлеровцы тайно завезли в Иран только в начале 1941 г. 11 тонн вооружения и боеприпасов; склады оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ размещались на севере страны. В 1941 г. в Иране находилось около 4 тыс. тайных агентов германской разведки, гестапо и аппарата Геббельса.

Поступившие данные разведок свидетельствовали, что в Иране готовился фашистский переворот с целью вовлечения Ирана в войну против СССР на стороне Германии. Советская армия сорвала планы гитлеровцев. Поскольку ноты Советского правительства Ирану от 26 июня, 19 июля и 16 августа 1941 г. не оказали ожидаемого воздействия на иранское правительство, не пожелавшего положить конец враждебной деятельности немцев, СССР и Англия 25 августа 1941 г. вручили новые ноты и одновременно ввели войска в Иран.

16 сентября 1941 г. Реза-шах подписал акт отречения, передав престол своему старшему сыну — Мохаммеду-Реза Пехлеви, и покинул Иран. 17.IX. в Тегеран вступили советские войска, 18.IX. — английские.

Вступление союзных войск в Иран сыграло решающую роль в спасении Ирана от колонизации, от немецко-фашистского порабощения, от превращения в сателлита фашистской Германии. Выдворение немцев из Ирана, разрыв дипломатических отношений с Германией и ее союзниками и в дальнейшем объявление войны Германии поставили Иран в ряды антифашистской коалиции и обеспечили ему как суверенитет и независимость, так и достойное место в послевоенном мире. Союзный договор между СССР, Великобританией и Ираном от 29 января 1942 г. и Декларация трех держав об Иране от 1 декабря 1943 г. торжественно подтвердили равноправные суверенные отношения государств с Ираном и участие его совместно с другими миролюбивыми нациями в установлении международного мира, безопасности и прогресса после войны.

* * *

На основе тройственного англо-советско-иранского договора о союзе от 29.I.1942 г. через Иран велись перевозки военного снаряжения и материалов в СССР. Предоставив свою территорию и пути сообщения для транзитных перевозок союзников, Иран содействовал борьбе с фашистским блоком. Рост авторитета и популярности СССР среди иранского населения напугал реакционные элементы Ирана, еще недавно тесно связанные с фашистской Германией, и толкнули их на сближение с империалистическими силами Англии и особенно США. Политика иранского правительства стала принимать все более явный антидемократический и антисоветский характер.

Во время второй мировой войны США, воспользовавшись изгнанием немцев из Ирана и ослаблением Англии, значительно укрепили в Иране свои позиции. Американское проникновение в Иран наиболее интенсивно происходило в период пребывания на посту премьер-министра Ирана Кавама ос-Салтане. 8 апреля 1943 г. в Вашингтоне был подписан подготовленный Кавамом ирано-американский торговый договор. Он предусматривал установление принципа наибольшего благоприятствования в отношении ввоза американских товаров в Иран, взимания таможенных пошлин, налогов, сборов и пр. и иранских товаров в Америку (ковры и сельскохозяйственное сырье). Иранские газеты отмечали, что договор имеет целью обеспечить Соединенным Штатам во внешней торговле Ирана то положение, которое занимала перед второй мировой войной Германия.

За годы войны доля США во внешней торговле Ирана увеличилась более чем вдвое и в 1944—1945 гг. составила уже 23,3% внешнеторгового оборота Ирана, заняв второе место после Индии (30%).

Правительство Кавама ос-Салтане пригласило в Иран ряд американских военных и экономических миссий: полковника (впоследствии генерала) Нормана Шварцкопфа — для «командования иранской жандармерией», генерала Кларенса Р. Ридли — для работы в иранской армии, Л. С. Тиммермана — в качестве генерального администратора полицейского управления и советника министерства внутренних дел Ирана, Артура Мильспо — в качестве «генерального администратора иранских финансов», Шеридана — на пост советника министерства по продовольствию, Гарольда Гришамы — начальником главного таможенного управления и советником по делам внешней торговли Ирана и многих других.

Американские советники, количество которых, как отмечал в своей книге «Нефть и внешняя политика» Майкл Брукс, в 1943 г.

доходило до 75-ти, чувствовали себя в Иране как в оккупированной стране. Американский журналист Освальд Вилард, касаясь политики США в Иране, в журнале «Америкэн меркури» в октябре 1943 г. писал: «Мы установили протекторат над Ираном и совершили это до такой степени тихо и незаметно, что до недавнего времени только немногие из американцев знали, что туда посланы тысячи гражданских лиц и много материалов, за которыми последовала целая армия под названием «Командование Персидского залива».

Итак, можем сказать, что англо-американская борьба за влияние в Иране сложилась в пользу американского империализма. Если судить по данным о контроле США и Англии за добычей нефти, то результаты таковы: если в 1932 г. доля американских нефтяных компаний в добыче нефти в районе Ближнего и Среднего Востока была равна нулю, то в 1937 г. — накануне второй мировой войны — достигла уже 13,1% по сравнению с долей англичан в 76,8%; после войны американская доля в контроле над добычей нефти стала стремительно возрастать: в 1945 г. она была равна 19,2% против 74,2% английской доли, а в 1952 г. — 64,5% против 26,6% доли английской, т. е. больше в 2,4 раза контроля над добычей нефти, осуществляемой английским капиталом в районе Ближнего и Среднего Востока.

Приведенные сопоставления ярко свидетельствуют о том, что английский империализм после второй мировой войны вынужден был значительно уступить свои позиции американскому империализму в районе Ближнего и Среднего Востока и, в частности, в Иране.

* * *

В конце 1943 г. — переломного года Великой отечественной войны — в Тегеране состоялась конференция руководителей трех союзных держав («Большой тройки») — Сталина, Рузвельта и Черчилля, — ставшая одним из важнейших дипломатических событий второй мировой войны. Официальные заседания конференции состоялись 28 ноября и 1 декабря 1943 г.

Важнейшим вопросом Тегеранской конференции был вопрос о совместных военных операциях против гитлеровской Германии. Попытка Черчилля добиться новых отсрочек в создании второго фронта против Германии не удалась: Рузвельт был убежден, что если второй фронт не будет создан ранней весной 1944 г., то он не понадобится вовсе и Советский Союз сам завершит войну в Европе полной победой. Черчилль потерпел неудачу и в новых его

требованиях предпринять вторжение в Европу со стороны Балкан. Конференция согласилась с тем, что может быть предпринято и второе вторжение со стороны Средиземного моря, но не со стороны Балкан, в южную Францию.

Таким образом, Тегеранская конференция приняла важнейшее решение об открытии второго фронта в Западной Европе силами англо-американских армий 1 мая 1944 г.

Представители Советского Союза дали согласие на вступление СССР в войну против Японии через 6 мес. после окончания войны в Европе.

В декларации «О совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трех держав» говорилось: «Представители наших военных штабов участвовали в наших переговорах за круглым столом и мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштабов и сроков операций, которые будут приняты с востока, запада и юга... Наше наступление будет беспощадным и нарастающим...»

Совещание руководителей трех держав приняло также «Декларацию об Иране»: 9 сентября 1943 г. Иран объявил войну Германии, но это объявление войны реального военного значения не имело, иранские войска в военных действиях участия не принимали.

СССР, США и Великобритания в декларации об Иране от 1 декабря 1943 г. заявили об общем согласии трех правительств относительно их взаимоотношений с Ираном, признали, что Иран оказал помощь союзникам в деле транспортировки грузов из-за границы в СССР, согласились предоставлять правительству Ирана экономическую помощь как во время войны, так и в послевоенный период; они заявили далее о «своем желании сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана».

При обсуждении проблем военной стратегии Сталин высказался за то, чтобы за базу всех операций в 1944 г. была взята операция «Оверлорд» (высадка англо-американских войск в Северной Франции) и одновременное проведение операций по высадке англо-американских войск на юге Франции, рассматривая ее как поддержку «Оверлорда». «Мы, русские, — сказал он, — считаем, что наилучший результат дал бы удар по врагу в северной или в северо-западной Франции». Глава Советского правительства заявил, что к началу операции СССР подготовит сильный удар по противнику.

1 декабря 1943 г. были парафированы военные решения конференции, предусматривающие проведение операции «Оверлорд» в мае 1944 г. одновременно с операцией на юге Франции. Достижение этого соглашения отвечало интересам скорейшей победы над фашизмом и свидетельствовало об эффективности антигитлеровской коалиции, несмотря на наличие определенных расхождений между ее участниками. Второй фронт был открыт союзниками в июне 1944 г. Совместные действия союзных держав предприняли военный и политический крах гитлеровской Германии.

* * *

Победа над фашистской Германией привела к разладу единства среди союзных держав. Рост мощи Советской России напугал руководителей США и Англии. Отношение союзных держав к России резко изменилось. Это особенно было заметно в Иране.

6 октября 1947 г. между США и Ираном было заключено соглашение об американской военной миссии в Иране, которое еще более усиливало контроль американских военных советников над иранской армией. Этот факт означал официальное вступление Ирана на антисоветские позиции. Соглашение предусматривало увеличение числа американских сотрудников в Иране и предоставляло только Соединенным Штатам право занимать офицерские должности советников в иранской армии.

Получив монопольное право на руководство в иранской армии, американцы закрыли к ней доступ и своему младшему партнеру в Англии.

Ирано-американское военное соглашение от 6 октября 1947 г., противоречащее национальным интересам и суверенитету Ирана, вызвало протесты широких кругов иранской общественности. Однако реакционные круги Ирана предприняли массовые репрессии, аресты, увольнения. Составлены были списки нескольких тысяч участников демократического движения, которые подлежали арестам или ссылке. В первых числах апреля 1948 г. в Тегеране за один только день было арестовано свыше 500 человек. По сообщению тегеранской печати, в апреле с расположенных в северных провинциях Ирана государственных фабрик и заводов было уволено 1800 рабочих — членов Народной партии и профсоюзов. На железной дороге также было уволено 500 рабочих и служащих. В мае 1948 г. в Баболе, Сари, Зирабе и Горгане было введено военное положение.

Официальные представители США в Иране открыто подстрекали Кавама к аннулированию советско-иранского соглашения от 4.IV.1946 г. о создании смешанного советско-иранского обще-

ства по разведке и эксплуатации нефти в северном Иране, которое могло бы помешать осуществлению американских планов закабаления Ирана. В угоду американским и английским нефтяным монополиям меджлис Ирана 22 октября 1947 г. принял решение считать это соглашение недействительным. После этого для англичан Кавам ос-Салтане на посту премьер-министра Ирана больше стал не нужен: 10 декабря 1947 г. при голосовании вотума доверия в меджлисе он не получил большинства и был смещен с поста премьера. Новым премьером был назначен известный своими связями с англичанами Ибрагим Хакими.

Массовые репрессии по отношению к участникам демократического движения и организация различных провокаций не смогли укрепить положение Хакими. 8 июня 1948 г. Хакими был вынужден подать в отставку. Премьером был назначен связанный с американцами Хажир, который способствовал дальнейшему укреплению американского влияния в Иране.

Планы американских империалистов в отношении Ирана сводились к экономическому и политическому закабалению страны, превращению Ирана в американский протекторат, в плацдарм для антисоветской деятельности с территории Ирана.

Таким образом, одной из наиболее важных черт экономической и политической жизни Ирана в 1948 г. да и в последующие годы была дальнейшая экспансия американского империализма в Иране. Она составляла неотъемлемую часть агрессивной внешней политики США. Однако эта политика в Иране завершилась крахом. Создать из Ирана «опорный пункт», «центр силы», «субимпериалистический очаг» не удалось. В феврале 1979 г. в Иране рухнула династия Пехлеви.

Взаимоотношения Ирана с Россией после второй мировой войны то поднимались до крутого антисоветизма, то снижались до уровня нормальных.

Так было, например, в 1950 г., когда при правительстве Ирана генерала Размара 4.XI.1950 г. было подписано в Тегеране торговое соглашение с СССР. Одновременно 10 ноября начались переговоры по пограничным вопросам, а 10.XII.1950 г. — по ряду других нерешенных проблем. Один американский журналист с удивлением писал: «Я был в это время в Тегеране и был поражен почти всеобщей исторической радостью и приветствиями, которыми было встречено сообщение, что соглашение (торговое) с Россией подписано».

Визит шаха Ирана в СССР в июле 1956 г. завершился заверением шаха, что правительство Ирана не вступало и не вступит в

группировки, имеющие агрессивный характер по отношению СССР. Однако через некоторое время Иран принял «доктрину Эйзенхауэра» и заключил 5 марта 1959 г. двустороннее ирано-американское военное соглашение, позволявшее вводить американские вооруженные силы на территорию Ирана и превращать его в военный плацдарм США.

Были и другие периоды смягчения в советско-иранских отношениях. Это относится, в частности, к периоду нахождения у власти Мосаддыка, представлявшего интересы национальной буржуазии Ирана (1951–1953 гг.). Но вскоре в Иране был совершен государственный переворот и Мосаддык был смещен и арестован.

2.XII.1954 г. в Тегеране было подписано соглашение между СССР и Ираном об урегулировании финансовых и пограничных вопросов. Оно положило конец спорам между двумя соседними государствами, длившимся на протяжении свыше 100 лет. Оно положило конец, в частности, ежедневной дипломатической переписке, которой занимались МИД Ирана и МИД СССР (и автор данного сообщения — в 1947, 1948 и 1949 годах, когда работал в МИД СССР), с объяснения причин, почему советская корова зашла на иранскую территорию или почему иранский крестьянин пас овец на советской территории.

Однако, если оценивать советско-иранские отношения в целом, то можно сказать, что тенденция на улучшение отношений Ирана с Советским Союзом в тот период носила скорее специфически-спекулятивный, временный характер. Это отчетливо проявилось в декабре 1958 — феврале 1959 г., когда между Ираном и Советским Союзом по инициативе Ирана велись переговоры о заключении договора о дружбе и ненападении сроком на 20 лет. Тогда в ходе переговоров иранцы потребовали внести в текст советско-иранского договора дополнения, санкционирующие обязательства Ирана, вытекающие из его участия в агрессивном Багдадском пакте. СССР отказался от подписания пакта.

Срыв этих переговоров и последующее за ними заключение Ираном 5 марта 1959 г. агрессивного ирано-американского двустороннего военного соглашения открыло период наибольшего обострения в советско-иранских отношениях.

Генерал и сенатор Джаханбани, в то время председатель Иранского общества культурной связи с СССР, 10 лет спустя после этих событий, в 1969 г. говорил автору данного сообщения о том периоде, что ирано-советские отношения висели на волоске от разрыва и что только его совет шаху о том, что «с врагом надо

быть на близком расстоянии», удержали шаха от разрыва дипломатических отношений Ирана с СССР.

* * *

Началом новой тенденции к переходу к более гибкому политическому лавированию между Востоком и Западом и установлению экономического сотрудничества Ирана с СССР и другими странами социалистической системы хронологически можно считать осень 1962 г. 15 сентября иранское правительство заверило советское правительство в том, что Иран не предоставит никакому иностранному государству права иметь ракетные базы всех видов на территории страны и не допустит, чтобы Иран стал средством агрессии против Советского Союза.

Однако политика «нового курса», «балансирования» и «лабиринтования» Ирана на международной арене в 60–70-х годах превратилась в звонкую фразу. Монархический Иран вновь приковал себя к империалистической колеснице.

Февральская революция 1979 г. свергла проимпериалистический режим шахского Ирана. Произошел резкий разрыв не только политических, но и экономических связей Ирана с США. Активную роль по восстановлению страны стал осуществлять избранный в 1989 г. президент Ирана Али Акбар Хашеми-Рафсанджани.

Отношения Ирана с Россией в 90-е годы развивались сравнительно хорошо. Иран и Россия подписали за последнее время ряд соглашений, в том числе о сотрудничестве в военно-технической и ядерной областях. Россия осуществляла поставки в Иран современное оружие, включая МИГи и Су. Посол Ирана в России Мехди Сафари в интервью газете «Техран таймс» в конце сентября 1996 г. подчеркивал, что Россия является потенциально выгодным и емким рынком для иранских товаров, экспорт которых может достигнуть 1 млрд долларов в год.

Россия высказалась против намерения США изолировать Иран от внешнего мира и ведет с Ираном активный диалог, вызывая неудовольствие США. Иран занял весьма близкие с Россией позиции по ряду региональных проблем (таджикская, карабахская, каспийская) и заявил о поддержке Москвы в ее противостоянии планам расширения НАТО на Восток.

Оценивая отношения Ирана в Россией в целом, можно констатировать, что они в настоящее время развиваются успешно. Существовавшее между ними ранее недоверие ушло в прошлое.

В Иране появился относимый к России термин «стратегический союзник», хотя официальные лица в России считают, что о «стратегическом партнерстве» можно говорить лишь подразумевая склонность двух государств поддерживать и развивать долговременные добрососедские отношения, не вкладывая в него иного (военного) смысла.

-
- 1 Советский энциклопедический словарь. М. 1981, с. 994.
 - 2 *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране (1914–1920). М., 1981, с. 11–13.
 - 3 *Готлиб В.* Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960, с. 41.
 - 4 История дипломатии. Том III. Политиздат. М., 1965, с. 8–9.
 - 5 Там же, с. 19.
 - 6 *Истягин Л. Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М., «Наука», 1979, с. 206–207.
 - 7 Документы внешней политики СССР. Т. 7. М., 1957, с. 12.
 - 8 Советско-иранские соглашения в договорах, конвенциях и соглашениях. Изд. МИД СССР, М., 1946, с. 60.
 - 9 Документы внешней политики СССР. Т. 11, с. 240.
 - 10 По произведенным подсчетам, общая стоимость лишь одного имущества, переданного советским правительством иранскому народу по договору 1921 г., исчислялась в 582 млн золотых рублей (См.: *Ильинский Г. П.* Иран в период общего кризиса мировой капиталистической системы. М., 1953, с. 16).
Кроме того, отказ от царских займов и авансов означал передачу иранскому правительству 62 199 020 золотых рублей (См.: *Осетров В.* Очерки экономического строя Персии. «Колониальный Восток», изд. «Новая Москва», 1924, с. 134).
По другой оценке, без учета более мелких выдач, текущих счетов и т. д., задолженность иранского правительства царскому правительству в 1921 г. составляла 67 млн 500 тыс. золотых рублей (См.: РСФСР. Вестник народного комиссариата иностранных дел. 1921. № 7–8, с. 111).
 - 11 Военный министр Ирана Реза-хан (будущий шах Ирана) писал 26.VI.1921 г. в газете «Гольшен» о политике Советской России в отношении Ирана, «той свободной России, которая, низвергнув деспотический царский строй, не только освободилось сама из-под гнета произвола, но и спасает от этого соседние страны. Это та Россия, которая уничтожила все хищнические концессии царского правительства и совершенно бесплатно возвратила все это Персии. Это — та самая Россия, которая протянула нам братскую руку помощи и стремится жить с нами в мире и дружбе» (См.: История Ирана. Изд. МГУ. 1977, с. 315; цит. по: *Алексеев Л.* Советский Союз и Иран. М., 1963, с. 13).
 - 12 См.: *М. Реза Годс.* Иран в XX веке. Политическая история. М., «Наука», 1994, с. 138–139.
 - 13 Там же, с. 139.
 - 14 Там же, с. 150.
 - 15 Цит. по: *Агаев С. Л.* Германский империализм в Иране. М., «Наука», 1969, с. 54.
 - 16 *М. Реза Годс.* Указ. соч., с. 143.

ДАВЛЕНИЕ США НА СССР И ДОСТИЖЕНИЕ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ О ВЫВОДЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ИЗ ИРАНА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как известно, основными этапами разрешения кризиса в связи с проблемой вывода советских войск из Ирана были следующие. Двадцать четвертого марта 1946 г. советское руководство объявило о том, что все советские войска будут выведены сразу. 4 апреля было подписано Советско-Иранское коммюнике, в котором сообщалось о достижении договоренности по основным вопросам двусторонних отношений. И, наконец, 14 апреля советская сторона сообщила о том, что эвакуация войск будет завершена к 6 мая.

Для того чтобы добиться такого результата, заинтересованные стороны (США, Великобритания и Иран) действовали методами, доступными каждой из них. Американцы — оказывали дипломатическое давление, иранское правительство — проводило переговоры, стараясь, по крайней мере внешне, выказать готовность к компромиссу с СССР, и все вместе, не всегда слаженно, они оказывали давление на Советский Союз в ООН.

Поскольку последнее детально проанализировано в работах советских авторов¹, то представляется целесообразным остановиться на двух первых.

США 6 и 8 марта направили СССР ноты, содержащие требования вывода войск, которые, однако, остались без ответа. Тогда Трумэн направил И. В. Сталину третье послание, которое повез назначенный послом в Москве В. Смит, покинувший Вашингтон утром 24 марта 1946 г. Данное послание было вручено адресату вечером 4 апреля, во время аудиенции, данной послу советским лидером.

Передавая послание, Смит заявил: «Президент просил меня сказать, что и он и госсекретарь Бирнс всегда верили, что, когда генералиссимус делает заявление или берет обязательства, он намеревается выполнить их, но было бы неправильно, исходя из характера США, нашего миролюбия и глубокой заинтересованности в безопасности мира, полагать, что мы разобщены и слабы или не хотим взять на себя ответственность. Если народ Соединенных Штатов когда-либо придет к мысли, что он столкнулся с волной нарастающей агрессии со стороны любого сильного государства или группы стран, мы будем реагировать точно так же, как мы делали это в прошлом»².

Некоторые авторы полагают, что данное заявление фактически являлось угрозой применения против СССР военной силы, включая атомное оружие, поскольку, несмотря на проводимую демобилизацию, Америка являлась «величайшей военной силой в мире, а угрозы от человека, за несколько месяцев до описываемых событий отдавшего приказ сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, нельзя было не воспринимать всерьез. Кроме того, в то время, согласно опросам общественного мнения, Трумэн пользовался поддержкой подавляющего большинства американцев»³.

Такому повороту событий могла способствовать и обстановка, сложившаяся в мире после речи, произнесенной в присутствии Трумэна Черчиллем 5 марта 1946 г. в Фултоне, означавшей начало холодной войны. Все это так, однако если в послании, переданном В. Смитом, не было сказано ничего, кроме вышеуказанного, то ситуация оказывалась схожей с художественным произведением, оборванным на высокой ноте, но оставившем на усмотрение публики завершение сюжета в ту или иную сторону. В любом случае, для прояснения вопроса было бы необходимо изучить полный текст данного послания.

Следует отметить, что есть более прямые указания на угрозы США применить атомное оружие. Согласно воспоминаниям сенатора Генри Джексона, Трумэн пригласил советского посла в США А. А. Громыко в Белый Дом и заявил ему, что если советская армия немедленно не эвакуируется из Ирана, то США применят атомную бомбу⁴.

В свою очередь иранское правительство добивалось вывода войск, действуя иными способами. В середине февраля 1946 г. премьер-министром стал Кавам ос-Салтане — опытный политик до этого трижды занимавший пост премьера. Политика Кавама в прошлом всегда была недружественна к Советскому Союзу и ориентирована на Англию. Однако с выходом на иранскую сцену

Соединенных Штатов он стал все больше проявлять склонность к следованию в фарватере американской политики. Достаточно сказать, что печально знаменитая своими разрушительными для Ирана последствиями миссия Артура Милспо была приглашена именно Кавамом в период его третьего премьерства (август 1942 — февраль 1943 гг.).

Кавам сразу активно принялся за ирано-советские отношения и уже в середине февраля 1946 г. отправился с визитом в Москву, где четыре раза встречался с В. М. Молотовым и дважды с И. В. Сталиным. В ходе переговоров советские руководители обращали его внимание на то, что Иран подвергает СССР дискриминации, отказываясь сотрудничать с ним в области разведки и эксплуатации нефтяных месторождений в Каспийском море, в то время как Англия по-прежнему владеет концессией на добычу южной нефти. Кавам не спорил с этим, но объяснял свою сдержанность тем, что он скован предыдущими решениями меджлиса, принявшего в свое время закон, запрещающий правительству вести переговоры по вопросам о нефтяных концессиях с иностранными державами до конца войны, под которым подразумевался и полный вывод войск союзников из Ирана. Эта ситуация могла бы быть исправлена с выбором нового меджлиса и выводом советских войск как неперемennого условия проведения свободных выборов.

Другой темой переговоров было признание иранским правительством азербайджанской автономии. Здесь Кавам также заявил, что признание должно быть юридически оформлено меджлисом, срок действия которого истек, а выборы меджлиса нового созыва задерживаются именно присутствием советских войск.

Он терпеливо выслушивал рассуждения И. В. Сталина о необходимости проведения социально-экономических реформ в Иране и признал их значимость, заметив при этом, что их проведение станет возможным только в том случае, если Иран оставят в покое⁵.

Переговоры в Москве завершились без подписания какого-либо документа. Было решено продолжить их в Тегеране, где советскую сторону будет возглавлять посол СССР в Иране. Видимо, для облегчения переговорного процесса советское руководство заменило своего посла М. Максимова, являвшегося сторонником жесткой линии по отношению к Ирану, на сравнительно мягкого И. Садчикова. Полагаю, что эта смена послов носила символический характер и должна была показать готовность СССР к компромиссу.

Причина готовности Советского Союза к компромиссу с Ираном состоит в своеобразной двойственности советской политики в Иране. С одной стороны, она опиралась на широкие слои населе-

ния, недовольные своим положением, и на распространение коммунистической идеологии, носителем и популяризатором которой являлась партия Туде. В случае успеха этой линии в Иране неминуемо должны были бы измениться социальные, экономические и политические основы общества. С другой — И. В. Сталин и В. М. Молотов постоянно старались сблизиться с правящей элитой и особенно шахским двором, дабы договориться об изменении иранской внешней политики и переориентации ее с Англии и США на СССР. При таком подходе, который являлся достаточно прагматичным и своеобразным отходом от советских идеологических установок, монархия, по мнению руководителей СССР, получила бы возможность своего невозбранного существования, сохранились бы основные устои общества. К тому же Иран получил бы щедрую военную и экономическую помощь. Деятельность же Туде могла бы быть подкорректирована в соответствии с новым курсом.

Существует много свидетельств о беседах И. В. Сталина с Мохаммедом-Реза и другими членами царствовавшего дома. Первые попытки сблизиться с шахом были предприняты в 1943 г. в дни Тегеранской конференции. «Стилистика» беседы советского руководителя с шахом существенно отличалась от таковой Черчилля и Рузвельта, которые уделили ему мало внимания и, нарушив протокол, не нанесли визитов иранскому суверену, являвшемуся формальным хозяином встречи. Наоборот — шах был вынужден нанести им визиты. Более того, беседа с Рузвельтом была весьма странной. Вот как описывал ее много десятилетий спустя Мохаммед-Реза: «В тот год Рузвельт находился на пике своего могущества. Представьте мое удивление, когда я услышал, что этот приятный человек просит нанять его в качестве эксперта по лесоводству в Иране после окончания его срока работы в качестве президента США. Что могла означать такая просьба? Полагал ли Рузвельт, что будущее Ирана настолько безопасно, что он уже мог беспокоиться о таких проблемах, как восстановление лесов?»⁶ Конечно, вопрос его величества носит риторический характер.

Западные лидеры не воспринимали шаха всерьез и, несмотря на свое безупречное образование (Рузвельт) и аристократическое происхождение (Черчилль), не считали необходимым скрывать этого.

В противоположность им И. В. Сталин, согласно протоколу сам нанесший визит шаху, подошел к встрече весьма серьезно: «В то время как мои посещения Черчиля и Рузвельта были поверхностными и не имели реального значения, встреча со Сталиным была совершенно иной. Во-первых, он оказался единственным участником, побеспокоившимся о протоколе, и посетил меня, а не вызвал меня в

посольство, как сделали два других. А во-вторых, он был вежлив и уважителен. Он не дотронулся до чая, пока я не начал чаепития. Более того, он говорил о важных для Ирана вещах»⁷.

Во время встречи речь шла о возможности предоставления Ирану экономической и военной помощи. Имея в виду масштабы помощи и ее постоянную основу, И. В. Сталин сказал: «Вы можете не беспокоиться о следующих 50 годах»⁸.

Товарищ Сталин, в частности, предложил поставить Ирану танковый полк и эскадрилью военных самолетов. Спустя две недели советский посол довел до сведения иранской стороны условия их передачи — занятие офицерами Советской Армии руководящих постов в данных подразделениях. Эти условия не устроили шаха (а может быть, прежде всего американцев), который все больше склонялся в сторону США, наводнявших Иран своими военными советниками и инспекторами, один из которых — полковник, а позднее генерал Н. Шварцкопф руководил иранской жандармерией.

Еще более обстоятельной была беседа с принцессой Ашраф — сестрой-близнецом шаха, которая получила приглашение от советского Красного Креста посетить СССР в апреле 1946 г., как раз в период урегулирования вопроса о выводе войск и осуществления самого их вывода. Разумеется, официальная цель визита — посещение госпиталей и знакомство с советской системой здравоохранения — была не главной. Истинной же являлась встреча с И. В. Сталиным и обсуждение вопросов двусторонних отношений и проблемы территориальной целостности Ирана. Кроме того, двор был крайне обеспокоен визитом Кавама в Москву, и шах хотел, чтобы сестра постаралась выведать, о чем он в действительности мог говорить с советским руководством.

Беседа с советским лидером вместо запланированных по протоколу 10 минут длилась около двух с половиной часов. За это время товарищ Сталин несколько раз отсылал шефа протокола, приходившего напомнить ему о том, что встречу пора заканчивать.

В своей эмоциональной речи, которую Ашраф произнесла на одном дыхании, она старалась убедить собеседника в необходимости прекратить поддержку Азербайджанской Республики, «пытаясь убедить Сталина в том, что это марионеточное государство обострит отношения между нашими странами на грядущие годы. Я добавила, что иранская дружба и доверие будут более ценными для Советского Союза, поскольку мы хотим развивать экономические связи с нашим северным соседом»⁹.

И. В. Сталин выслушал часовую речь, ни разу не перебив принцессы. Он говорил ей, что Иран не нуждается в других друзьях,

кроме СССР. «Имея в виду разбирательство иранской жалобы в ООН, высказал мнение о том, что соседние страны могут решить имеющиеся между ними проблемы путем переговоров на основании взаимопонимания и без привлечения международных организаций и третьих сил. Он призывал Иран не противостоять Советскому Союзу, надеясь на американскую поддержку, и ясно дал понять, что не боится Америки и Великобритании»¹⁰.

У Ашраф создается прочное ощущение, что ее партнер понимает нежизненность коммунистической революции в Иране и делает акценты на более реалистических вопросах, таких как создание смешанной советско-иранской нефтяной компании, договор о которой был недавно подписан Кавамом и Садчиковым. Все это привело ее высочество к выводу о том, что советский вождь был не «коммунистическим интеллектуалом», а скорее «прагматическим реалистом, который управлял Россией во вполне имперской манере»¹¹.

Когда беседа завершилась, то генералиссимус Сталин предложил своей гостье руку, проводил до дверей кабинета, и, прощаясь, положил руку ей на плечо и, глядя прямо в глаза, сказал: «Передайте мои наилучшие пожелания Вашему брату шахиншаху и скажите, что если бы он имел десяток таких как Вы, то мог бы ни о чем не беспокоиться». Потом, обращаясь к переводчику, сказал: «Она правда патриот»¹².

Видимо, именно в стремлении советского руководства установить контакты с иранской политической элитой и достичь достаточно высокого уровня доверия между странами, а не американских угрозах следует искать причины готовности к компромиссу. Тем более что первое советское заявление о выводе войск было сделано 24.03.1946, а послание Трумэна с угрозами было передано И. В. Сталину только вечером 4 апреля.

Следует напомнить и о том, что периоды политического сближения между двумя странами, несмотря на все классовые различия, уже имели место на начальном этапе правления Реза-шаха. В то время его проводником и горячим сторонником являлся министр двора Абдул Хосейн-хан Теймурташ. Естественно, И. В. Сталин как один из инициаторов этого процесса, происходившего в 1926–1932 годах и прерванного под давлением англичан, хотел установить с Мохаммедом-Реза такие союзнические отношения, какие силой обстоятельств не удалось наладить с его отцом¹³.

Как мы знаем сегодня, правящая элита, в первую очередь шахская семья, не решалась принять дружбу Советского Союза, предложение которой было сделано И. В. Сталиным. Несомненно, причина

этого состояла в их уповании на всемогущество США и в предположении о том, что Америка всегда будет поддерживать шаха.

Однако спустя много лет, когда Ашраф встретила со своим братом, свергнутым Хомейни, преданным могущественными покровителями, смертельно больным, нашедшим временное пристанище в госпитале на одной из американских баз в Техасе в ожидании разрешения на въезд в Панаму (вот уж действительно злая шутка судьбы), прошлое виделось им совсем иначе: «Мы беседовали о наших детях и вспоминали об иных временах, временах, когда у нас был иной выбор. Что если... подумала я. Что если бы 30 лет назад мы послушали Сталина, если бы Иран выбрал наших соседей на Севере вместо наших соседей на Западе? Конечно, цена такого альянса могла бы действительно оказаться высокой, но, возможно, сегодня иранский народ мог бы и не очутиться в стране, находящейся в состоянии экономического расстройств и под угрозой распада. Конечно, конечно, это были лишь размышления, интеллектуальная головоломка, ответа на которую нет»¹⁴.

Разумеется, трудно сказать, что могло бы получиться, прими Мохаммед-Реза предложение советского руководителя, однако, скорее всего, конец династии не был бы столь бесславным, ибо одним из основных принципов советской внешней политики, по крайней мере до Горбачева, было соблюдение своих союзнических обязательств.

Вернемся, однако, в 1946 г., когда в один и тот же день — 4 апреля американский посол вручал послание Трумэна в Москве, а Кавам и Садчиков подписывали коммюнике в Тегеране.

В Москве В. Смит изложил содержание послания и от имени американского народа поинтересовался, как далеко Советский Союз намерен зайти и чего он хочет. При этом он сказал, что американский народ понимает озабоченность СССР вопросами своей безопасности, но последние события на Ближнем Востоке, в ООН и методы, избранные для достижения безопасности, заставляют США серьезно насторожиться.

В свою очередь товарищ Сталин выдвинул целый ряд контрпретензий к американцам, препятствующим налаживанию советско-иранского сотрудничества в области нефти, чрезмерно опекающих Иран и вместе с англичанами плетущими заговоры против СССР. Чего стоит одна речь Черчилля в Фултоне! Обстоятельность ответов И. В. Сталина на поднятые американцами вопросы произвела огромное впечатление на посла, который решил, что его собеседник либо обладает колоссальной памятью и способностью концентрировать-

ся, либо советская сторона заранее была осведомлена о всех вопросах, которые он будет ставить.

В. Смит признал, что США не могут отрицать права СССР заключать договоры с Ираном по сотрудничеству в области нефти, заметив лишь, что они против тех методов, которыми Советский Союз добивается этой цели.

На прямой вопрос о том, как далеко собирается Россия зайти, было заявлено: «Мы не пойдем слишком далеко». Поскольку американцы очень боялись советского продвижения в Турцию, то Смит поинтересовался, не относится ли данный ответ к Турции. На что И. В. Сталин заявил, что, хотя Турция ведет себя недружественно и слишком слаба для охраны проливов, СССР не имеет агрессивных планов по отношению к ней.

Вероятно, у Смита настолько отлегло от сердца, что он сам предположил, что СССР мог бы потребовать в ООН разрешения на создание военной базы в Дарданелах для обеспечения своей безопасности¹⁵.

В завершение встречи советский лидер отклонил приглашение Трумэна посетить с визитом Соединенные Штаты, сославшись на слабое здоровье. Как известно, американский президент полагал, что может использовать в отношении СССР политику кнута и пряника. Однако в то время советские руководители не были падки на заграничные командировки и ни суточными, ни магазинами не интересовались.

Пока в Москве проходила встреча, в Тегеране советские дипломаты под руководством Садчиков и иранские чиновники во главе с Кавамом работали над окончательным текстом советско-иранского соглашения, в котором должны были быть решены все неурегулированные между сторонами вопросы. Подписание соглашения произошло в четыре часа утра 5 апреля, однако датировано оно четвертым числом.

Некоторые исследователи полагают, что данная задержка была вызвана необходимостью дождаться окончания встречи И. В. Сталина со Смитом, подтверждая это тем, что якобы в конце апреля на протокольном обеде, данном госсекретарем США Бирнсом, В. М. Молотов и А. Я. Вышинский признали, что «Советы не принимали решения по иранскому вопросу до 5 апреля, таким образом косвенно подтверждая влияние сказанного Смитом Сталину 4 апреля»¹⁶.

Хотя в данном заявлении не говорится прямо, но делается намек на то, что на И. В. Сталина подействовали угрозы Трумэна. Как видим, сторонники жесткого увязывания уступок СССР с угрожающим посланием Трумэна особенно подчеркивают, что под-

писание коммюнике Садчиков — Кавам произошло утром 5 апреля, а датировано — 4 апреля. Однако ситуации, когда переговоры начинаются одним числом, а завершаются после полуночи и при этом датируются предыдущим днем, достаточно часты в дипломатической практике. Автору этих строк, достаточно долго проработавшему в Иране, неоднократно приходилось участвовать в подготовке подобного рода двусторонних документов, и всегда они доводились до подписания глубокой ночью, когда и советские (русские) и иранские эксперты уже с трудом понимали, что же они делают, а главы делегаций едва находили место, где должны были поставить свою подпись.

По версии сторонников концепции относительно эффективности атомного шантажа, угрозы Трумэна, отдавшего приказ об атомной бомбардировке Японии, не могли не восприниматься всерьез. Однако уместно задуматься над вопросом: а мог ли человек, только что разгромивший Германию, обладавшую всем экономическим и военным потенциалом Европы, и сдерживавший своих генералов от броска к Атлантике, испугаться угроз американцев, не имевших к тому же в то время эффективных средств, способных доставить атомное оружие в глубь советской территории? Да и само противостояние Западу было вполне обычным историческим явлением на протяжении многих веков:

Иль русского царя уже бессильно слово?

Иль нам с Европой спорить ново?

Иль русский от побед отвык?

Прежде чем изложить свою точку зрения по вопросу о мотивах принятия решения относительно вывода войск, представляется необходимым изложить краткое содержание документа, подписанного Кавамом и Садчиковым. В обнаруженном коммюнике сообщалось что:

1. Стороны согласовали вопрос о выводе советских войск с иранской территории в полуторамесячный срок, начиная с 24 марта 1946 г.
2. Правительства двух стран заключили договор о создании смешанного советско-иранского общества по разведке и эксплуатации нефтяных месторождений в северном Иране. Иранское правительство обязалось представить его в Меджлис на утверждение в течение семи месяцев, начиная с 24 марта 1946 г.
3. Стороны констатировали, что проблема иранского Азербайджана является внутренним делом Ирана и «между правительством и населением Азербайджана будет найден мирный путь

для проведения реформы в соответствии с существующими законами и в духе благожелательного отношения к азербайджанскому населению»¹⁷.

Если посмотреть на события в Москве и Тегеране, то взаимосвязь между ними очевидна. Однако едва ли можно говорить о том, что И. В. Сталин, испугавшись послания Трумэна, пошел на односторонние уступки. Скорее был достигнут определенный компромисс: Советский Союз обязался вывести свои войска и признал азербайджанский вопрос внутренним делом Ирана, США признавали право СССР на создание смешанной нефтяной компании в Иране, военной базы в проливах, а Кавам обязался решить миром отношения с иранским Азербайджаном и подписал соглашение о создании советско-иранской компании, перестав ссылаться на ограничения, налагаемые на него меджлисом. Кроме того, в скором времени Кавам ввел в свое правительство трех министров — членов партии Туде. Последнее могло устно обговариваться с советскими представителями и также являться одним из элементов в данной достаточно сложной комбинации.

Особенно следует подчеркнуть, что главной целью Советского Союза в то время являлось создание нефтяной компании. Данная идея была не нова. Еще во второй половине двадцатых годов она активно обсуждалась между сторонами, и были достигнуты договоренности о создании компании Кевир — Хуриан, в сферу деятельности которой попадал север Ирана. Однако из-за давления англичан этот проект остался нереализованным. В 1944 г. заместитель наркома иностранных дел Кафтарадзе попытался получить концессии на разведку и эксплуатацию северной нефти. Тогда меджлис принял закон, запрещающий правительству вести переговоры о нефтяных концессиях до окончания войны, под чем подразумевался и вывод всех иностранных войск с иранской территории. Это сделало невозможным предоставление концессий не только СССР, но и американским нефтяным компаниям, рвавшимся в Иран.

Таким образом, все три стороны, участвовавшие в рассматриваемых событиях, сделали определенные уступки. Правда, дальнейший ход событий показал, что выгода от достигнутого компромисса для Советского Союза оказалась весьма кратковременной. Во многом это объяснялось ловкостью Кавама, и не думавшего реально сблизиться с СССР. Он лишь говорил то, что хотел услышать его собеседник. Вот как он характеризовал свою тактику при переговорах с И. В. Сталиным в Москве: «Когда ты имеешь дело со львом, то лести и ублажай его, не старайся противопоставлять ему свои когти»¹⁸.

В рамки этой философии полностью укладываются все действия Кавама, внешне представлявшиеся дружественными СССР: подписание договора о нефтяной СК, назначение трех членов ЦК Туде на министерские посты, полное урегулирование азербайджанского вопроса, вплоть до подписания соглашения с Пишевари и др.

Своеобразным подтверждением сказанному стал обмен выступлениями между иранским премьером и советским послом, происшедший 18 апреля 1946 г., когда в здании иранского МИД Кавам дал торжественный обед в честь советского посла И. Садчикова. На обеде присутствовали несколько министров, заместитель премьер-министра Мозаффар Фируз, а также несколько дипломатических представителей. В ходе приема Кавам произнес весьма примечательную речь, которая в изложении иранской прессы выглядела следующим образом:

«Господин посол, за недолгий срок Вашего пребывания в Иране предприняты шаги к устранению трудностей и достижению полного взаимопонимания, а разногласия, имевшиеся в прошлом, превратились в дружеское взаимопонимание, что является источником величайшей радости. Во время пребывания в Москве я встретился с генералиссимусом Сталиным — великим и любимым вождем СССР и стал свидетелем величия и щедрости Советского Союза. Я убедился, что у такого государства можно попросить все и не дать ничего взамен. К счастью, так и случилось. Ваше назначение, назначение глубокоуважаемого посла, явилось для нас большим успехом. И я уверен, что Ваша верность и искренность будут лучшей порукой хороших связей и дружеских взаимоотношений между двумя соседними и дружескими государствами в будущем. Я поднимаю бокал и пью за здоровье генералиссимуса Сталина — любимого вождя СССР и за величие соседнего и дружественного народа»¹⁹.

В ответном слове Садчиков заявил следующее: «Глубоко признателен за речь премьер-министра г. Кавама ос-Салтане и рад, что за этот короткий промежуток времени, прошедший после моего приезда в Иран, прежние противоречия сменились взаимопониманием, единством и дружбой. Для меня является источником большой радости то, что за недолгое мое пребывание в Иране осуществлены важные и полезные мероприятия, которые активно влияют на взаимоотношения двух дружественных соседних государств. Я уверен, что будет целесообразным, если в настоящее время, подобно тому, как женщинам нежелательно применять фальшивые бриллианты на торжествах, из обычаев и принципов дипломатии будут отброшены прочь пустые речи и принципы и искренне внесены новые.

Поэтому мероприятия данного периода, фактически увенчавшиеся желательными результатами, являются источником радости. Здесь следует отметить, что Ваша личность, в руках которой находятся бразды правления страной, Ваши искренность и деловитость оказали важную и существенную помощь в деле достижения взаимопонимания между двумя странами и желаемых результатов.

Ясно, что если мы смогли за эти несколько недель закрепить такую дружбу и любовь на основе искренности и деятельности между двумя странами, это доказывает, что в будущем мы достигнем еще больших успехов.

Поднимая бокал, я пью за здоровье Кавама ос-Салтане — крупнейшего и влиятельнейшего деятеля эпохи»²⁰.

Данные выступления дают обильную почву для размышлений. В речи Кавама основной упор делается на возвеличивание И. В. Сталина, улучшение двусторонних отношений и на щедрость и бескорыстие СССР. Очень вскользь выражена надежда на сохранение дружественных отношений в будущем. Все это было неслучайным и свидетельствовало о том, что Кавам полагал, что уже получил от Советского Союза все, что хотел. Особое значение имела мысль о том, что у СССР можно попросить все, не дав ничего. Казалось бы, сие есть воздаяние должного бескорыстию Советского Союза. Однако в действительности являлось своего рода издевкой над северным соседом. Кавам фактически проговорился о своих планах добиться от СССР вывода войск из Ирана и признания азербайджанского вопроса внутренним делом Ирана, не дав взамен ничего из того, что было предусмотрено в соглашении от 4 апреля: создание смешанной нефтяной компании и обязательства мирного решения азербайджанской проблемы. Теперь уже точно не скажешь, обратили ли в Москве внимание на возможность подобного смысла указанной фразы Кавама. Но весь дальнейший ход событий, пожалуй, свидетельствует о том, что не обратили.

Напротив, основной пафос речи Садчикова строился не только на отдании должного достигнутым успехам, но и на подчеркивании необходимости выйти в будущем на еще более высокие рубежи и «отбросить прочь пустые речи и принципы и искренне внести новые». Вся речь Садчикова, будучи обращена к иранской правящей элите, фактически являлась призывом сменить внешнеполитический курс Ирана и была одним из элементов линии И. В. Сталина — В. М. Молотова на сближение с иранской монархией. Неслучайно и совпадение во времени данного раута с визитом в СССР Ашраф

Пехлеви и ее беседой с тов. Сталиным, когда советский лидер внушал ей практически ту же самую мысль.

- ¹ Подробно см., в частности: *Е. А. Орлов*. Внешняя политика Ирана после второй мировой войны. М., 1975, с. 42–52.
- ² Цит. по: *Kurosh A. Samii*. Involvement by invitation American Strategies of Containment in Iran. The Pennsylvania State University Press University Park and London, с. 84.
- ³ Там же, с. 85.
- ⁴ Time Magazine, 28 January, 1980, с. 13. Цит. по: *Kurosh A. Samii*. Ук. соч., с. 70.
- ⁵ *Kurosh A. Samii*. Ук. соч., с. 80.
- ⁶ *Mohammad-Reza Pahlavi*. Answer to History. N-Y, 1980, с. 72.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Ashraf Pahlavi*. Faces in a Mirrors, Memoirs from Exile. N-Y, 1980, с. 86.
- ¹⁰ Там же, с. 87.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Подробно об этом см.: *З. А. Арабаджян*. Иран: противостояние империям 1918–1941. М., 1996.
- ¹⁴ *Ashraf Pahlavi*. Ук. соч., с. 220–221.
- ¹⁵ Изложение содержания беседы дается по: *Walter Bedell Smith*. My Three Years in Moscow. Philadelphia and N-Y, 1949, с. 49–55.
- ¹⁶ *Kurosh A. Samii*. Ук. соч., с. 88.
- ¹⁷ Внешняя политика Советского Союза 1946 г. (Документы и материалы). М., 1952, с. 113.
- ¹⁸ *Kurosh A. Samii*. Ук. соч., с. 80.
- ¹⁹ «Эттелаат», 19. 04. 1946.
- ²⁰ Там же.

В. В. Хуторская

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН И СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В 90-е годы внешнеполитический курс ИРИ претерпел определенные изменения, внешнеполитическая стратегия стала характеризоваться большей умеренностью. Приверженцы А. А. Хахеми-Рафсанджани говорят, что он был преисполнен решимости покончить с изоляцией страны и вернуть Ирану былую роль ответственной региональной державы. В Иране все больше внимания стали уделять отношениям с непосредственными соседями.

После распада СССР Иран получил возможность свободно развивать отношения со странами Центральной Азии, что было невозможно ранее, когда все связи контролировались центральным руководством СССР и его внешнеполитическим ведомством. С другой стороны, вакуум, образовавшийся после исчезновения Советского Союза, поспешили заполнить не только Иран, но и другие силы, присутствие которых в регионе, а в особенности в непосредственной близости от своих границ, Иран не устраивало.

Центральноазиатский регион является не только источником высоких прибылей и влияния, занимая исключительное геополитическое положение и обладая огромными запасами полезных ископаемых, особенно природного газа и нефти, но и источником возможных угроз как для региональной, так и для мировой безопасности. С древности характерными особенностями Центральной Азии были полиэтничность и многоконфессиональность. Центральная Азия была местом соприкосновения многих народов, взаимобмена культур и традиций. Веками сосуществовали, пропагандировались и распространялись разные религии. В наши дни 36. Бжезинский определяет этот регион как «Евразийские Балканы».

И действительно, нельзя исключать того, что данный регион может превратиться в очаг этнических конфликтов. Нередко гово-

рят и о возможной исламизации центральноазиатских республик, о вероятности их превращения в источник исламского экстремизма.

В регионе остро стоят проблемы и другого плана. Например, предметом особого беспокойства стало экологическое состояние Каспийского моря, способное повлиять не только на прибрежные районы, но и на состояние мировой экологии в целом.

После распада СССР обострилась социальная напряженность в регионе, ставшая в значительной степени результатом ухудшения экономического положения в новых независимых государствах Центральной Азии. Увеличилась опасность возникновения конфликтов на этнической, национальной, конфессиональной почве. Иран потенциально уязвим с точки зрения внутренних этнических конфликтов и, если произойдет дестабилизация обстановки в любой из центральноазиатских республик, внутренние проблемы региона могут выйти из-под контроля. Все это, естественно, не могло не вызывать обеспокоенности ИРИ, и Центральная Азия стала объектом пристального внимания Ирана, превратилась в одно из основных направлений его внешней политики, что сохраняется и сейчас и открыто признается руководителями иранского внешнеполитического ведомства¹.

Кроме этого, у Ирана сложные отношения с соседями: в регионе Ближнего и Среднего Востока и Персидского залива ему приходится мириться со сложившимся положением, диктуемым арабскими государствами и отчасти Соединенными Штатами, что оставляет Ирану мало места для активной деятельности. Наоборот, Центральная Азия предоставляет ему такие возможности, чего требует и ситуация, складывающаяся вокруг Каспийского моря. Северным провинциям остро необходимы поставки энергии, газа, особенно для нужд населения. Естественно его выгоднее поставлять из района Каспийского моря, чем переправлять с гораздо более отдаленных месторождений на юге страны.

Помимо сохранения стабильности в регионе, недопущения развития национальных движений, Ирану необходимо и установление с центральноазиатскими странами прочных политических, экономических и культурных связей. Естественно, хотели бы в Тегеране и распространение в Центральной Азии исламских ценностей, так как Иран хочет выступать также и в роли лидера исламского мира, но иранское руководство достаточно разумно, чтобы не акцентировать вопросы политики и идеологии в своих отношениях с этими странами. Ни одно из правительств центральноазиатских республик не склонно к установлению у себя

исламского порядка, все поддерживают близкие отношения с Турцией, Соединенными штатами, многие — с Израилем.

Даже в первые годы после исламской революции в Иране были очень редки призывы экспортировать исламскую революцию в центральноазиатские республики СССР. Если такие призывы к советским мусульманам имели место, то они делались в гораздо более мягкой форме, чем аналогичные обращения по отношению к мусульманам арабских стран, более суровой критике подвергались и режимы последних. И после распада СССР Иран неоднократно заявлял, что не ставит перед собой цель распространить в этих республиках революционные идеи. В 1992 г. Камаль Харрази, будучи представителем ИРИ в ООН, заявил, что народы Центральной Азии имеют право выбирать свой путь и Иран не будет навязывать им своей дружбы, скорее он рассчитывает на хорошие соседские отношения². Таким образом, здесь исламская идеология не имеет определяющего значения. Многие исследователи, например Д. Менашри, уверены, что первостепенное значение для Ирана имеют отношения с Россией. Так, Али Акбар Велаяти, будучи министром иностранных дел ИРИ, заявлял, что Иран формирует свою политику в регионе таким образом, чтобы избежать столкновения с Россией³. После распада СССР Москва сохранила для Ирана большую значимость. Тегеран хотел, чтобы Россия уважала договоры, которые он подписал с СССР, чтобы Россия отвечала за их соблюдение, и старался не давать повода России для выхода из этих договоров. Подчеркивалась важность соглашений, достигнутых за последние годы, особенно соглашений по торговле и вооружениям. Таким образом, несмотря на свое желание распространять идеологическое влияние в Центральной Азии, региональная стабильность и взаимовыгодные двусторонние отношения, как оказалось, имеют для Ирана большее значение. Как писала газета «Кейхан-е хаваи» в 1993 году, «изменение во внешнеполитической линии не означает отхода от принципов исламской революции, а является показателем осознания новых возможностей и попытки использовать их как можно лучше в интересах революции»⁴.

Хочется обратить внимание на то, что в ходе поездки в 1993 г. по странам Центральной Азии президент ИРИ Хашеми-Рафсанджани подчеркнул, что основной целью его поездки являются деловые контакты, в то время как ранее министр иностранных дел ИРИ Велаяти заявлял, что Иран рассматривает свои отношения со странами Центральной Азии не с коммерческой точки зрения⁵. Здесь отчетливо проявился прагматизм иранского руководства,

ведь данное заявление делалось, вероятно, с учетом того, что центральноазиатские страны неоднократно высказывались за свое желание развивать с Ираном преимущественно экономические отношения, без политического подтекста. Так, один из представителей туркменского МИДа заявлял, что Иран нужен Туркменистану, чтобы доставлять к морю туркменские товары, но что Туркменистан вовсе не желает превращаться в исламское государство. В таком же духе высказался и бывший глава Духовного управления мусульман Центральной Азии муфтий Мохаммед Юсуф Мохаммед Садег, заявив, что для Узбекистана более приемлемым является турецкий путь развития⁶. Похоже, иранское руководство все это осознало и приняло во внимание, модифицировав внешне свой подход к отношениям с центральноазиатскими странами. Тем не менее оно подверглось жесткой критике в самом Иране. Его обвиняли в неумении выработать необходимый подход в отношениях со странами Центральной Азии и неуместном использовании революционной риторики, с одной стороны, и за слишком слабые усилия в деле распространения идей исламской революции — с другой.

Но прагматическое крыло осознало, что более прочной базой для интенсивного проникновения Ирана в регион и распространения там его влияния может стать культурная доминанта. В Тегеране произошла быстрая переориентация на возрождение культурной общности. Стало активно, особенно в 90-е годы, пропагандироваться общее культурное наследие региона. При этом делается акцент на необходимость культурного возрождения для обретения истинной независимости, возрождения былого величия и подчеркивается, что в этом Иран готов оказать значительную помощь.

Это новое направление внешнеполитического курса совпало с тем, что в Иране уже с конца 80-х годов одновременно с ослаблением жесткого исламизированного идеологического курса в политике и культурной жизни страны заметнее начинает проступать традиционный, собственно иранский элемент⁷. Провозглашается приверженность классической традиции в культурной политике, демонстрируется стремление объединить ученых Азии и всего мира вокруг ценностей персидской классической поэзии и наследия Фирдоуси. Особый акцент делается на роли эпоса Фирдоуси для народов Центральной Азии и всего региона. Именно на эти факторы возлагается задача создания почвы для интегрирования в регион с общими культурными и экономическими предпосылками⁸. Культурно-политическая доктрина Ирана в регионе

отходит от чисто исламских постулатов и ориентируется на распространение и пропаганду памятников иранской культурной традиции — персидского языка и поэзии, текста Корана на фарси, реконструкцию исторических традиционных связей, распространение общих этнических доисламских и исламских принципов. Исламское наследие присутствует в доктрине лишь как некий общий фон⁹.

В Тегеране заявляют, что на этапе формирования такой чисто экономической организации, как ОЭС роль иранского культурного наследия позволит консолидировать экономический союз стран и обрести в исламском мире свой устойчивый имидж. Иранцы полагают, что именно специфика древней иранской культуры и ее укорененность в истории и сознании народов Южной Азии поможет нынешним государствам более эффективно интегрироваться в регион и будет способствовать его развитию и созданию в будущем культурно-политической и экономической общности сопредельных стран¹⁰.

В 1995 году министр иностранных дел ИРИ А. А. Велаяти провозглашает действенность принципа исламского идеолога Али Шариати «возврата к себе» (базгяшт бе ход), который, по его мнению, действителен и проявляется в культурном, политическом и экономическом контексте жизни региона. Он говорит о региональных связях Ирана и Центральной Азии, успех и реальность осуществления которых «гарантирует общее для этих стран культурное наследие»¹¹. Данное заявление, если рассматривать его в контексте иранской региональной политики в Центральной Азии в 90-е годы, наглядно демонстрирует, как Иран использует идеи общей культуры для развития связей и укрепления своего влияния и положения в странах региона. Интересно, что при этом подчеркивается, что иранская культура не является чем-то привнесенным извне для стран региона, а представляет собой часть их собственного культурного прошлого. Таким образом, это приобретает вид не пропаганды собственно иранской культуры, а призыва к возвращению к своим корням, к своему славному прошлому, трепетное отношение к которому является традиционной частью культуры восточных народов вообще, а не только народов центральноазиатского региона.

Как утверждает Тегеран, в пользу развития сотрудничества центральноазиатских стран с Ираном говорят их общее культурно-историческое прошлое, общие границы, экономические основы и древние торговые связи. Общность культуры, истории, искусства, литературы и религии иранских народов с народами

стран Центральной Азии является крепким фундаментом и прочной базой для развития их взаимоотношений.

Таким образом, особое значение во взаимоотношениях стран Центральной Азии с Ираном стало уделяться анализу культурного прошлого. В этой связи особый интерес представляет точка зрения Мехди Санаи, иранского исследователя, специализирующегося на изучении взаимоотношений Ирана со странами Центральной Азии, а сейчас занимающего пост культурного атташе ИРИ в России, опубликовавшего в 1997 г. в Алматы книгу «Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии». В качестве обоснования исторической и культурной общности Ирана и центральноазиатского региона М. Санаи приводит несколько аргументов¹². Хотелось бы остановиться на некоторых из них:

1) Отношения Ирана с Центральной Азией стали развиваться до появления ислама и даже до появления христианства, когда большая часть территории нынешней Центральной Азии была частью Ирана. Благодаря заимствованной у древних иранцев системе обучения и воспитания школы Центральной Азии приобрели особое развитие и стали центрами воспитания великих ученых, благодаря этой системе в регионе успешно развивались исламская культура, наука, техника, образование, философия, искусство и литература. Даже находясь под властью правителей-тюрков, имевших тесные связи с Аббасидским халифатом и препятствовавших распространению шиизма, не допуская иранцев к власти, иранцы обладали огромным влиянием в политической и культурной жизни. Культура и цивилизация, существующая в Центральной Азии, с появлением ислама в регионе воспринимается как прямая заслуга Ирана¹³. В языках народов Центральной Азии можно встретить много персидских слов. Местное население использует в разговорной речи персидские поговорки, стихи. Таджикский язык относится к иранским. В Узбекистане большинство исламских ритуалов народ выполняет на персидском языке. Благодаря влиянию иранской системы образования на многих летописцев XV—XVII столетий история народов Центральной Азии писалась на персидском языке. В исторических зданиях сохранились следы иранской архитектуры и ремесла. Почитаемые поэты народов Центральной Азии — Фараги, Навои, Айни, Кунанбаев — считали себя учениками иранских поэтов и придерживались их взглядов. Все народы Центральной Азии хорошо знают и любят известных иранских поэтов — Хафиза, Фирдоуси, Саади, Хайама. Известные ученые, родившиеся на территории Центральной Азии, признаются продуктами ирано-исламской культуры и отмечается, что, например,

на мировом уровне такие ученые, как Рудаки, Улугбек, Бухари, ибн Сина, Балами, Бируни, Насер Хосров известны как иранские деятели. У народов Ирана и Центральной Азии много общих традиций, например празднование Ноуруза. Многие традиции и обычаи сформированы под влиянием ислама, который отразился на менталитете и быте народов центральноазиатского региона, занял прочное место в их повседневной жизни. Мощным консолидирующим фактором в жизни народов региона была признана философия и поэзия суфизма, представленного в регионе в основном орденами Накшбандие, Кобревию, Яссауи, Кадирие, Чаштия. Одна из причин тесной связи Ирана с Центральной Азией заключается в присутствии национальных меньшинств по обеим сторонам общей границы. Взаимное переселение особенно интенсивно происходило во времена Великого шелкового пути.

2) В XVIII—XIX вв. большая часть территории Центральной Азии вошла в состав Российской империи, а в XX веке — СССР, в культурных отношениях между Ираном и Центральной Азией стал наблюдаться относительный застой. Однако, по мнению М. Санаи, присутствие иранской культуры и традиций в Центральной Азии было так сильно, что стало препятствовать распространению русской культуры в XIX—XX веках. Советизация и коллективизация вызвали массовое бегство тюрков Центральной Азии за рубеж, в том числе в Иран. В настоящее время большая община туркмен проживает в провинции Мазендаран на границе с Туркменистаном; в городе Горган и на севере Ирана проживает значительное количество казахов.

3) Лишь после обретения независимости в центральноазиатских республиках начался процесс самоопределения, возрождения национальной самоидентификации, целью чего было установить определенную дистанцию от России и русской культуры.

Таким образом, мы видим, что для иранского проникновения в регион создана убедительная идеологическая база, которая сразу же начинает активно внедряться на практике. В 1992 г. ИРИ открывает практически во всех республиках Центральной Азии свои посольства, где специальные сотрудники занимаются вопросами культуры, образования и науки. Кроме того, именно в этот период Министерство культуры и исламской ориентации открывает в г. Алматы специальное представительство, которое выполняет функции иранского культурного центра в регионе. Впоследствии культурные представительства ИРИ открываются в Таджикистане и Туркменистане. Эти структуры способствуют динамичному развитию культурных, образовательных и научных

связей между ИРИ и странами Центральной Азии¹⁴. В мае 1992 г. Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан и Туркменистан принимают участие в международной выставке книг в Тегеране. В дни работы выставки подписывается ряд двусторонних документов о сотрудничестве в области культуры, библиотековедения и полиграфической индустрии, охватывающие также пополнение книжной продукцией национальных библиотек соответствующих стран. В эти же годы в Иране издается целая серия учебников, словарей, журналов для республик Центральной Азии. Заключаются многочисленные соглашения в области культурного сотрудничества, договоренности о культурном обмене, соглашения между университетами Ирана и ВУЗами центральноазиатских стран; проводятся фестивали иранских фильмов, обмен концертными и театральными группами, открываются книжные магазины иранских издательств; студенты, изучающие персидский язык, направляются на стажировку в Иран, проводятся культурные встречи и мероприятия, представители центральноазиатских стран регулярно принимают участие в организуемых иранской стороной конференциях, симпозиумах по различной тематике. Проводятся дни культуры Ирана в центральноазиатских республиках и дни культуры стран Центральной Азии в Иране и многие другие мероприятия.

Иран уделяет огромное внимание изучению персидского языка в странах Центральной Азии. В университетах центральноазиатских стран создаются новые кафедры персидского языка, персидский начинает преподаваться в ряде средних общеобразовательных школ. ИРИ направляет преподавателей персидского языка в университеты республик, организывает курсы повышения квалификации и стажировки для преподавателей и практику для студентов, проводит семинары, обеспечивает необходимыми учебно-методическими материалами и техническими средствами обучения, издает учебную литературу на персидском и национальных языках.

Особенно активную деятельность ИРИ развернула в Таджикистане: там регулярно проводятся международные симпозиумы и семинары, посвященные персидскому языку и литературе, создан Фонд персидского языка. На иранские средства построены библиотеки имени Рудаки и Амира Кабира. Как подчеркивает М. Санаи, таджики признают тот факт, что они — иранцы, что таджики и иранцы — это части единого целого¹⁵. Развивается иранистика и в Казахстане и Кыргызстане, где до 1990 года этого направления востоковедения практически не существовало¹⁶. В 1990—1992 годах восточные факультеты с отделениями по иранистике открылись в Казахском государственном университете и

Бишкекском государственном университете. В настоящее время несколько сот студентов и аспирантов только Казахстана и Кыргызстана занимаются иранистикой, десятки представителей этих стран обучаются в магистратурах и аспирантурах ИРИ¹⁷.

Иран проявил особую активность в предоставлении новым государствам помощи с их телевизионными программами, оказывая таким образом непосредственное влияние на широкую аудиторию. Но ИРИ снабжает, например таджикское телевидение, в большей степени телевизионными сериалами, чем программами по религиозной тематике, которыми изобилует собственно иранское телевидение¹⁸.

В ходе пропаганды в пользу культурной общности Иран иногда характеризует советский период как мрачное прошлое центральноазиатских республик, говорит о попытках центрального московского руководства лишить народы Центральной Азии их культуры, самобытности, превратить их в составляющую часть единой безликой социалистической нации. Вряд ли можно с этим безоговорочно согласиться. Стоит признать, что унификаторская национальная политика действительно проводилась на территории СССР во времена Сталина, но от нее русский народ пострадал в не меньшей степени, чем какой-либо из народов Центральной Азии. В результате такой постановки вопроса может сложиться впечатление, что Иран ставит своей целью создание неприязни в Центральной Азии по отношению к России. Справедливо дискутировать об искусственном разделении региона на пять республик, переводе письменности на кириллицу и антирелигиозной пропаганде, но не о борьбе с местной культурой. Так, Фархад Каземи и Зохране Адждари из Нью-Йоркского университета подчеркивают, что, несмотря на все преобразования советской власти, мусульманам было разрешено сохранить свои традиции. Борьба с религией вовсе не приводила к исчезновению исламских ценностей и моральных установок. Стоит отметить, что к исламу и исламским традициям и обрядам отношение было более терпимым, и мусульманам в религиозном плане предоставлялось больше свободы, чем адептам христианской ортодоксальной церкви¹⁹.

Хотелось бы обратить внимание на несколько весьма уязвимых мест в иранской культурной пропаганде в Центральной Азии. Так, несмотря на громкие заявления об общем культурном наследии, в культуре Ирана и Центральной Азии очень много различий и говорить о культурной идентичности нельзя. В XVI в. Иран стал шиитской страной, что естественно отделило его от соседних суннитских стран, в частности от центральноазиатского региона.

В республиках Центральной Азии нет значительных по численности шиитских меньшинств, с которыми Иран мог бы наладить крепкие связи. После обретения независимости религиозные деятели Центральной Азии ездили учиться в теологические центры Турции, Пакистана, Египта, Саудовской Аравии, Марокко, но не Ирана. Данные страны также начали широкомасштабную религиозную деятельность в этих республиках. Для распространения и пропаганды ислама в Центральную Азию стало приезжать множество миссионеров. Когда еще в Советском Союзе поднялась волна исламистского движения и была создана Партия исламского возрождения, его идеологи обращались главным образом к трудам суннитских, а не иранских мыслителей²⁰.

С точки зрения культуры и лингвистики, четыре из пяти центральноазиатских стран являются частью тюркоязычного мира. И только в Таджикистане, с культурной и лингвистической точек зрения, преобладают персы.

Регион Центральной Азии всегда находился под влиянием окружающих его цивилизаций, на перекрестке таких философских систем, как конфуцианство, буддизм, ислам и христианство. Через него проходил Великий шелковый путь, служивший не только средством обмена товарами, но и идеями между Китаем, Индией, Ираном и Европой. Как отмечает профессор Нью-Йоркского университета Роберт Д. Макчесней, страны центральноазиатского региона заимствовали ключевые элементы у трех основных частей исламского мира: религию — у арабов, административно-бюрократическую систему — у персов, а военную — у турок, получив уникальное преимущество от сочетания иранского и турецкого начал в своей собственной культуре²¹.

Кроме того, Иран часто подчеркивает свое превосходство над центральноазиатскими республиками, старается преподнести себя как «старшего брата», способного преподавать этим странам уроки в области ислама, культуры, и даже языка в случае Таджикистана, что вызывает раздражение в государствах Центральной Азии.

Таким образом, разработанное Ираном обоснование присутствия в регионе далеко не идеально, однако идеи культурно-исторической общности, вероятно, будут развиваться и использоваться и в дальнейшем, так как наиболее отвечают интересам ИРИ.

Что же касается возможной исламизации стран Центральной Азии, то в этом случае угроза исходит не от Ирана. Иранский шиитский ислам вряд ли может быть широко воспринят в Центральной Азии, население которой в основном составляют сунниты ханафитского толка. Группы шиитов в регионе весьма немногочисленны.

численны: это в основном азербайджанцы и иранцы по происхождению, проживающие компактно в некоторых центрально-азиатских республиках.

Основная угроза исходит от суннитских радикальных движений, базирующихся в Пакистане и Афганистане²². Опыт ряда мусульманских стран показывает, что исламские фундаменталисты быстро набирают силу и начинают претендовать на власть в тех государствах, где модернизация в сочетании с демографическим взрывом ведет к быстрому обнищанию значительной части населения. Такая ситуация может сложиться в центральноазиатских странах. Сильной стороной исламских фундаменталистов является проповедь социальной справедливости, конфессионального демократизма и интернационализма, что может выступать в качестве идейно-политической альтернативы национализму и этнократии²³. С. Лунев наибольшую опасность для центральноазиатского региона и России видит также в усилении исламских радикальных сил в Афганистане и Пакистане и распространении, в случае победы талибов, исламского фундаментализма и экстремизма на территорию центральноазиатских государств и РФ²⁴.

Стоит отметить, что гораздо больше оснований для беспокойства создает возможность развития конфликтов на национальной почве в регионе. Дело в том, что центральноазиатские государства находятся на этапе создания наций, причем в них сильны настроения, связанные с племенной и этнической принадлежностью, вследствие чего главной проблемой становятся внутренние противоречия. Регион представляет из себя мозаику с этнической точки зрения. Так, например, часть южного Узбекистана густо заселена таджиками, в западном Таджикистане проживает значительное количество узбеков, а в районе Ферганской долины в Кыргызстане присутствуют узбеки и таджики. Границы этих государств были произвольно созданы в 20—30-е годы, когда официально создавались соответствующие советские республики. Вследствие разного этнического состава они уязвимы для внутренних и внешних конфликтов. Кроме того, даже доминирующие этнические общины часто разобщены в зависимости от племенной принадлежности, что особенно наглядно демонстрирует пример Таджикистана. Зб. Бжезинский отмечает, что этот регион в отличие от окружающей его зоны представляет собой силовой вакуум и является соблазном для вмешательства со стороны более мощных соседей, каждый из которых полон решимости оказать сопротивление доминирующей роли другого соседа. Он расположен по обе стороны неизбежно возникающей транспортной сети, которая должна соединить по более правильной прямой самые бо-

самые богатые районы Евразии и самые промышленно развитые районы Запада с крайними точками на Востоке и также имеет важное значение с геополитической точки зрения. Более того, он имеет важное значение с точки зрения исторических амбиций и амбиций безопасности, по крайней мере самых непосредственных и наиболее мощных соседей²⁵.

А как отмечает М. Хрусталеv, мощным импульсом обострения борьбы этнических группировок и роста сепаратизма в центральноазиатских странах может стать новая националистическая политическая идеология правящих кругов Центральной Азии стран, которая находит свое выражение во все более наглядной тенденции к установлению этнократии титульных народностей²⁶.

И здесь ислам мог бы стать консолидирующим началом в центральноазиатских странах, так как он ненационален, что могло бы послужить идеям сплоченности против этнической разобщенности в этих странах²⁷.

Как уже говорилось, Иран не заинтересован в дестабилизации ситуации в регионе, более того, он опасается, что националистические настроения, развившиеся в Центральной Азии, смогут распространиться и среди иранского населения (значительную часть которого составляют национальные меньшинства, в частности выходцы из центральноазиатского региона), что создаст угрозу территориальной целостности страны²⁸. Действительно, по обеим сторонам границы Ирана со странами Центральной Азии проживают люди с одной религией, традициями и языком, и это имеет большое значение для Ирана. Национальные меньшинства центральноазиатских народов проживают и в других странах Среднего и Ближнего Востока. Так, например, туркменские национальные меньшинства присутствуют не только в Иране, но и в Ираке, Сирии, Саудовской Аравии²⁹.

По словам Д. Менашри, уже само образование центральноазиатских государств привело к полному изменению облика региона Ближнего и Среднего Востока³⁰. Изменился даже этнический характер данного региона: после того как туда влились более 50 миллионов жителей новых исламских государств неарабский элемент стал более весомым.

Отношения Ирана с государствами Центральной Азии развиваются на международном и двустороннем уровнях, а также на уровне областей и провинций.

ИРИ была одной из первых стран, признавших независимость центральноазиатских республик во всех региональных международных организациях и форумах³¹.

Большое значение для Ирана имело включение центрально-азиатских республик в Организацию Исламской Конференции, что способствует не только повышению авторитета этой организации в мире, но и возрастанию в ОИК роли неарабских государств, что усиливает в ней позицию Ирана.

Иран выступает за вхождение центральноазиатских стран в ОПЕК и стремится выработать совместно с ними политику экспорта нефти и газа через территорию ИРИ, что могло бы усилить позиции Ирана и в ОПЕК.

В 1992 году центральноазиатские страны были приняты по инициативе Ирана в Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), воссозданную в 1985 году на базе Организации регионального сотрудничества ради развития, что превратило ее во вторую региональную организацию в мире по охвату территории и количеству населения.

Основатели ОЭС рассматривали центральноазиатские республики как новый рынок, источник природных ресурсов, путь транзита товаров в Европу, на Дальний Восток, в Сибирь, Юго-Восточную Азию и выхода таким образом на все мировые рынки. Ираном высказывались идеи создания «исламского общего рынка». Естественно, для Ирана сотрудничество в рамках ОЭС — это и проникновение в центральноазиатский регион, и возможность выйти из изоляции. Так, стоит отметить то, что основное внимание в проектах ОЭС, ведущую роль в которой играет Иран, уделяется созданию транспортных и прочих коммуникаций, ключевое место в которых отводится ИРИ, благодаря чему последняя будет тесно связана с региональными странами. Для финансового обеспечения разрабатываемых проектов страны ОЭС пытаются скоординировать банковскую деятельность. В 1993 г. было утверждено решение о создании Совместного банка ОЭС. Была создана страховая компания организации. В рамках ОЭС создан Научный фонд и Культурная организация для развития сотрудничества в области культуры и осуществления обмена научными достижениями³². Приоритетным направлением сотрудничества в регионе остается торговля, но здесь преобладают двусторонние связи, развитие которых осложнено единообразием экспортно-импортной продукции стран-членов ОЭС — проблемой, традиционно осложняющей региональную интеграцию и обмен развивающихся стран.

Важным направлением сотрудничества стран ОЭС является осуществление совместных проектов в нефтегазовой области и энергетике, но сотрудничество в данной области осуществляется в основном на двусторонней основе.

Была возрождена идея создания Трансазиатской железнодорожной магистрали «Великий шелковый путь», которая связала бы регион Среднего Востока с Европой, Дальним Востоком, Индией и странами ЮВА и в которой Иран, по словам А. А. Хашеми-Рафсанджани, стал бы основным опорным столбом³³. В рамках этого проекта в 1995 г. Иран ввел в эксплуатацию 700-километровый участок железной дороги Бафк — Бендер Аббас, а в 1996 г. было завершено строительство участка Мешхед — Серакс — Теджен, соединившего железнодорожные сети Ирана и Центральной Азии. Ввод в эксплуатацию этих участков обеспечивает самый быстрый транзит грузов из Центральной Азии к портам Персидского залива³⁴. С 1996 г. международным консорциумом «НОСТРАК» и российской компанией «Трансконтинентальные линии» разрабатывается проект международного транспортного коридора «Север-Юг», в рамках которого в регионе Каспийского моря планируется организация железнодорожного сообщения по восточному побережью Каспийского моря со строительством соединительного участка между железными дорогами Казахстана и Туркмении с последующим выходом на железнодорожную сеть Ирана и осуществления ряда других проектов. Ведется строительство железнодорожных магистралей Мешхед — Бафк и Керман — Захедан. Большое значение уделяется планам создания морских паромов из порта Энзели в Туркменбаши и Оля, а также Махачкала — Баку — Нушехр, подготовке проекта железнодорожного паромного сообщения Лагань (Калмыкия) — Нушахр с дальнейшим выходом в ОАЭ³⁵.

Было решено соединить энергосистемы стран региона для передачи электроэнергии в районы, испытывающие ее дефицит. Так, электросеть Ирана уже соединена с электросетями Турции и Азербайджана, ведутся работы по соединению электросетей ИРИ и Туркменистана. Предпринимаются попытки по созданию общей системы связи.

Иран не без оснований активен в разработке и продвижении проектов транспортировки через его территорию энергоносителей из центральноазиатских республик.

Вопрос трубопроводов имеет для Ирана и стратегическое, и экономическое значение. Страна, через которую будут вывозиться каспийские энергоресурсы, становится настоящей региональной силой и конечно же обогащается экономически. Кроме того, как уже было сказано выше, Ирану было бы очень выгодно получать каспийскую нефть для внутреннего потребления в своих северных районах. Некоторые американские исследователи также

признают, что иранский путь транспортировки каспийской нефти (по крайней мере для Туркменистана и Казахстана) является наиболее удобным: он дешевле и Иран является наиболее стабильной страной в регионе, а также надежным деловым партнером³⁶. Но здесь основным препятствием являются американские санкции. Таким образом, центральноазиатские страны стоят перед проблемой выбора между необходимым для них маршрутом транспортировки энергоносителей, сулящим немалые выгоды, и своими отношениями с США, которые занимают одну из первых позиций в шкале внешнеполитических приоритетов центральноазиатских республик. Кроме того, центральноазиатские республики не всегда могут сами решать вопросы, связанные с транспортировкой их собственных энергоресурсов. Так, например, нефтяная промышленность Казахстана крепко связана с иностранными нефтяными компаниями, среди которых преобладают американские и европейские (около 50% от всех инвестиций в эту отрасль)³⁷.

Нужно отметить, что многие проекты прокладки трубопроводов не реализуются ввиду отсутствия источников финансирования. А международные финансовые организации отказываются выделять средства на данные проекты, так как ключевой страной на трассе газо- и нефтепроводов должен стать Иран. По этой же причине от участия в данных проектах отказываются американские компании и компании других стран Запада. Таким образом, для Ирана приоритетное значение имеет снятие этих санкций или по крайней мере их ослабление.

Здесь стоит подчеркнуть то, что проблема транспортных путей это не только проблема выбора направления транспортировки экспортных и импортных товаров Центральной Азии, это, вероятно, в первую очередь, проблема доступа в регион, имеющая уже не только экономическое, но геополитическое значение. Для Ирана это также и вопрос выхода из изоляции, преодоления санкций. Осуществление иранских проектов означало бы прекращение всех бойкотов и эмбарго, а интересы западных компаний, чья нефть пойдет по трубам, стали бы лучшей гарантией внешнеполитического авторитета Ирана. Возросло бы и влияние ИРИ в регионе.

Особое беспокойство вызывает обострение политической обстановки на берегах Каспийского моря, в частности усиление проамериканских настроений в Туркменистане и Азербайджане, где, по заявлениям азербайджанских государственных деятелей, возможно размещение военных баз НАТО³⁸. Противниками этого, естественно, являются и Россия, и Иран, заявляющие, что региональные вопросы должны решаться без вмешательства из-

вне. В подходах этих двух стран к региональным вопросам можно найти много общего.

Особенно в 90-х гг. стало очевидным, что сотрудничество с Россией, в том числе в интеграционных процессах в Центральной Азии, в большей степени отвечает интересам Ирана в его борьбе с проникновением в этот регион Турции и западных держав, чем конфронтация с Россией, которая сумела сохранить в центральноазиатских республиках достаточно сильные позиции. Для России сотрудничество с Ираном важно в том плане, что Тегеран открыто выступил против продвижения НАТО на Восток, а также на южный фланг альянса, через Турцию, в страны Персидского залива. Точки зрения Ирана и России на региональную безопасность и стабильность по многим параметрам совпадают. Иран с пониманием относится к сохранению лидерства России в СНГ, исходя из того, что сильная Россия может быть гарантом интересов Ирана в регионе, слабая же Россия открывает доступ в регион другим силам. Иран и Россия заявляли, что должны избегать взаимной конкуренции в центральноазиатском регионе и продолжить свое сотрудничество, что необходимо для создания там безопасной среды, что отвечает интересам обеих стран³⁹.

Российско-иранским сближением обеспокоены США. Они хотели бы оторвать от России крупного потенциального партнера в этом регионе. Еще в 1997 году Бжезинский писал, что США должны осуществить резкий поворот в сторону Ирана. При этом особо выделялась важность поддержки строительства трубопроводов из Азербайджана и Туркменистана через территорию Ирана в целях полного вытеснения России из Центральной Азии и Закавказья.

Сейчас Тегеран и Вашингтон делают попытки сближения, и российско-иранские отношения могут потерять свою ценность для ИРИ. Для этого есть много причин. Среди них О. Рой называет, во-первых, то, что новое значение обретает Каспийское море, а американские санкции не дают Ирану в полной мере использовать там свои возможности. Во-вторых, влияние России в центральноазиатском регионе и на Каспии сокращается, а западное и особенно американское проникновение в регион только усиливается⁴⁰. На наш взгляд, основной причиной возможного сближения Ирана и США на данном направлении является именно ослабление позиций России в центральноазиатском регионе. Если РФ настроена остаться в Центральной Азии, о чем свидетельствует активизация ее внешней политики на этом направлении в последнее время, то Иран, вероятно, не проявит сильной заинтересованности во взаимодействии здесь с Соединенными Штатами.

Активизация внешней политики России в центральноазиатском регионе, о чем свидетельствует расширение политических контактов, в том числе на высшем уровне, в последнее время соответствует ее национальным интересам и, вероятно, будет способствовать углублению взаимодействия с Ираном. Таким образом, отношения России с центральноазиатскими странами и с Ираном в значительной степени зависят от ее собственного геополитического и экономического могущества и активности в регионе. России необходимо проводить на центральноазиатском направлении активную внешнюю политику, чтобы сохранить существующие позиции и, возможно, в перспективе вернуть утраченные. В противном случае, Россия может окончательно потерять возможность оказывать влияние на ситуацию в регионе, что негативно отразится на ее внутреннем экономическом и политическом положении, приведет к возникновению новых проблем, создаст угрозу российской безопасности. Это возможно не только в результате крупномасштабных в финансовом отношении проектов, но и путем проведения более активной культурной политики, используя вековую вовлеченность народов региона в ареал русской культуры.

-
- 1 Выступление министра иностранных дел ИРИ доктора Харрази на семинаре «Роль региональных сил в решении конфликтов и экономического развития». Аму-Дарья. Тегеран, 1999, № 1, с. 11.
 - 2 *D. Menashri. Iran and Central Asia» «Central Asia meets the Middle East. London, 1998, p. 83.*
 - 3 Там же, p. 80.
 - 4 Там же, p. 77.
 - 5 *D. Menashri. Iran and Central Asia» «Central Asia meets the Middle East. London, 1998, p. 90.*
 - 6 Там же.
 - 7 *В. Кляшторина. Эволюция роли культуры в процессе модернизации Ирана и стран региона // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. М., 1997, с. 158.*
 - 8 Там же, с. 161.
 - 9 Там же, с. 164.
 - 10 *В. Кляшторина. Культурно-политическая доктрина ИРИ в регионе // ИРИ в 90-е годы. М., 1998, с. 123.*
 - 11 Там же, с. 127.
 - 12 *М. Санаи. Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии. Алматы, 1997, глава 1.*
 - 13 Там же, с. 15.

- 14 *А. Атаханов.* Развитие культурных связей государств Центральной Азии с ИРИ в постсоветский период // Исламская революция: прошлое, настоящее и будущее. Тезисы докладов. М., 1999, с. 7.
- 15 *М. Санаи.* Взаимоотношения Ирана и стран Центральной Азии. Алматы, 1997, с. 48.
- 16 *А. Атаханов.* Развитие культурных связей государств Центральной Азии с ИРИ в постсоветский период // Исламская революция: прошлое, настоящее и будущее. Тезисы докладов. М., 1999, с. 8.
- 17 Там же.
- 18 *F. Kazemi, Z. Ajdari.* Ethnicity, identity and politics // *Central Asia meets the Middle East.* London, 1998, p. 61.
- 19 Там же, p. 63.
- 20 *Oliver Roy.* Iran's foreign policy towards Central Asia. New York, 1999, p. 9.
- 21 *R.D. McChesney.* Central Asia's place in the Middle East // *Central Asia meets the Middle East.* London, 1998, p. 31.
- 22 *Oliver Roy.* Iran's foreign policy towards Central Asia. New York, 1999, p. 29.
- 23 *М. Хрусталева.* Центральная Азия во внешней политике России. М., 1994, с. 19.
- 24 *С. Лунев.* Вызовы безопасности южных границ России. М., 1998, с. 242.
- 25 *З. Бжезинский.* Великая шахматная доска. М., 1999, с. 150.
- 26 *М. Хрусталева.* Центральная Азия во внешней политике России. М., 1994, с. 17.
- 27 *F. Kazemi, Z. Ajdari.* Ethnicity, identity and politics // *Central Asia meets the Middle East.* London, 1998, p. 55.
- 28 Там же, p. 52.
- 29 *B. Shaffer.* Epilogue // *Central Asia meets the Middle East.* London, 1998, p. 230.
- 30 *D. Menashri.* Iran and Central Asia // *Central Asia meets the Middle East.* London, 1998, p. 73.
- 31 Практические шаги, направленные на укрепление региональных и международных отношений. Третий взгляд. М., 2000, № 71, с. 36.
- 32 *Е. Дунаева.* Иран и страны ОЭС // ИРИ в 90-е годы. М., 1998, с. 89.
- 33 *D. Menashri.* Iran and Central Asia // *Central Asia meets the Middle East.* London, 1998, p. 85.
- 34 Там же.
- 35 *Е. Дунаева.* Каспийский регион и ИРИ // Исламская революция в Иране. М., 1999, с. 135–136.
- 36 *Oliver Roy.* Iran's foreign policy towards Central Asia. New York, 1999, p. 16.
- 37 *И. Азовский.* Центральноазиатские республики в поисках решения транспортной проблемы. М., 1999, с. 89.
- 38 *Е. Дунаева.* Каспийский регион и ИРИ // Исламская революция в Иране. М., 1999, с. 132.
- 39 Пятый ирано-российский круглый стол. Репортажи. Аму-Дарья. Тегеран, 1999, № 2, с. 115–116.
- 40 *Oliver Roy.* Iran's foreign policy towards Central Asia. New York, 1999, p. 6.

Лола Саломатшаева

КОРАНИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОДНОГО СУФИЙСКОГО РУБАИ ХАСАНА ДЕХЛЕВИ

Устанавливая теоретические предпосылки для исследования лексико-семантического строя поэзии Хасана Дехлеви (1253–1337), следует исходить из того факта, что каркас любой семантико-синтаксической системы складывается из мифологии, религии или науки. По существу, в основу ряда средневековых поэтических систем легли знания о мире и человеке, почерпнутые из религиозно-философских трактатов. Д. С. Лихачев, исследуя поэтику древнерусской литературы, подчеркивал, что для средневековых литератур типична метафора-символ, содержание которой определяется соответствующими богословскими и природоведческими представлениями. Тонкий знаток европейского средневековья А. Я. Гуревич утверждает, что такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому, как универсальные понятия, в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода «модель мира» — ту сетку координат, при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании. Эти категории как основные параметры той или иной культуры не навязываются, а как бы впитываются людьми, проявляясь в структуре языка, в знаковых системах религии и искусства.

Настоящая публикация призвана продолжить наметившуюся в последнее время тенденцию изучения суфийской поэзии с позиции трактовки ее религиозно-философских основ. В этом отношении творчество Хасана Дехлеви — неисчерпаемый источник коранических параллелей и философских конструктивных построений. В 2003 году исполняется 750 лет со дня рождения этого выдающегося поэта-мистика средневековой Индии, писавшего на фарси. По широте своего влияния на литературную мысль после-

дующих веков Хасан Дехлеви — фигура исключительного значения. Нет, пожалуй, ни одного известного лирика XIV—XVII вв., который не испытал бы его благотворного влияния. Творчество Хасана не потеряло своего значения и в наши дни, когда особенно обострилось внимание к философской проблематике человека. Нас и сегодня волнуют вечные вопросы мироздания. Кто мы, откуда пришли и куда уйдем, в чем феномен разума и зачем живем мы на земле то короткое по космическим масштабам время, которое отпущено нам как жизнь? Согласно толкованию суфиев, а Хасан был убежденным суфием, мы пришли в этот мир для морально-нравственного очищения. Живя в эпоху, когда только через призму религии и богословия можно было прийти к пониманию своего места в мире, Хасан стремился разрешить главную для него проблему — проблему истинных взаимоотношений Бога и человека как взаимоотношений между «Возлюбленным» и «влюбленным». Он считал, что благодаря Разуму человек может быть приближен к Богу через такую этическую категорию, как Любовь, трактуемую не плотски, но философски. А с высоты философских рассуждений значительно легче понять мирскую жизнь, раскрыть свои возможности и через познание ближнего и самого себя подняться до вершин духовного совершенства, памятуя, что и в нас, и в нашем объекте заложено божественное начало.

В суфизме существовала установка: «Молчание — знак высшей мудрости», а посему «знающий не говорит, говорящий не знает». Такой подход со всей очевидностью доказывал невозможность словесного выражения мистического опыта и требовал создания особой нормативной системы поэтических формул, при которой истинные знания могли быть переданы через язык специфических символов и знаков, требующих дешифровки скрытого смысла их имманентной логики. Определяющая позиция мусульманской теологии состояла в убеждении, что вся Истина заложена в Коране, в боговдохновенном свидетельстве, которое необходимо умело читать, чтобы правильно понять. Это привело к стремлению аллегорического истолкования отдельных положений, зафиксированных в Коране, и стало одним из основных компонентов мусульманского богословия не только средних веков, но и всего последующего времени, в чем можно было убедиться из доклада, представленного на Международном конгрессе «Имам Хомейни и духовное возрождение» дочерью Хомейни г-жой Мустафави Захра.

Суфийский символизм корнями уходит в Коран, в его образно-буквенную семиотику, которая как главный атрибут суфийской поэзии получила в трактовке Хасана Дехлеви символичес-

кую функцию и свое наиболее тонкое и яркое воплощение. Анализ символики Хасана мог бы быть и чрезмерным, и подробным, как сама его поэзия. Но достаточно обратить внимание только на небольшое четверостишие, чтобы, исследуя каждую мисру, показать всю его сложную символику. Итак, в следующем рубаи, где повторяются буквы ТĀ, ХĀ, стоящие перед двадцатой сурой Корана, Хасан зашифровывает понятие «скрытого мира», который есть проявление божественных имен и атрибутов:

О Твое лицо, подобное заре, когда начинает светать¹.
Твои косы подобны ночи, когда она покрывает (мир) мраком².
О Разум, склони голову и скажи: «ТĀ, ХĀ, ТĀ, ХĀ»³ —
Это наша кибла, которая тебя обрадует^{4, 5}.

Известно, что ТĀ, ХĀ — одна из сур Корана, поэтому приведенное рубаи требует тщательного разбора присущих ему условных знаков. Ранняя исламская традиция увязывает комбинацию ТĀ, ХĀ с диалектным обращением «О человек!» и объясняет низведение этой суры (за семь лет до хиджры) «обращением» корейшита Умара ибн Хаттаба, который первоначально был злейшим врагом Мухаммада и даже вынашивал план его убийства, но однажды, услышав от своей сестры суру ТĀ, ХĀ, чудесным образом превратился в самого ортодоксального и преданного Пророку мусульманина. К одним из важных его нововведений относятся установление новой эры по хиджре и предписание ежегодного паломничества⁶. Приведем отдельные аяты 20 суры Корана в переводе М.-Н. О. Османова:

20. ТĀ, ХĀ.

1. ТĀ, ХĀ
2. Коран ниспослали Мы тебе не ради того, чтобы причинять тебе страдание,
3. а только в назидание тем, кто боится [Господа Бога].
4. Ниспослан [он] Тем, кто сотворил землю и небеса вышние —
5. всемилостивым, воцарившимся [над небесами и землей].
6. Принадлежит Ему то, что на небесах и на земле, что находится между ними и под землей.
7. Будешь ли ты говорить громко [или тихо, все равно] знает Он и тайное, и сокровенное.

8. Аллах — Тот, кроме Которого нет божества и у Которого имена наилучшие.

113. И ниспослали Мы Коран [на языке арабском] и изложили в нем угрозы [многобожникам], — быть может, устрашатся [люди Всевышнего], и станет он (т. е. Коран) назиданием им.

114. Превыше всех Аллах — Властелин истинный! Не спеши [читать] Коран [другим], пока не будет завершено тебе откровение, и говори: «Господи!

Умножь мне знание»⁷.

Если обратиться к теоретическим доктринам суфизма, то, согласно им, Аллах явил Себя миру через явное и скрытое. А поскольку лицо красавицы — это атрибут мира, имеющего истинное бытие, постичь его мешает его же антитеза — косы, которые, как завеса, скрывают лик Абсолюта. Но как же через земное постичь небесное? Оказывается, по логике Хасана, силой Разума, прибывшись к Знанию через постижение таинственных букв ТĀ, ХĀ, произносимых с известным придыханием, вызывающим прямую ассоциацию с не менее таинственным индийским Ом. Коранический мотив света, фигурирующий в первой мисре рубаи, Хасан повторит в ряде газелей, например в следующем бейте:

Снова зноем (пламенем) любви обожгло мне душу,
Пылинка с Солнцем подружиться хочет.

Здесь Бог-Абсолют идентифицируется с Солнцем, а Солнце являет субстанциональную основу всего, ибо, по учению суфиев, все в этом мире произошло от Божьего света и блеска. Излив свой дух во вселенной в виде света, Бог дал тем самым человеку возможность осознать единство с ним, стремиться через самосовершенствование к его познанию. Это как бы заявка на художественную трактовку «вахдати вуджуд», доминантой которой является вторая мисра — единение.

Не менее часто прибегает Хасан к традиционному суфийскому противопоставлению «локон — лицо» и к трактовке волос как завесы, скрывающей, подобно мраку ночи, постижение Абсолюта на сложном мистическом Пути познания, что зафиксировано во второй мисре указанного рубаи.

Е. Э. Бертельс, разбирая толкование Абдуррахмана Джамии на приписываемые ему четверостишия, так переводит одно из них, начинающееся с ХĀ:

Х̄А̄ пришлось тайной (Его) сущности, о знающий буквы!

Дыхания твои основаны на этой букве.

Знай об этой букве и в надежде, и в страхе⁹.

Сказал я редкостное слово, если ты внимательно отнесешься к нему.

Заклучая это четверостишие, А. Джамии дает следующую характеристику дыханию в связи с приведенной буквой Х̄А̄: «Таким образом, следует познать, что всякое дыхание есть славословие Богу, и, упражняясь, дойти до того, чтобы каждый вздох совершался не иначе как молитвенный обряд»¹⁰. Итак, усилия мистика направлены на постижение Бога всеми возможными средствами, в данном случае через букву Х̄А̄, являющуюся, по трактовке А. Джамии, тайной Его (Бога-Абсолюта) сущности. Но, согласно Дж. Руми, «Разум — тень Божья, Бог — Солнце», и может ли тень постичь Солнце? Стало быть, и силой Разума невозможно постижение Абсолюта. Выходит, приблизиться к нему возможно разве что путем экстатического повторения Т̄А̄, Х̄А̄ как своеобразного зикра во время непрерывных рецитаций, могущих оказать психологическое воздействие с целью подготовки мурида к постижению божественной сущности. Впрочем, вполне возможно, и здесь больше гипотетических предположений, нежели того понимания, которое было доступно средневековому мистика через радения и перцепцию.

Не отрицая рационального знания, суфии отмечали его ограниченность в постижении Всевышнего и считали, что разум необходим до тех пор, пока не приведет к вратам Господа, достигнув которые, следует оставить разум и идти к Всевышнему через тернии индивидуального интуитивного познания, помня, что Господь выделил человека, отметив его среди других тварей как вместилище божественного. Такая трактовка поднимала значимость человека до божественных высот и породила концепцию энсан-е камел (совершенного человека). Главная идейная посылка суфизма и состоит в возможности для человека путем духовного совершенствования, строгой аскезы и созерцания преодолеть свое внешнее «я» и утвердить истинное, внутреннее, слившись с Творцом. Современный иранский мыслитель Сеид Хосейн Наср, отталкиваясь от основных положений суфизма и объявляя его смысловым ядром учение о вахдати вуджуд и концепцию энсан-е камел, считает их конкретными воплощениями мусульманского духа. Он полагает, что способ видения мира сквозь призму суфизма должен стать сегодня отправным ориентиром в странах мусульман-

ского Востока, ибо дает возможность, не порывая с мусульманским мироощущением, приобщиться к достижениям европейской духовной культуры.

Таким образом, Хасан Дехлеви создает в каждой мисре проанализированного рубаи аллегории, устраняющие путем переосмысления все чувственное, ибо это не описание земной красавицы, а атрибуты Всевышнего, т. е. образ, близкий и понятный человеку средневековой культуры, который без колебаний соотносит его с Богом. Тогда как для человека нашего времени требуется выявление замененных образов и понятий и определение константного содержания знака с его обязательным материальным содержанием, присущим именно мусульманской культуре. Только поняв этот сложный язык, можно убедиться, что суфийская поэзия не бездумный слепок жизни, а скорее активное воссоздание сложного процесса ее познания.

¹ Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963, 92:2.

² Там же, 92:1.

³ Там же, 20.

⁴ Там же, 2:145/140.

⁵ *Хасан Дехлеви*. Куллийат. Хайдарабад, Дакан, 1352 г. х., с. 418.

⁶ Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991, с. 241.

⁷ Коран. Перевод с арабского и комментарий М.-Н. О. Османова. Ладомир. М., 1999, с. 325, 332, 333.

⁸ *Хасан Дехлеви*. Диван. Сост. и автор предисл. Л. Саломатшаева, на арабской графике. Душанбе, Ирфон, 1990, с. 246.

⁹ Коран, 2:1(1). АЛМ(2).

¹⁰ *Бертельс Е. Э.* Избранные труды, т. III. М., 1960, с. 467.

С. Э. Талыбова

«ФИГУРЫ РЕЧИ» И КОПУЛЯТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА ИРИ

äz адаб пор нур гäшта ин фäлäк,
в-äз äдäб mä'сум-о пак амäд mäлäк.

Дж. Руми

Перевод: От адаба озарился этот небосвод, —
И от адаба святым и чистым предстал ангел.

Основной целью данного доклада является изучение тенденций развития персидского языка на современном этапе путем исследования «фигур речи» и синтаксических конструкций в виде свободных копулятивных сочетаний слов в выступлениях высшего руководства страны.

Как известно, любое государство представляет собой совокупность политических институтов, центральное место среди которых занимают структуры власти, функционально делегированные говорить от имени нации. Становление «языка власти», основным критерием которого является доходчивость и доступность всем слоям населения, неразрывно связано с системой демократических выборов в современном Иране, вынуждающей баллотирующихся к избирательному подходу к языку. Язык в этом случае становится одним из показателей грамотности кандидата, что оказывает определенное влияние на формирование стиля выступлений.

Степень эффективности любого государственного аппарата во многом определяется кадровым составом, играющим ключевую роль в реализации правительственной политики. Начиная от президента ИРИ и до местных административных единиц абсолютно все имеют как минимум диплом бакалавра. Сам президент Хатами имеет высшее образование и ученую степень. Министр иностран-

ных дел Камал Харрази — выпускник филологического факультета Тегеранского университета, магистр, доктор Хьюстонского университета. Министр культуры и исламской ориентации аятолла Мохаджерани окончил Исфаганский университет, имеет степень доктора исторических наук, владеет урду, арабским и английским языками. Министр высшего образования Мостафа Моин — доктор медицинских наук. Этот список можно было бы продолжить. Эти примеры показывают высокий уровень образования и культуры кабинета власти. С таким грамотным кабинетом вряд ли можно беспокоиться об искажении языка народа, который на протяжении тысячелетий довольно бережно относится к своему «зәбан-э ширин-э фарси».

Каждый язык неразрывно связан с носителем, с человеческим коллективом, и языковой коллектив наследует выразительные средства языка, которые являются показателем уровня его развития и степени совершенства. Язык живет тысячелетиями и является зеркалом истории народов. По мере изучения проблем формирования и развития выявляется история и национальная культура народа, политические и общественные взаимосвязи с другими языками. Народ является творцом и своей истории, и собственного языка.

«Народ создает свой язык как орудие человеческой деятельности», писал Вильгельм фон Гумбольдт и одновременно не допускал «сознательный характер языкотворчества» (ЛЭС, с. 400). Вместе с тем вряд ли можно отрицать сознательный выбор слов и многообразные синтаксические конструкции, вариации «фигур речи» и приемов для украшения речи, которые создаются под влиянием возрастающих ситуативных потребностей. В современном персидском языке широкое распространение получило словосложение, описанное в грамматике Мирза Джафара в отдельной главе (Мирза Джафар, с. 227). Автор пишет, что этот язык не только ограничивается запасом сложений, унаследованным от прежних времен, но чуть ли не ежедневно обогащается новыми сложениями слов. Эта мысль, высказанная великим Фирдоуси в X в. и поддержанная в начале XX в. Мирза Джафаром, актуальна и сегодня. Легкость сложения обуславливается тем, что персидские слова, кроме глаголов, утратив флексии в процессе эволюции языка, представляют собой основы — то, что во многих языках является активным материалом для словосложения. И такой богатый язык, как персидский, легко поддающийся «словосложению», до сих пор сохраняет ортодоксальные значения слов, звучащих в настоящее время в выступлениях и речах на официальных встре-

чах высшего руководства страны, на пресс-конференциях представителей государственного аппарата Ирана, который представляет интересы иранского народа.

Как отмечает иранский лингвист — Парвиз-Натель Ханляри, «Иран, несмотря на географически ограниченную территорию, исторически выходил за пределы своих границ, но в течение 25 столетий слова, высеченные на исторических памятниках, употребляются, не меняя своего внутреннего содержания» (Ханляри П.-Н., с. 98). Вместе с тем постоянные культурные соприкосновения народов, населявших Иран, с соседними этносами привели в конечном итоге к значительному проникновению в персидский язык иноязычных заимствований из родственных и неродственных языков, многие из которых стали обозначать жизненно важные понятия, и получили распространение наравне с исконно персидскими словами.

«Ни в одном языке нет столько слов, сколько понятий», справедливо отмечает иранский лингвист Парвиз-Натель Ханляри. Потребность в языковом претворении понятий удовлетворяется главным образом путем создания многозначности слов, смысловых вариаций корней в процессе словопроизводства и сочетаниях слов.

В лексическом фонде персидского языка определенный слой составляют арабские заимствования, которые вошли в него либо как новые слова, обозначающие новые понятия в области религии, быта и науки, либо стали употребляться как эквиваленты-синонимы соответствующих персидских слов, о чем, в частности, пишут Ю. А. Рубинчик и П.-Н. Ханляри (Рубинчик Ю. А., с. 36, П.-Н. Ханляри, с. 112). Вместе с тем культурный обмен был взаимным — многие персидские слова широко употреблялись в арабском языке еще до ислама и в начале исламской эпохи (Ханляри П.-Н., с.112). Как отмечает В. М. Белкин, арабские поэты того времени, как дань моде, широко употребляли в своих стихах персидские слова (Белкин В. М., с. 100). Великий поэт Фирдоуси (940—1020) отмечал употребление заимствованных слов естественным явлением и считал, что язык не может быть «стерильным» (Фаршидвард, с. 346). Говоря об искусстве словесности, необходимо помнить о важнейшем для человека чувстве меры, которая рождает чувство стиля в двух его важнейших измерениях — этическом и эстетическом. Этическое и эстетическое чувство меры заложено в саму основу арабско-персидской словесности (Шариф М. Шукуров, с. 200) и не чуждо современному иранцу.

Между тем в настоящее время языковая политика не безразлична к употреблению того или иного иностранного слова. Если некогда употребление заимствований было престижным и ученые для демонстрации своих знаний использовали арабизмы, то на современном этапе так же остро стоит проблема европеизмов. Парвиз-Нател Ханляри считает, что в употреблении заимствованных слов, как арабских, так и европейских, надо подходить выборочно. Сегодня в Иране многие владеют западными языками. В стране проводится много международных симпозиумов, конференций и совещаний, для участия в которых необходимо знание английского, немецкого и французского языков. Высокий образовательный уровень населения, владеющего в общей массе европейскими языками, в сочетании с мировыми цивилизационными процессами создают видимые предпосылки для внедрения в обиход европеизмов. Примером подобного вторжения является общественно-политическая лексика современного русского языка. Вместе с тем иранская государственная политика в отношении языка предлагает другой подход к процессу языкового творчества. Намеченные тенденции, которые возможно проследить в выступлениях иранских лидеров, являются живым подтверждением фундаментальных взглядов В. В. Виноградова, писавшего, что «лексикология того или иного языка обязана базироваться на природе слова в системе данного языка».

Французский ученый Шарль Балл и призывал изучать язык в связи с повседневной жизнью человека, в связи с его поведением, его эмоциями, его отношением к окружающему миру и по его убеждению именно живая речь должна быть основным объектом изучения языка. Любой говорящий, особенно представители «власти», старается, чтоб его аудитория была шире и поэтому пользуется официальным государственным языком. В Иране, с его многообразием языков и наречий, им является красноречивый персидский язык, сохраняющий гармонию сочетаний слов не только в словосложении и синтаксических конструкциях (устойчивые словосочетания, свободные копулятивные сочетания слов), но и в целом в предложении. Однако каждый оратор имеет свой индивидуальный стиль, который бывает насыщен или беден «фигурами речи». По определению О. С. Ахмановой, «фигура речи — это оборот речи, особое сочетание слов, синтаксическое построение, используемые для усиления выразительности высказывания» (Ахманова О. С., с. 492). К таким оборотам речи можно причислить фразеологизмы и свободные копулятивные сочетания слов, которые действительно представляют собой особую ка-

тегорию сочетаний слов. Персидский язык насыщен подобными конструкциями и с их употреблением речь становится яркой и выразительной. Обращение к «фигурам речи» составляет устойчивый стилевой облик, существенную сторону этноса культуры. В связи с этим хотелось бы привлечь внимание к выдержкам из высказываний представителей «власти» в речах, опубликованных в средствах массовой информации Ирана.

1. Примеры из речи президента страны Сеид Мохаммед Хатами из послания на заседании руководителей стран Каспийского бассейна 10 декабря 1997 г.:

1. — *Дярд-э бозорг-э ман ин а́ст ке эслам и ке руз(э)гар и на́рчә́мдар-э данэш-о-а́ндише-во ма́дә́нийят будэ а́ст, тәй-е га́рн һа-йе а́хир дочар-э зә'ф-о-вапә́с мандэ́ги шодэ а́ст.*

Перевод: Наше самое большое несчастье заключается в том, что ислам, который некогда был флагманом знаний, мыслей и культуры, в течении последних столетий ослаб.

В этом предложении контекстуально-синонимический ряд *данэш-о-а́ндише-во ма́дә́нийят* (знаний, мыслей и культуры), являясь «моздә́вә́дж», т. е. парным словосочетанием типа: отец и мать, закон и право, выполняет функцию смыслового усиления, выражая тревогу по отдалению мусульманских стран каспийского бассейна от ислама и одновременно подчеркивает историческое родство между ними. А свободное копулятивное сочетание синонимов *зә'ф-о-вапә́с мандэ́ги* (ослабевать, становится немощным) усиливает эту тревогу автора.

2. — *А́гар бэ офог дуртә́р бә́нгә́рим вә́ ба та́фаһом дә́р кенар-э йек дигә́р башим вә́ ба́радә́ранэ дә́ст-э йек дигә́р ра бә́гирим, митә́ваним һә́сл-е э́мруз-о-фа́рда ра бэ суй-е та́ма́ддон-э новин-э эслами бэ һа́рә́кә́т дә́р авә́рим.*

Перевод: Если присмотримся глубже в горизонт, с пониманием отнесемся друг к другу и по-братски поддержим друг друга, мы сумеем привлечь современную молодежь к новому направлению исламской культуры.

В данном предложении дважды употребленное повторение бинарного словосочетания *йек дигә́р* (друг друга), а также устойчивое копулятивное словосочетание *э́мруз-о-фа́рда* в значении: современная молодежь (буквально: сегодняшний и завтрашний) украшают высказывание и сохраняют традиционное употребление копулятивных сочетаний слов. Надо отметить, что характерной чертой стиля президента Хатами является насыщенность речи как устойчивыми, так и свободными сочетаниями копулятивного типа. Здесь можно привести следующие примеры, как: *тофиг-о-*

мовәффәг башид — желаю вам удачи, *тәгвиййәт-о-гостәрәш* — укрепление и расширение, *мосбәт-о-ә'тимадамит* — позитивный и доверительный, *сонһ-о-сәбат* — мир и стабильность, *һәлл-о-фәсл* — разрешение. Одновременно ему присуще употребление торжественно высокой лексики: *руз-ә джом 'ә руз-ә һәмасә-йе момтаз әст* — пятница — день проявления героизма (доблести, отваги). Данное предложение было высказано в телевизионной программе новостей «джам-ә джәм» с целью призыва на выборы шестого созыва меджлиса 18 февраля 2000 года.

3. — *Нә байәд әз суй-е кешвәрһа-йе зимәдхәл кучектәрин тәйһлол-о-тәхир йа кутаһи сурәт гирәд вә сазәманһа-йе бәйн-олмәләли низ байәд дәр ин зәминә комәккар башәнд.*

Перевод: Нельзя, чтобы причастные страны (каспийского бассейна) допустили медлительность или оплошность, и международные организации должны оказать содействие этому процессу.

Приведенный пример интересен прежде всего употреблением арабизма *зимәдхәл* (сопредельные, причастные), и свободным копулятивным сочетанием слов *тәйһлол-о-тәхир* (медлительность и торможение), и фразеологизмом *кутаһи сурәт герефтән* (допустить халатность, оплошность).

4. — Доктор Кәмал Хәррази вәзир-ә харәдже-йә кешвәр-ә мантей-йә сохәнани *ба хейр-ә моғйәдбәм бә һазәран... гофт: джомһури-йе эслами-йе Иран мо 'тәгәд аст ке нзәм-ә һогуғи-йе джәдид-ә дәрйә-йе хәзәр байәд бә эттефағ-ә ара вә тәвәссот-ә кешвәрһа-йе саһәли-йе ан тәһиййә-во-тәдвин шәвәд вә ин кар нафәз-о-мо 'тәбәр әст.*

Перевод: Министр иностранных дел нашей страны, доктор Камал Харрази, приветствуя присутствующих сказал: Исламская Республика Иран настаивает на том, что новые правовые законы по Каспийскому морю должны решаться на основе взаимного согласия и составляться его прибрежными странами, заслуживающими доверие и пользующимися авторитетом.

В этом предложении интерес представляет форма приветствия и сочетание контекстуальных синонимов, образующих свободное копулятивное сочетание слов. Следует отметить, что речь К. Харрази всегда носит конструктивный характер. Текст излагается четко и конкретно. Интересен тот факт, что он в своих речах избегает употребления европеизмов и называет международные организации на персидском языке, хотя в совершенстве владеет английским.

5. — *Вәзир-ә эттәлаат мәрбут бә моузү'-ә дәстгири-йе джасуҫһа гофт: дәжднәжалһа-во-сәрәсәдаһа бә һогуғ-ә моттәһнәман ләтмә и нә зәд вәли сәйһунизм-ә джВһани ба һәдф-ә асиб рәсандән бә*

mācīp-э mähгиг-о-бәррәси-йе ин нәрвәндә дәст бә эфша-э мозу' дәстгири-йе моттаһэман зәд.

Перевод: Министр внутренних дел относительно ареста шпионов сказал: шумиха не ущемила права обвиняемых, однако международный сионизм с целью нанесения ущерба процессу расследования этого дела придал огласке их арест.

В этом примере присутствуют свободные копулятивные сочетания: а — *джәнджалһа-во-сәросәдаһа* (шумы), два синонима, сложные по структуре; каждый компонент в отдельности употреблен во множественном числе, а второй компонент является копулятивным сложным словом, и б — *mähгиг-о-бәррәси* (расследование), синонимы. В этом же предложении привлекает внимание фразеологическая конструкция *даст бә эфша-э мозу' зәдан* (придать огласке).

Рассмотрев приведенные примеры из речей президента страны — филолога по образованию, министра иностранных дел — историка, и министра внутренних дел — юриста, можно сделать вывод, что иранское руководство стремится не причинить ущерба языку. Представители власти нередко в своих речах употребляют официально-книжную лексику и обиходные слова арабского происхождения как: *мотәшәннәдж* (трудный, конвульсивный), *мәнтәг* (логика), *зимәдхәл* (сопредельный), *эфша-йе мозу'* (оглашение), *нәрчәмдар* (знаменосец), *һәмасә* (героизм, доблесть, отвага) и др.; устойчивые копулятивные словосочетания: *сонһ-о-сәбат* (мир и стабильность), *эмруз-о-фәрда* (современная), *һәлл-о-фәсл* (решение); широко используют свободное копулятивное сочетание слов подобно: *mähгиг-о-бәррәси* (рассмотрение, расследование), *джәнджалһа-во-сәросәдаһа* (шум), *тәгвиййәт-о-гостәрәш* (укрепление и расширение), *мосбәт-о-э 'тәмадамит* (позитивный и доверительный), *тәйәллол-о-тәхир* (отсрочка), *эләйт-о-әнгизә* (причина); часто звучат фразеологизмы: *дәст бә эфша-э мозу' зәдән* (придать огласке), *кутаһи сурәт герефтән* (допустить халатность), *хәйр-э моғәддәм гофтән* (приветствовать по случаю прибытия). Однако они не являются прямым «поставщиком» европеизмов, хотя владеют западными языками и часто принимают активное участие на международных встречах. Свои речи высшее руководство Исламской Республики Иран строит на красивом и благозвучном персидском языке, употребляя «фигуры речи» и копулятивные свободные сочетания слов, не нанося ущерба современному персидскому языку, обозначенному «зәбан-э ширин-э фарси».

Литература

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Белкин В.М. Лексикология арабского языка. М., 1975.
Виноградов В.В. О формах слова. «Литература и язык». М., 1944.
Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Мирза Джафар. Грамматика персидского языка. М., 1907.
Рубинчик Ю.А. Современный персидский язык. М., 1960.
Шарль Балли. Французская лексикология. М., 1961.
Шукуров Шариф М. О понимании стиля в культуре ислама, сб. Теория стиля литератур Востока. М., 1995.
Фәршидвәрд Хосров. ӒдӒбийат вӒ нӒгд-Ӓ ӒдӒби. В двух томах. Тегеран, 1994.
Ханләри ПӒрвиз-Нател. Забаншенаси вӒ забан-Ӓ фарси. Тегеран, 1994.

Словари:

- Персидско-русский словарь в двух томах, под ред. Ю.А.Рубинчика. М., 1970.
Амини Н. Фрнг-Ӓ фарси. Тегеран, 1376/1997.
Амузгар НӒбиболла. ФӒрһӒнг-Ӓ фарси-Ӓй Ӓанеш, 2-е изд. Тегеран, 1374/1985.
Моин М. ФӒрһӒнг-Ӓ фарси. 8-е изд., Тегеран, 1371/1992.
Мошири МӒшһид. ФӒрһӒнг-Ӓ забан-Ӓ фарси, Ӓлефбайи-гӒийаси. 3-е изд. Тегеран, 1374/1995.
СӒдри Ӓфшар Голам-Носейн, Нокми Насрин и Нокми Настаран. ФӒрһӒнг-Ӓ фарси-Ӓе Ӓмруз. 3-е изд., 1377/1998.

Газеты:

- «Ӓттелаат», «Джомпури-Ӓе Ӓслами-Ӓе Иран», «Иран», «Ӓгтесад», «Кейбан» и Новости телевизионной программы «Джам-Ӓ Джам» за 1997–2000 гг. (на персидском языке).

С. М. Кудасев

О ВЗГЛЯДАХ НЕКОТОРЫХ ИРАНСКИХ УЧЕНЫХ НА ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Последние два десятилетия XX в. ознаменовались ускорением процессов глобализации, сопровождавшимися изменением мировой экономической стратегии, переходом стран к рыночным моделям социально-экономического развития. Однако этот процесс не был прямолинейным. Мировая экономическая система испытывала и подъемы и кризисы. Проявлением последних стали валютные кризисы в переходных экономиках в Болгарии и Румынии в 1996 г., на Украине и Белоруссии — в 1997–1998 гг., в России, Грузии и Киргизии — в 1998 г., и, наконец, глобальный, или азиатский финансовый кризис. Но общая тенденция к экономической либерализации сохранялась. Многие из стран в конце 70–80-х гг. испытали крупные политические потрясения, связанные с необходимостью изменения их экономических моделей, но только в Иране в 1979 г. произошла революция и установилась такая форма государственности, которая стала проводить политику, диаметрально противоположную мировой экономической тенденции.

Так как особенности экономического развития и экономической политики ИРИ достаточно подробно исследованы в работах российских иранистов, научный интерес может представить анализ взглядов иранских ученых на проблемы экономического развития. В этой связи нельзя не сказать о работе И. Раззаки «Гозиде-е эктесаде Иран» — «Обзор экономики Ирана», опубликованной в Тегеране в 1996 г. Взгляды И. Раззаки отражают официальную позицию правящих кругов по проблемам экономики в условиях первых лет Исламской Республики Иран, точку зрения довольно значительного спектра политических сил последних лет, что позволяет сопоставить его трактовку с практической деятельностью го-

сударства в области экономики, увидеть эволюцию взглядов исламского руководства. При объяснении необходимости тех радикальных экономических мер, которые были предприняты после иранской революции, И. Раззаки основной акцент делает на исследовании процесса углубления зависимости Ирана от Запада. Автор рассматривает развитие связей с западными странами именно как причины зависимости, нараставшей с начала экспансии развитых европейских стран в Иран и усилившейся в период «белой революции» шаха.

Основной причиной нарастания экономической и культурной зависимости, с точки зрения Раззаки, стало формирование «потребительской модели» или западной модели потребления. Изменение поведенческих стереотипов, постепенная утрата собственной идентификации привели к усилению «западничества» и, как следствие, к зависимому развитию. Структура внешней и внутренней торговли, отечественной промышленности формировалась в значительной мере через механизм потребностей Запада, расширение «монтажной» промышленности требовало увеличения импортных полуфабрикатов, а следовательно, увеличения экспорта нефти. Сложившаяся в результате такой модели взаимоотношений с развитыми странами в 60–70-е годы экономическая структура Ирана до сих пор плохо поддается перестройке.

Основной пафос критики И. Раззаки экономической политики шахского режима Ирана в дореволюционный период — в ее капиталистической направленности и прозападной ориентации. Поэтому мероприятия исламского государства по национализации крупнейших компаний, банков и других коммерческих компаний, особенно с участием иностранного капитала, рассматриваются им как единственно возможные и верные. Постепенное сосредоточение в 80-е годы в руках правительства непосредственного контроля над экономикой также рассматривается как модель развития, органически присущая именно исламскому государству.

В этой связи интерес заслуживает факт разработки двухлетнего плана развития на 1986–1987 гг., который являлся новым вариантом двух последних лет первого пятилетнего плана развития, подготовленного правительством Мир Хосейна Мусави (1983–1987 гг.), одобренного меджлисом, но отклоненного Наблюдательным советом. Принятие дополнительного двухлетнего плана было вызвано резким падением цен на нефть на мировом рынке и необходимостью сокращения бюджетного финансирования. Особое внимание при осуществлении этого плана уделялось «стаби-

лизации цен на основные продукты питания и постоянному контролю за ценами»¹, т. е. план фактически предполагал почти полное огосударствление экономики. В основу этого нового плана был положен принцип обеспечения прожиточного минимума средней иранской семьи (родителей и пяти детей). Именно этот принцип рассматривается в данной работе как наиболее позитивный и предпочтительный. Конечно, данный план, по существу, отражал крайнюю напряженность государственного бюджета после шести лет войны с Ираком, но, может быть, поэтому в нем в полной мере осознавался такой объективно положительный принцип, как необходимость «считать затратной любую экономическую деятельность, не связанную с инвестициями»². Нельзя не отметить, что этот экономический принцип, а главное, потребность в инвестициях, остро испытываемая иранской экономикой после окончания войны с Ираком в 1979 г., станет движущим в изменении экономической политики Ирана.

Это изменение экономической стратегии связано с принятием пятилетнего плана развития на 1989—1993 гг. Так как именно этот план был принят не только меджлисом (11.11.1368 г.), но и одобрен Наблюдательным советом, он, а не предыдущий план правительства Мусави, официально получил название Первого пятилетнего плана. Стратегия нового плана заключалась как в увеличении накопительной доли ВВП, так и расширении его потребительской части, так как в послевоенный период необходимо было повысить жизненный уровень населения и увеличить емкость внутреннего рынка как одной из предпосылок расширения производства товаров и услуг. Программа плана предусматривала постепенный отход от централизованного управления экономическими процессами, в том числе ценообразованием, широкого допуска частного капитала в различные сферы экономической деятельности. Разработка и принятие Первого пятилетнего плана сопровождалось острой борьбой между сторонниками продолжения экономического курса на преобладание командной роли государства и государственного сектора и перехода к более рыночно ориентированной экономической политике. Правительство Али Акбара Рафсанджани, ставшего в 1989 г. президентом Ирана, избрало второй вариант и старалось развивать это направление экономической политики, идущее в русле тенденций мирового экономического развития. И. Раззаки рассматривает новый пятилетний план и, следовательно, эту новую модель развития «ни чем иным, как вестернизацией, причём в её потребительской форме»³. Действительно, этот план в корне изменил предыдущую —

«тоухидную» модель экономического развития, законодательно введя рыночные принципы функционирования экономики. Впервые после революции было разрешено использовать иностранный капитал, хотя и в ограниченном виде — в форме «бай-бэк», в качестве одной из целей была намечена приватизация, либерализация внешней торговли, отказ от диктата за ценами внутреннего рынка. Наибольшим изменениям подверглась внутренняя торговля, которая в условиях восьмилетней войны с Ираком была фактически превращена в систему распределения. Несмотря на все недостатки этой системы, безусловно, она содержала элемент ассоциировавшейся с исламской социальной справедливости, так как позволяла в условиях острой нехватки товаров контролировать товарные потоки. Но даже И. Раззаки вынужден признать, что «городские и потребительские кооперативы, местные советы и советы при мечетях в деле распределения товаров играли роль больше успокоительную, чем конструктивную». Правда, он склонен в качестве основной причины расстройств торговли считать не изжившую себя жестко-централизованную модель развития, ограничивавшую инициативу частного сектора, а отсутствие «разработанных правовых основ для организации и деятельности кооперативов, которые могли бы действительно сыграть важную роль в решении проблем обеспечения населения»⁴.

Ускорение экономического развития Ирана после перехода к новой модели развития И. Раззаки оценивает лишь как «постепенное преодоление некоторых трудностей» и как возврат к дореволюционному направлению развития. По его мнению, «принятие и осуществление «экзогенных» (борунза) моделей развития, особенно в период правления Пехлеви, произвели настолько глубокие и далеко зашедшие изменения в экономике Ирана, что никакие победы, связанные с провозглашением национального суверенитета и избавления от иностранного воздействия, не привели к серьезному уменьшению роли компрадорской, западно-ориентированной отечественной буржуазии и не смогли полностью свести экономику Ирана с накатанной колеи зависимости от технологически далеко ушедших стран. Одними лишь резкими сменами политики в отношении финансов, банков, денег и т. п. невозможно перевести экономику всей страны на путь самобытно-эндогенного (дарунза) развития»⁵. В этих словах можно увидеть, прежде всего, признание того, что экономика Ирана, как показал опыт ее развития в послереволюционные годы, настолько интегрирована в мировую экономику, что разрыв с нею, отказ от общемировых принципов хозяйствования чреват для Ира-

на кризисным состоянием. Второе и немаловажное признание заключается в том, что некоторыми иранскими экономистами, разделяющими взгляды Раззаки, переход к новой экономической политике расценивается почти как возврат к основным принципам дореволюционной экономической модели. Возможно, что в этих экономических тенденциях, особенно в наращивании влияния прозападной потребительской культуры, многие из иранских идеологов видят угрозу отечественной самобытности, утраты элементов собственной культуры, в том числе и экономической. Поэтому д-р И. Раззаки считает, и с ним трудно не согласиться, что «для преобразования экономики страны из чужеродной в самостоятельную требуется целый комплекс мероприятий как экономических, так политических и культурных, которые бы стали постоянными факторами воздействия на экономику».

Необходимо сказать о том, что если реализация Первого пятилетнего плана осуществлялась успешно, темпы роста ВВП и промышленного производства нарастали, то уже выполнение Второго пятилетнего плана (1994–1999) столкнулось с большими экономическими трудностями. Это было обусловлено как рядом внутренних причин, так и внешних, главной из которых стала резко негативная позиция США в отношении Ирана. В 1997–1998 гг. экономическая ситуация осложнилась в связи с падением цен на нефть.

Это не могло не привести к усилению критики экономического курса правительства как справа, так и слева. Одни выражали недовольство поспешностью реформ, другие — их недостаточно быстрыми темпами. Однако и те и другие считали необходимым подходить к решению экономических проблем комплексно, т. е. учитывая и политические и национально-культурные традиции и особенности. В журнале «Гозареш» в 1998 г. была опубликована (размещена и в электронной версии журнала) статья Анвара Хаеми, в которой он считал, что для Ирана наиболее предпочтительной является «смешанная модель экономики»⁶. При этом соотношение государственного и частного начала в экономическом развитии может меняться в зависимости от структурных изменений в самой экономике, должно регулироваться принципом наибольшей целесообразности и эффективности. Особенно болезненной, с точки зрения А. Хаеми, является неослабевающая зависимость иранской экономики от нефти, от импортных поставок продовольствия, особенно пшеницы. А. Хаеми считает, что «условием успеха такого подхода к оздоровлению нашей большой экономики являются создание и укрепление настоящего гражданского общества, обеспечение власти законности и самоотверженная борьба с бюрократией, связями и всякого рода

попытками монополизма в экономической и социальной сферах». Эта позиция находится в русле стратегии, которую предложил иранскому обществу президент Ирана М. Хатами, который также связывает успех экономического развития с гражданскими преобразованиями. Это же отвечает исламским принципам и принципам Конституции, которые рассматривают экономику в неразрывной связи с остальными аспектами жизни общества. Возможно, поэтому А. Хаменеи, имея в виду эту органическую связь, перефразируя известный байт Хафиза:

«Давай покроем все вокруг цветами, и кубки все вином
наполним,

Обрушим потолок небес и заново все перестроим»

назвал свою статью очень образно и очень многозначно: «Экономика Ирана — это мир, который следует перестроить заново и в котором следует заново перевоспитать людей». Поиск наиболее оптимальной для иранских условий модели экономического развития тесно связывается с учетом и возможным изменением национальных трудовых традиций, взаимоотношений в процессе экономической деятельности, подобно тому как использование японских национальных традиций стало одним из факторов создания японской экономической модели. Приведенные выше точки зрения некоторых иранских ученых позволяют увидеть актуальность экономических дискуссий, крайнее разнообразие палитры мнений по проблемам экономического развития Ирана в условиях исламского правления, глубокую взаимосвязь между характером государственной власти и экономическим развитием.

¹ *И. Раззаки. Очерк экономики Ирана. Тегеран, с. 187.*

² Там же, с. 188.

³ Там же, с. 202.

⁴ Там же, с. 578. Эттелаат, 8.12.1982.

⁵ Там же, с. 38.

⁶ Гозареш, хордад 1377 (май—июнь 1998), № 88, с. 36–39.

Ю. А. Аверьянов

СУФИЗМ И ПОЛИТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ШАХА ИСМАИЛА I СЕФЕВИ (ХАТАИ)

Основатель Сефевидского государства в Иране шах Исмаил Сефевид (Сафавид, 1487–1524) был, как известно, чрезвычайно популярным суфийским наставником (шейхом), возглавлявшим движение так называемых «кызылбашей» (представителей ряда туркменских племен на территории северо-западного Ирана). По своим воззрениям шах Исмаил был близок к неортодоксальному течению в шиизме, известному под названием хуруфизма. Это течение возникло в Иране в конце XIV в., его основные положения были разработаны Фазлуллахом Астрабади и его учениками, среди которых наиболее выдающимся был поэт Имадеддин Несими. Шах Исмаил писал суфийские стихотворения под псевдонимом Хатаи. Часть этих стихотворений написана на персидском языке и предназначалась для персоязычных последователей Исмаила. Другая часть его стихов, вошедшая в отдельный небольшой диван, была написана на тюркском (азербайджанском) наречии и предназначалась для распространения в среде тюркских племен-кызылбашей, составлявших костяк воинства Исмаила и являвшихся его опорой в духовном, идеологическом и государственном планах. Стихотворения Исмаила написаны от лица высшего духовного и светского лидера этих племен; вследствие этого их нельзя рассматривать как «искусство для искусства». Наряду с поэтическими достоинствами эти стихотворения представляют собой важный идеологический документ эпохи, раскрывающий формы и методы религиозно-поэтической пропаганды Исмаила Сефевид и его ближайшего окружения. Эта пропаганда имела далеко идущие цели: она охватывала не только тюркские народы Ирана и Азербайджана, но была обращена и к населению азиатской Турции, говорившем на сходном диалекте и склонявшемся к шиитскому вероисповеданию. Стихи Исмаила были нацелены

прежде всего на проповедь и наставление новых адептов в определенном религиозном учении, оппозиционном господствующему направлению в исламе (суннизму). Тюркские стихотворения Исмаила особенно интересны в этом плане, так как тюркские племена были главной опорой его империи. Эти стихотворения представляют собой религиозные гимны («иляхи», «нефес») и написаны в жанре азербайджанской народной поэтической традиции (кошма). Поэзия шаха Исмаила до сих пор пользуется значительной известностью среди кызылбашей Ирана и Турции и recitiруется во время религиозных собраний шиитских сектантов (так называемые «айин-и джем») под аккомпанемент традиционного оркестра («саза»).

Исмаил Хатаи был в какой-то степени подражателем поэта Несими (казнен в 1417 г.), но его высокий социальный статус и особенности социальных групп, к которым он обращался с проповедью, предопределили менее «идейный» и более «популярный» стиль его произведений, близкий к стилю народной поэзии. Поскольку тюркские стихи Исмаила пользуются меньшей известностью среди ученых-иранистов и редко публикуются, мы сочли необходимым в этой статье дать перевод некоторых тюркских «нефесов» и «илахи» этого правителя (в ряде случаев с некоторыми сокращениями). Здесь приводятся стихотворения Исмаила, написанные размером хедже и взятые из различных сборников и сводов (диванче, меджиза), обработанных, в основном, турецкими исследователями религиозной поэзии средневековья.

Несмотря на то, что суфийское братство сафавита, во главе которого стоял Исмаил Сефевы (Хатаи), было по преимуществу азербайджанским, оно подверглось глубочайшему воздействию иранской традиции суфизма, насчитывавшей к тому времени не менее семисот лет и прославленной по всему исламскому миру такими знаменитыми авторами, как Санаи, Аттар, Саади, Руми, Хафиз, Джамии. Нельзя не признать тот факт, что творчество Исмаила Хатаи по отношению к этой традиции носило несколько маргинальный характер, т. е. стояло как бы в стороне от основного русла развития иранской суфийской мысли. С другой стороны, именно эта маргинальность и сравнительно позднее приобщение к ценностям суфийского пути позволяли Исмаилу и его последователям сохранить в качестве живого, развивающегося вероучения то, что у самих иранских суфиев того времени превратилось лишь в блестящие поэтические метафоры, лишённые глубокого духовного содержания. Представители кызылбашских племен, по видимому, действительно верили в слова своего шейха, и сам

этот шейх, вступивший на «духовный» престол еще мальчиком, верил в свою «небесную» миссию и в то, что ему предназначено выполнить в этом мире некое высочайшее предписание, исходящее от самой «Истины» (Хакк). В творчестве Исмаила обращают на себя внимание прежде всего два образа, тесно связанные со всей духовной культурой мусульманского Ирана: образ имама Али и образ высшей Истины (Хакк). Иногда Исмаил отождествляет себя в своих стихах с Истиной:

Я бросался от одного светоча к другому,
Я стал слезою и просочился сквозь землю,
Я был одно время Истиной и оставался Истиной,
Пал огонь на сердце мое, загорелся я и пришел [сюда].

В начале начальных времен мы познали Истину,
Раздался глас Истины, и мы признали Истину,
Мы омылись в мейдане¹ Сорока² [святых] и стали чисты,
И не желал я того, но омылся и пришел [сюда].

Там с одним из братьев нас записали вместе,
В мейдане Сорока [святых] мы увиделись,
Я сгорел и сварился на стоянке наставничества
И не хотел я гореть, но сгорел и пришел [сюда].

Шах Исмаил практически никогда не отождествляет себя с имамом Али, называя себя его «служгой», «наименьшим рабом», в то время как к самому Али он обращается как к «прекрасному Шаху», «наставнику», «Шаху святости», «Царю мужей». Он утверждает, что для того, чтобы постичь Личность имама Али, нужно полностью отречься от своей собственной личности, забыть о своем существовании:

Не вступай в мейдан, не преодолев двойственности, берегись!
Один из двух — это мой наставник («пир») Али.
Лишь достигнув единения («вахдет»), приходи в мейдан.
Я — нищий раб, мой Шах — Али.

¹ М е й д а н — ритуальное помещение у кызылбашей, в котором происходит посвящение достигших совершеннолетия членов общины.

² С о р о к с в я т ы х (абдалов) — сорок высших иерархов, осуществляющих духовное правление миром.

Ашики¹ сжигают сами себя любовью,
А сердце отступника сжигает Каабу.
Путь постигших («эренов») ведет к Али,
Али — венец главы моей, мой вождь!

Преданность праведных, мучение ашиков,
Это он, старец старцев, самый юный из юных,
Он — раковина, и он же жемчужина, и он — море.
Он — мой рубин и коралл, мой жемчуг — Али!

На поясе его перевяжь с мечом Зульфикар,
Вокруг него газии кружатся в танце, справа и слева,
Глашатай его Мухаммед на пути вознесения («мирадж»)
Мой лев, мой тигр, мой леопард — Али!

Хатаи говорит: я не дам пощады Йезиду!
Я скошу под корень потомство его в мире.
[Али] Скрывался в облаке до сотворения мира,
И когда не будет мира, жизнью моей будет Али.

Культ Али достигает в стихах Исмаила наибольших высот. Однако и в этом отношении Исмаил не расходится с предшествующей ему поэтической и религиозной традицией. Другие аспекты творчества Исмаила также восходят к многовековой истории суфийского мировоззрения.

Как известно, одним из первых иранских суфиев был Ибрахим ибн Адхам Балхи. Согласно суфийским легендам, он был правителем Балха, который отказался от трона и вел в дальнейшем аскетическую жизнь. История Ибрахима Адхама отчасти напоминает историю Будды. Но Исмаил Сефевии не пошел путем Ибрахима. Он не отрекся от власти и даже, наоборот, прилагал все усилия к тому, чтобы укрепить свое обширное государство. Аскетизм Ибрахима Адхама был, судя по всему, чуждым шаху Исмаилу. Но отношение его к царской власти было также весьма скептически. Так Исмаил писал в одном из духовных гимнов:

Приди, стань рабом этому Шаху [Али],
И никогда ты не будешь унижен.
Преклони голову на этом пороге;
Это место твое, и никто его у тебя не отнимет...

¹ А ш и к и — странники на пути любви, ищущие в земном мире возможности увидеть и приобщиться к неземному Возлюбленному (Богу).

Я вышел на луг Сорока святых,
И воззвал во имя любви к Троице,
И пал лицом на землю...
Из любви к Семи, к Сорока [святым].

Пусть он придет, мой Мухаммед, пусть придет!
Жертвую душу мою истинному Богу!
Пусть протянет он руку падшим грешникам
Из любви к Мухаммеду и Али...

Покинем же эту юдоль,
Отделим белое от черного,
Напьемся воды из источника рая
С любовью к кубку в руках [Али].

В этом гимне привлекает внимание упоминание помимо «сорока» святых, еще и «троицы» и «семерицы» святых. Уже ранний иранский суфий ат-Тирмизи (IX век) в своей книге «Хатм аль-авлийа» («Печать святых») разработал идею о существовании лиц, особо приближенных к Богу, святых («вали-Аллах»). Ат-Тирмизи принадлежала идея о существовании трех, семи, сорока высших иерархов, во главе которых стоит верховный святитель («печать» или «завершение святых»). Впоследствии под этим святителем стали подразумевать имама Али. Но Тирмизи в отличие от представителей шиитских учений полагал, что пророки во главе с Мухаммедом стоят выше, чем «вали» (святые), т. к. они были в степени «вали» до того, как удостоились пророческой миссии. В более поздних суфийских представлениях Мухаммед и Али вообще перестают различаться и сливаются в некий единый образ Мухаммеда Али, как мы видим это и в духовных стихах шаха Исмаила. Особенно показательно в этом плане одно из стихотворений Исмаила, воспевающих «кызылбашскую Троицу», — Аллаха, Мухамеда и Али, — приравнивая их при этом к божественной сущности Аллаха:

Я не знаю других слов кроме:
«Аллах един, Мухаммед, Али».
Я не кинусь в чужие пределы:
«Аллах един, Мухаммед, Али».

Верный, преданный держится за их одеяние
[букв. «подол»],
В сердце своем отводит им место,

Произнося зикр¹, достигает их:
«Аллах един, Мухаммед, Али».

Два птенца в одном гнезде,
Вместе парят они в воздухе,
Над горами, морями и долинами:
«Аллах един, Мухаммед, Али».

То, на что они сядут, становится Бураком²,
То, что они зажгут, становится сиянием,
Столпом становится от земли до неба:
«Аллах един, Мухаммед, Али».

Хатаи, ты сложишь голову на этом пути,
И те, кто сложил голову, становятся святыми.
В луне заключена тайна, в солнце — свет:
«Аллах един, Мухаммед, Али».

Понятие Махди — Мессии, который придет на землю перед Судным днем для установления окончательной справедливости, также встречается уже у Тирмизи. Появление Махди должно предшествовать приходу «печати святых» в этот мир. Махди должен происходить из дома пророка. Шах Исмаил был почитаем в качестве Махди рядом своих последователей, но сам он в своих произведениях никогда прямо не отождествлял себя с Махди. Исмаил претендовал, по-видимому, лишь на роль «совершенного» наставника», но даже это выражение он употреблял в третьем лице, ничем не подчеркивая свою исключительность. В одном из гимнов Исмаила встречается упоминание некоего «царского сына», т.е., по всей вероятности, потомка имама Али, но нет прямых указаний на то, что под этим «сыном» подразумевается сам Исмаил:

Настанет день, будет зачитана тетрадь их [людей] дел,
Секира уже наготове в руках царского сына.
Когда воскреснут [букв. «пробудятся»] Таки, Наки, Аскери³,
Распустится наша роза и никогда не завянет.

¹ З и к р — поминание мистических «имен Бога», которое приводит суфия к «просветлению».

² Б у р а к — мифическое животное, на котором Мухаммед, по легенде, совершил вознесение («мирадж») к престолу Аллаха.

³ Т а к и, Н а к и, А с к е р и — шиитские имамы из числа 12-ти, потомки имама Али.

Я, Хатаи, говорю, что однажды все кончится,
Присоединяйся ты сам к длинному ряду [святых],
Любовь к Махди поддерживает эту вселенную;
Нельзя рыдать в присутствии царского сына.

Рисуя, с одной стороны, величественный облик Махди, шах Исмаил в своем поэтическом творчестве черпает вдохновение от иного, трагического, по своей сути, образа из истории раннего суфизма — образа Мансура аль-Халладжа. Халладж, великий мученик суфийского пути, был казнен в Багдаде в 922 г. Мистические воззрения Халладжа на единение человеческой души с Богом нашли выражение в его знаменитых строках:

Я — это Он, тот кого я люблю,
И Он, тот кого я люблю, — это я,
Мы два духа, живущие в одном теле.
Если ты видишь меня, ты видишь вместе с тем Его,
Если ты видишь Его, ты видишь и нас обоих.

Халладж был подвержен влиянию доисламской иранской мистической традиции. Именно поэтому он был близок и понятен многим иранским суфиям последующих веков, в том числе и шаху Исмаилу. Исмаил в отличие, скажем, от поэта Имадеддина Несими не следовал в своей жизни примеру Мансура аль-Халладжа. В стихах Исмаила образ Халладжа сливается с образом имама Али, который в мистическом понимании суфиев и был тем самым загадочным возлюбленным Халладжа, о котором он говорил: «Я — это Он». Исмаил в одном из своих гимнов отождествляет себя с Халладжем, и Али становится для него мистическим проводником к заоблачным высотам:

Приди Али, отправимся в дорогу,
Али мой, своим особым путем;
Голодные насыщаются, жаждущие упиваются
Медом губ твоих.

Что ты сделал со мною, Али мой?
Ты взял меня за руку и привел на виселицу,
Ты сам прошел по телу моему
С полной чашей в руках.

Не испивается чаша, не испивается,
Не проходит Возлюбленный мимо друга,
Оба они — одно, они нераздельны стали,
Стали они розою царского сада.

Готовят [жертвенную] пищу; вращается небосвод;
На один только миг птица садится на ветвь;
И подает кубок, полный до краев,
Сам Али рукою своей.

Пища эренов [святых] — это свет,
Протяни же руку к своей доле [букв. «куску»],
Я — шах Хатаи, а истинный Путь —
Мой Али и путь его.

Индивидуалистический характер мистических переживаний Исмаила, на первый взгляд, не имеет ничего общего с той социальной средой, в которой он жил и творил. Но показателен тот факт, что Исмаил в отличие, скажем, от самого Халладжа постоянно упоминает в своих стихах имя имама Али, которое в исламском мире стало своего рода знаменем борьбы против деспотизма и социального гнета. «Путь Али» пролегает через самопожертвование, через эшафот, и сам Али требует от своего адепта принесения в жертву собственной жизни во имя святейшего имама. Сам Али приводит человека к подобному состоянию. Необходимо «испить чашу» мученичества, принять свою судьбу для того, чтобы навечно присоединиться к Али, приобщиться к «пище света», опьянеть от «меда губ» Али, т.е. мистических откровений имама. Даже учение Халладжа не было полностью асоциальным. Оно предусматривало преодоление личной индивидуальности путем крайнего обострения конфликта между личностью и обществом и — как результат — уничтожение обществом ставшей для него опальной личности. Подобно тому как отдельная капля вливается в бесконечный океан и продолжает существовать в нем вечно, так и душа мистика, по мнению Халладжа, сливается навечно с высшим началом.

Аскетизм и самоотречение суфиев не означали сами по себе того, что они сознательно отделили себя от мусульманской общины в целом. Различные слои мусульманского общества в той или иной мере воспринимали патетический пример суфиев. Отдельные школы суфиев различались между собой типом «поминания» (зикра) и техникой медитации, но, как правило, между

ними не было враждебности. Концепция «божественной истины» позволяла суфиям более свободно толковать вопросы служения Богу и любви к Богу.

Творчество шаха Исмаила во многом вдохновлялось идеями так называемой хорасанской школы суфиев, одним из выдающихся представителей которой был, например, шейх Абу Саид ибн Аби-ль-Хайр (ок. 967–1049), проповедовавший, что суфий должен жить вместе с народом и так, как живет народ, не оставляя при этом служение Истине. Осуществить это положение на практике было, по-видимому, достаточно сложно, поскольку суфийские фантазии не находили понимания у широких масс, а претензии суфиев на собственную исключительность нередко вызывали враждебность. Подобные мотивы встречаются в стихах Исмаила, который был сторонником «избранности» суфийских мистиков:

Сердце, что ты бродишь по распутьям,
Ведь в мире нет того, что ты ищешь.
Не броди же, зовя другом сущее и не сущее,
Стань приверженцем лишь одному союзу.

Иди, суфий, иди, не сбивайся с пути,
Не печалься, что потерял ты свой род,
Не развязывай свой кошелек в каждой лавке,
Если нет рядом с тобой наставника.

Встрепенулась, взлетела птица моего сердца;
Раздор и вражда — это дело злодея.
Здесь не каждый человек узнает твоего Учителя,
И не тот, у кого наставник не свят.

Я, шах Хатаи, возглашаю сию тайну:
Разве совершенен тот, кто следует словам невежды.
Случается, однажды рыдание губит жизнь,
Если дважды не будешь любимым, возлюбленным.

Суфийские системы передачи учения («силсила»), восходившие к Мухаммеду через Али или Абу-Бекра, стали складываться к XII веку. Основывая свое учение на духовной иерархии предшественников, суфии получили возможность рассчитывать на общественное признание достоверности своих учений. Мистические техники также подверглись известной систематизации в рамках

«сильсила». Каждая «сильсила» имела свои особые методы достижения мистического экстаза и школу духовного наставничества, свои церемонии и ритуалы. В стихах Исмаила I влияние традиции «сильсила» особенно ошутимо. Его идеи по большей части очень строго ограничены рамками исповедуемого им учения. Стихи Исмаила пропагандируют определенный «путь», возводят его основы к Мухаммеду и Али, обосновывают те или иные предписания, которым должны следовать суфийские наставники и их приверженцы — «талибы» («ищущие»):

Они снизошли [с небес] и построили дом от земли до неба
Во имя любви к Али и Мухаммеду.
Они преклонили колена, подобно ангелам¹,
Во имя любви к Али и Мухаммеду.

Они изгнали и опрокинули шайтана,
Они забросали камнями сердце Йезида,
Они провозгласили святость Сорока святых
Во имя любви к Али и Мухаммеду.

Этот путь они создали — Мухаммед, Али,
Они раздали преданным [рабам] розу тариката;
Это великая обитель, дышите же ее воздухом
Во имя любви к Али и Мухаммеду.

Я, шах Хатаи, завершаю свою речь.
Сначала он [Адам] приветствовал Джебраила,
Не будет лишен [благодати] любящий шаха, Имама
Во имя любви к Али и Мухаммеду.

Суфийские обители («ханака») и гробницы наиболее почитаемых суфиев были теми центрами, вокруг которых складывались общины приверженцев того или иного «пути». Для последователей Исмаила роль духовного центра играла обитель и гробница шейха Сафиуддина Вали в Ардебиле, предка Исмаила I, основателя братства сафавийа. Сам Исмаил в своих стихах неоднократно подчеркивает значение этой обители и мистическую роль шейха Сафиуддина в наставлении на путь самого Исмаила и его мюридов:

¹ По коранической легенде, ангелы преклонили колена перед Адамом, совершенным творением Аллаха.

Мое желание и прошение у Бога моего,
Что есть у меня, кроме моего наставника?
Дай мне возможность всегда следовать за ним,
Что есть у меня, кроме наставника моего?

Наставнику ложь не к лицу, только правда подходит.
Нет прочности у лжи, ибо она разрушается.
Все, что ты желаешь, находится в нем,
Что есть у меня, кроме наставника моего?

В семи местах макамы имама Джафара.
Когда дали мне в руку мою запись —
В стране бедности макам Шейха Сафи.
Что осталось у меня, кроме наставника моего?

Эти слова произнес Султан Хатаи,
Кто еще более нищий [попрошайка], чем Хатаи,
Я подбрасываю в воздух тысячу и один округ («каза»),
Что есть у меня, кроме наставника моего?

В этих строках шах Исмаил выражает уверенность в том, что духовная юрисдикция суфийского шейха несопоставима с духовной юрисдикцией судебно-административных округов («каза»), и тысяча и одна «каза» не может сравниться с одним «макамом» (мавзолеем) шейха. Теократическая идея пронизывает и многие другие стихотворения Исмаила. Образцом ему служит правление 12 имамов, которые (за исключением Али) не были светскими правителями и в то же время сумели объединить вокруг себя почти все оппозиционные элементы в Арабском халифате. Исмаил в своих стихах посылает проклятье халифу Йезиду, убийце Хусейна, олицетворяющему в глазах шиитов несправедливую, узурпаторскую, деспотичную власть:

Я знаю — это слова Бога,
И посему я объявляю проклятье Йезиду,
Проклинать Йезида достойно поощрения,
И посему я объявляю проклятье Йезиду.

Гордость мира — Мухаммед Мустафа,
Царь мужей — Али, тайна Божья,
Мой имам, как и Хасан, создание благодати,
И посему я объявляю проклятье Йезиду.

Я — младший из меньших Джафара Садыка,
Я отступаю от тех, кто не любит Казима,
Я — возникший Али Мусы ар-Риза
И посему я объявляю проклятье Йезиду.

С тех пор как Таки стал гостем в моем сердце,
С тех пор как Наки стал имамом в моем сердце,
С тех пор как Али стал душой моего сердца,
И я возглашаю проклятье Йезиду.

Мухаммед Махди — средоточие моего поклонения,
Его воля стала местом моего поклонения,
Я шах Хатаи, Бог мое прибежище,
И посему я объявляю проклятье Йезиду.

Шиитско-суннитские противоречия в правление Исмаила I действительно обострились до крайности, и он сам был инициатором этого обострения. Вместе с тем в рамках суфийских учений шиитские и суннитские элементы сочетались, как правило, без излишней конфронтации. Так, великий иранский суфий Наджмадин Кубра (1145–1221 гг.) писал хвалебные оды в честь имама Али, оставаясь в то же время убежденным суннитом.

Для шиитской поэзии традиционны жалобы на злобу людей, на постоянное предательство со стороны тех, кому доверились и на кого возлагались надежды. Весьма часто эти жалобы встречаются в поэзии Исмаила:

Тот муж, кто верит в старца своего,
Кто устремляет взор от начала [пути] к концу,
Ибо древен сей путь, пригибающий человека к земле,
Кто бы с тобой как ни обращался, толкни его на путь!

И мы знаем, что друга, брата
Не мог я найти, разделившего со мной черный день.
Притворного друга, болтуна, смеющегося в лицо,
Говорят, нужно продать за один медяк...

Каждый человек увлечен своей призрачной мечтой,
Пребуди же в сердце его, пусть радуется!
Случается, что рыдает мой Любимый,
Которого ты видишь смеющимся до конца времен.

Истины муж не покинет Друга;
В скольких же людях не находится Истины.
Никто не узнает, если ты разоришься и продашь себя,
В сей век никто не нужен народу своему.

Хатаи, все оставшееся в мире тленно,
Где те, кто пришел сюда раньше нас?
Не думай, что враг всегда будет радоваться,
Придет день, и очередь настанет для него.

Поэзия Исмаила являет собой скорее идеологическую программу, чем выражение личных чувств автора. С особенной ясностью это можно ощутить в тех его «нефесах», которые посвящены проблеме суфийского наставничества. Суфийские «пиры» внимательно и заботливо изучали таланты и способности тех, кто просил их о посвящении в братство. Исмаил был сторонником тщательного отбора «талибов». Так, например, он писал:

Этот мейдан не пристанище бродяг,
Нельзя пройти по нему невежде, нужно быть подготовленным.
Откажись от скрытой мысли и злого нрава,
Нужно найти иной зикр, кроме собственных слов.

Сердце свое отврати от пустой легенды,
Запечатая язык своей благодатью,
Созерцай путь творения,
Он в крови разрубленного тела, там его надо искать!

Гази [борцы за веру] не желают принимать невежду.
Трава увеличивается в росте за счет своих корней...
Собрат твой — вера, твой проводник — ритуал,
Только [истинный] муж достигнет этой обители, ищи же его!

Если в этом стихотворении акцент делается на то, что у вступающего на «путь» не должно быть внутренних заблуждений, то другой «нефес» близкой тематики описывает душевное состояние ученика, желающего быть принятым в общину:

Если ты говоришь: постигните тайну Али!
Найди совершенного наставника и затем приходи.
Если ты говоришь: считайте неверие верой!
Познай сначала свое неверие и затем приходи.

Смысл шариата в том, что это призыв к человеку,
Слова тариката — это день и ночь,
Сердце — море любви, море и океан,
Стань моряком, бросься в пучину и затем приходи.

Говори слова проверенные, продуманные,
От двух основ [пути] не отрывай глаз своих.
Предай себя в руки своему наставнику,
Найди врата братства и затем приходи.

Я — шах Хатаи, язык мой вещает истину,
Отделяет тебя от гордости и неприязни.
Непричастен к этому пути тот, кто не умирал,
Раньше смерти своей умри, попробуй, и затем приходи.

Исмаил в своих стихах категорически утверждает первенство традиции «сильсила», идущей от Али и Мухаммеда, над положениями шариата, разработанными богословами, не имевшими вдохновения и мистической силы:

...Дыхание наставника — это дыхание Истины,
Это путь — страсть души ашиков...
Взывая к истине, я не сверну с избранного пути.

Пусть соберутся все вместе постигшие Истину,
Пусть раздадут всем ашикам их долю,
Пусть будет видно ясно с помощью зора Истины —
Взывая к истине, я не сверну с избранного пути.

Шах Хатаи — твой эр [святой], избранный тобой, считай его
Истиной.

Он видит твое внешнее и внутреннее.
Я узнал об истинных эренах [святых],
Взывая к истине, я не сверну с избранного пути.

Следование «тарикату» само по себе еще не означало следование какой-либо идеологической или политической программе. Скорее это подразумевалось в скрытом виде при поминании имени Али, который всю жизнь с оружием в руках боролся с «врагами веры», и его сына имама Хусейна, выступившего также с мечом в руках против деспотии Йезида и павшего мучеником за веру. Но кроме этих общих установок и отдельных проклятий по

отношению к суннитам, в стихах Исмаила трудно найти какую-либо политическую подоплеку. Несомненно, его борьба была для него борьбой за «истинную» веру, за «очищение» веры, и эти положения подкрепляли теократический характер его власти. Исмаил уповал на заступничество 12-ти имамов и, в особенности, на пришествие Махди, но самого себя он считал, в лучшем случае, лишь провозвестником этой окончательной справедливости. Отвергая богословскую догматику, Исмаил Сефевии пытался заменить ее сознательным выбором мистического пути («тариката»), который представлялся ему панацеей от всех недугов — и душевных, и социальных. Вера в Али и «Истину» должна была разрешить все противоречия в душе «талиба» («ищущего»):

Ритуалами тариката, о верный,
Разрешены все наши трудности, посмотри теперь на нас!
Сердце у нас вопрошает о пути и обрядах,
Триста шестьдесят тысяч стоянок есть сейчас.

Здесь не уважают ложь,
Дают долю тому, кто приходит павшим ниц,
Пусть знают, что луна — Али, солнце — Мухаммед,
Будь верен своей присяге, если ты правдив.

Стала непроходимой тьма моего сердца,
Сжигает мои внутренности огонь страсти,
Сжигают мою печень сорок степеней («макамов»),
Смилуйся, перевяжи ее четырьмя вратами [учения].

Став праведным, не скрывай того, что внутри у тебя,
Не порть свой ковер, если падешь лицом вниз,
Не прячь жемчужину святого:
Ты лишь один из пользователей, если нашел, отдай [другому].

Шах Исмаил касается в своих нефесах и своей роли в установлении «праведного» пути, но роль эта по-прежнему выглядит чисто духовной, без какого-либо земного оттенка. Все действия Исмаила, по его мнению, продиктованы высшей волей имама Али. Показательно, что почти во всех стихах встречаются призывы Исмаила к покорности и полному подчинению духовному наставнику, под которым он подразумевает, скорее всего, самого себя. Только в одном стихотворении Исмаил обращается к своим земным делам и, видимо, в порыве раскаяния восклицает:

Обе руки мои в красной крови,
Много грехов есть во мне.
О Господь, податель милости,
Брось взгляд на падшего раба своего!

Но весь пафос поэзии Исмаила I устремлен к неземному миру. В его религиозном сознании, собственно, политическим целям не было никакого места. Исмаил, судя по его стихам, назывался шахом только по имени, в душе он оставался только «пиром» — мистическим наставником, вещающим откровения свыше. В заключение приведем часть еще одного религиозного гимна Исмаила, содержащего его *sredo*:

Нужно измерить некую меру,
Нужно омыться некой водой,
Нужно сказать некое слово,
Которое даже ангелы не поймут.

Став птицей, нужно взлететь,
Нужно переселиться в долины [тариката],
Нужно испить из некого кубка,
Да не отрезвеют те, кто испил!

Нужно взять на себя много обязанностей,
Нужно погрузиться на дно океанов,
Нужно достать одну жемчужину,
Которой не знали сотни менял.

Нужно войти в сады [рая],
Нужно сорвать несколько роз,
Нужно быть твердым, произнося слова «Святая Истина»,
Ибо истинный ашик никогда не умрет.

Arberry A. Y. Muslim and mystics. London, 1966.

Browne E. G. A literary history of Persia. 4 vols. London, 1902–1924, reprint Cambridge, 1964.

Mole M. Les mystiques musulmans. Paris, 1965.

Sadettin Nəzhet. Bektəoi yəairleri. Əstanbul, 1930.

Fuat Kırpılyzade. Tьrk edebiyatı tarihi. Əstanbul, 1928.

SUMMARY

In March 2000 a scientific conference «Iran: Islam and Power» was held in the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science. It caused great scientific and practical interest. The problem of power in Islam became urgent after foundation of Islamic Republic in Iran in 1979 because policy and practice of new state power in Iran had great influence on the state and perspectives of international policy. 20 years have passed after Iranian revolution which liquidated monarchy, which had millennial traditions, and established original republican state with attributes of religious power. What is the essence of Islamic republican state, what changes has it had in its different areas, has the correlation between state and religious interests changed, has the correlation between secular and religious elements in the state power and policy changed? The following questions alongside with many others became the subject of discussion at the conference and the reports delivered at the conference are included into this book. In this collection of works there are also articles which at first sight are not directly connected with the problem of «Islam and power», but undoubtedly they make our understanding of the essence and peculiarities of Islamic rule in Iran better.

Some points of view of the authors don't correspond either to the official point of view or to the point of view of the editors of this book. But we think that different views on the problems of modern Iran, on it's relations with different countries can be interesting not only from scientific point of view but also can be useful to the official circles both of Russia and Iran.

The articles in this book are presented in the authors versions. The edition was possible due to the sponsorship of the Cultural Representation of the Islamic Republic of Iran.

CONTENTS

Mehdi Sanai. Political ideas in Islamic society.

Mamedova N.M. Islamic state: correlation of state and ideological priorities.

Druzilovsky S.B. To the problem of the character of the anti-shah revolution in Iran (on the materials of foreign literature).

Klyashtorina V.B. The origin and transformation of the slogan of Iranian revolution «Na shargi na garbi – islami» (to the problem of national identification).

Avdeev G.P. Some conceptional ideas of ayatolla Talegani on the essence of Islamic power.

Mamedova N.M. Tendencies of democratization in political life in Iran.

Ravandi-Fedai S.M. Factionalism in Iran and the role of Iranian clergy in the postrevolutionary political life in Iran.

Tsukanov V.P. The realization of financial policy on Iran under the conditions of oil shocks (during 60—90).

Vagin M.V. President M.Khatami and his conception of «Islamic civil society» and «dilogue of civilizations».

Markin K.V. The essence of Islamic renaissance in thew modern world and the processes of evolution of social-political system of Islamic Republic of Iran.

Arabajan A.Z. On Imam Khomeiny's speech delivered at the Beheshte Zohra cemetery February 1 1979.

Kameneva M.S. Persian language as a factor of cultural integration of peoples.

Zigalina O.I. Present day situation in Iranian Kurdistan.

Kulagina L.M., Ahmedov V.M. Iran coming out of isolation.

Arabajan A.Z. The Superpowers and the Islamic Republic of Iran (Point of view).

Dunaeva E.V. Iran and countries of Western Europe: developing relations.

Fedorova I.E. Iran and the US – facing a new century.

Arunova M.R. RF – IRI. Political dialogue: 1999—2000.

Orlov E.A. Russia and Iran in the XX century (main types of relations).

Arabajan Z.A. The USA's pressure on the USSR and the achievement of the Agreement on the Withdrawal of the Soviet Troops from Iran after the Second World War.

Hutorskaya V.V. Relations of Islamic Republic of Iran and countries of Central Esia.

Salamatshaeva L. Koranic origin of one of the sufi's rubais of Hasan Dehlevi.

Talibova S.E. «Figures of Speech» and copulative combinations in the speeches of the highest officials of IRI.

Kudaev S.M. Points of view of some iranian scientists on the problem of economic policy.

Averianov Y.A. The Sufism and the politics in the literary works of shah of Iran Ismail I Safevi (Hatai).

Summary

فهرست

- ۱- مهدی سنایی : «اندیشه سیاسی در جامعه»
- ۲- ن.م. مامدوا : «دولت اسلامی : تناسب اولویت های دولتی و ایدئولوژیک»
- ۳- س.ب. دروژیلوفسکی : «ارزیابی انقلاب ضد شاه در ایران (در زمینه ادبیات خارجی)»
- ۴- و.ب. کلیا شتارینا : «پدایش و تغییر شعار انقلاب ایران» نه شرقی ، نه غربی - جمهوری اسلامی» (راجع به مسئله یکسان سازی ملی)
- ۵- ک.پ. آودیف : «بخشی از دیدگاههای نظری آیت الله طالقانی نسبت به ماهیت انقلاب اسلامی»
- ۶- ن.م. مامدوا : «تمایلات دموکراتزه نمودن زندگی سیاسی کشور»
- ۷- س.م. راوندی : «فراکسیونسیم در ایران و نقش روحانیت در حیات سیاسی کشور پس از انقلاب»
- ۸- و.پ. تسو کانوف : «راجع به سیاست مالی ایران در شرایط شوک نفتی (سالهای ۶۰ تا ۹۰ میلادی)»
- ۹- م.و. واگین : «رئیس جمهور خاتمی و نظریات او در مورد جامعه مدنی اسلامی و گفتگوی تمدنها»
- ۱۰- ک.و. مارکوف : «ماهیت احیای اسلامی در جهان معاصر و روند های تکامل نظام سیاسی جمهوری اسلامی ایران»
- ۱۱- آ.ز. آراباجان : «راجع به سخنرانی امام خمینی در گلزار بهشت زهرا (فوریه ۱۹۷۹ در رابطه با چگونگی انقلاب اسلامی)»
- ۱۲- م.س. کامنوا : «زبان فارسی به عنوان عامل همگرایی فرهنگی اقوام»
- ۱۳- آ.ی. ژیکالینا : «وضع کنونی در کردستان ایران»
- ۱۴- ل.م. کولا گینا ، و.م. احمداف : «ایران از انزوا بیرون می آید»

- ۱۵- آ. ز. آراباجان : « کشورهای ابر قدرت و جمهوری اسلامی ایران (نقطه نظر) »
- ۱۶- ی. و. دونایوا : « روابط ایران با کشورهای اروپای غربی رونق پیدا می کند»
- ۱۷- ای. ی. فیودورووا : « روابط میان ایران و آمریکا در آستانه قرن جدید»
- ۱۸- م. ر. آرونوا : « گفتگوی سیاسی میان فدراسیون روسیه و ایران در سالهای ۱۹۹۹-۲۰۰۰ »
- ۱۹- ی. آ. اورلوف : « روسیه و ایران در قرن ۲۰ : (اشکال اساسی روابط متقابل) »
- ۲۰- آ. ز. آراباجان : « فشار آمریکا به اتحاد شوروی و توافق در زمینه خروج نظامیان شوروی از ایران پس از جنگ جهانی دوم»
- ۲۱- و. و. خوتور سکایا : « روابط میان جمهوری اسلامی ایران و کشورهای آسیای مرکزی»
- ۲۲- ل. سلامت شایوا : « زمینه قرآنی یک رباعی عرفانی حسن دهلوی»
- ۲۳- س. ای. طالبواوا : «شکل سخن و ویژگی های سخنرانی های رهبران عالی رتبه ایران»
- ۲۴- س. م. کودایف : « دیدگاههای برخی از دانشمندان ایران در مورد سیاست اقتصادی»
- ۲۵- یو. آ. آوریانوف : « تصوف و سیاست در آثارشاه اسماعیل صفوی»

Научное издание
Иран: ислам и власть

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН
(в авторской редакции)

Компьютерный набор *З. А. Исаева*
Оригинал-макет *А. Б. Дунаева*
Корректор *Л. В. Хохлова*

Сдано в набор 25.04.01. Подписано к печати 28.05.01.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.п.л. 17,5. Уч.-изд.л. 18. Тираж 1000 экз.
Зак. 166.

Институт востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом Ю. В. Чудодеев
ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

ООО Издательство «Крафт+»
129343, Москва, проезд Серебрякова, 14
Тел. 186-93-78, 363-68-73
ИД № 00173 от 27 сентября 1999 г.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ГУП «Облиздат»,
248640, Калуга, пл. Старый торг, 5, тел. 57-40-70